

Звезды
НОВОЙ
фэнтези

ДЖИМ БАТЧЕР

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

ЛЕТНИЙ РЫЦАРЬ
ЛИКИ СМЕРТИ

Лучший образец городской фэнтези, соединивший в себе
эффектную магию и глубоко проработанный характер героя.

Publishers Weekly

Звезды новой фэнтези

Джим Батчер

**Архивы Дрездена: Летний
Рыцарь. Лики смерти**

«Азбука-Аттикус»

2002, 2203

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Батчер Д.

Архивы Дрездена: Летний Рыцарь. Лики смерти / Д. Батчер —
«Азбука-Аттикус», 2002, 2203 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-20250-4

Его зовут Гарри Блэкстоун Копперфилд Дрезден. Можете колдовать с этим именем – за последствия он не отвечает. Когда дела принимают странный оборот, когда то, чему положено хорониться во мраке, выползает на свет, когда никто больше не может помочь вам, звоните... Кому? Ему, Гарри Дрездену. Имя его есть в «Желтых страницах»... На этот раз («Летний Рыцарь») судьба подбросила Гарри Дрездену дело не из простых – убит Летний Рыцарь, посредник между Летним и Зимним дворами фэйри, и миссия чародея Гарри не только расследовать это дело, но и остановить войну, сотрясающую миры, земной и потусторонний... Не успел герой отдышаться, как снова судьба-злодейка бросает его в водоворот страстей («Лики смерти»). Похищена Туринская плащаница, та, в которую, по преданию, был завернут Иисус Христос после снятия с креста на Голгофе. И найти ее поручено Гарри Дрездену. Поиск осложняется тем, что за реликвией, кроме Гарри, охотится тайный орден явно не земного происхождения, а еще чикагская мафия, не знающая ни жалости, ни пощады. Да и полиция, как всегда, не прочь прижать чародея к стенке. Цикл романов о Гарри Дрездене занимает достойное место в одном ряду с таким известным образцом фэнтези-детектива, как сериал о приключениях Гаррета, вышедший из-под пера Глена Кука.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20250-4

© Батчер Д., 2002, 2203

© Азбука-Аттикус, 2002, 2203

Содержание

Летний Рыцарь	7
Благодарности	8
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	47
Глава 7	55
Глава 8	66
Глава 9	71
Глава 10	76
Глава 11	84
Глава 12	88
Глава 13	92
Глава 14	99
Глава 15	107
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Джим Батчер

Архивы Дрездена: Летний Рыцарь; Лики смерти

Jim Butcher

SUMMER KNIGHT

Copyright © 2002 by Jim Butcher

DEATH MASKS

Copyright © 2003 by Jim Butcher

Published by permission of the author and his literary agents, Donald Maass Literary Agency
(USA)

via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

All rights reserved

© Н. К. Кудряшев, перевод, 2004, 2006

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Я более десяти лет читаю «Архивы Дрездена», и почему-то каждая новая книга мне лучше предыдущих. Это моя любимая проза: увлекательная, глубокая, сложная, необычная и вообще чудесная.

Патрик Ротфусс, автор международного бестселлера «Имя ветра»

Взять лучшие элементы городской фэнтези и старого доброго детектива-нуар, плеснуть романтики, щедро заправить высокооктановым экшеном, смешать, взболтать и подавать к столу.

SF Site

Лучший образец городской фэнтези, соединившей в себе эффектную магию и глубоко проработанный характер героя.

Publishers Weekly

Летний Рыцарь

Эта книга посвящается всем старшим сестрам, у которых хватает терпения не душить младших братцев, и в особенности моим сестрам, которым пришлось терпеть больше многих. Я очень многим обязан вам обеим.

И маме – по причинам столь очевидным, что о них и говорить-то вслух не надо... хотя, пожалуй, все-таки упомяну то самое сахарное печенье и кресло-качалку, под скрип которого так сладко было засыпать.

Благодарности

Автор (это я) хочет выразить благодарность всем, кого следовало бы поблагодарить в других книгах: это, конечно, Риция и Эй. Дж., а также, вне всяких сомнений, Джен. Спасибо всем людям, которые все это время очень поддерживали мой труд. Это прежде всего Уил и Эрин (респект от меня за отличную информацию о Чикаго), Фред и Крис, Мартина и Кэрролайн, Дебра и Кэм, Джесс, Моника и Эйприл.

Спасибо и вам, замечательные библиотекари, которые правдами и неправдами заставили людей читать мои книги, и персоналу книжного магазина (в том числе тем, кого я не знаю), который изо всех сил старался помочь мне быть замеченным читателями. Признаюсь, мне немного неловко, но я очень признателен вам всем.

Я обязан благодарностью стольким людям, что, вероятно, не в состоянии упомянуть всех. Если я кого-то упустил, сообщите Шеннон. Она стукнет меня по голове бейсбольной битой и укажет на оплошность.

(P. S. Шеннон и Дж. Дж., вам, как всегда, спасибо. Я бы пообещал проявлять меньше странностей, но мы ведь знаем, как долго я смогу выполнять свое обещание.)

Глава 1

В день, когда Белый Совет собрался в Чикаго, выпал дождь из жаб.

Я выбрался из «Голубого жучка», моего побитого временем и передрыгами старого «фольксвагена», и прищурился от ослепительного июньского солнца. Парк Лейк-Медоу раскинулся южнее Чикаго-Луп¹, метрах в четырехстах от берега озера Мичиган. Даже в жару, не спадавшую последние недели, парку полагалось быть людным. Сегодня он пустовал, если не считать пожилой леди в длинном плаще, толкавшей по аллеям тележку с какой-то ерундой. Черт, до полудня оставалось больше часа, а я уже совершенно взмок в трениках и футболке.

С минуту я хмуро шарил по парку взглядом, потом сделал пару шагов по траве и сразу же получил по башке чем-то мягким и влажным.

Я вздрогнул и провел ладонью по волосам. Что-то небольшое скользнуло по моему лицу и шмякнулось на землю. Жаба. По жабым меркам довольно небольшая – она запросто уместилась бы у меня на ладони. Упав на землю, она несколько мгновений лежала, почти не трепыхаясь, потом сипло квакнула и, петляя как пьяная, поковыляла прочь.

Я огляделся по сторонам и увидел в траве еще жаб. Много жаб. Чем дальше я заходил в парк, тем громче становилось их кваканье. На моих глазах несколько земноводных свалились с чистого неба, – казалось, Всевышний опрокинул там, на небесах, бочку с этими тварями. Повсюду в траве прыгали жабы. Они не устилали траву сплошным ковром, но и не наступить на них становилось все труднее. С частотой примерно в секунду слышался шлепок очередной приземляющейся жабы. Их негромкое кваканье напоминало шум голосов в набитой людьми гостиной.

– Дичь, правда? – спросил взволнованный голос.

Я повернулся и увидел невысокого широкоплечего молодого человека, направлявшегося ко мне уверенной походкой. Билли Оборотень был сегодня одет почти как я: в тренировочные штаны и черную, без рисунка футболку. Год или два назад они скрывали бы четыре-пять десятков фунтов лишнего веса. Теперь они скрывали развитую мускулатуру, на которую он их сменил. Билли улыбнулся и протянул мне руку:

– Ну, что я тебе говорил, Гарри?

– Привет, Билли, – отозвался я. – Как дела у оборотней?

– Все занятнее, – ответил он. – Последнее время мы при патрулировании то и дело натываемся на всякие странные вещи. Вроде вот этого. – Он махнул рукой в сторону парка. Еще одна жаба шлепнулась с неба в нескольких футах от нас. – Поэтому мы решили обратиться к чародею.

Патрулирование... Святые дружинники. Храни меня, Бэтмен.

– А из нормальных людей это кто-нибудь видел?

– Нет... если не считать нескольких парней-метеорологов из университета. Сказали, что прошли смерчи – в Луизиане или где-то там еще, вот они, наверное, и засосали бедолаг.

Я хмыкнул:

– А ты считаешь, это проще и убедительнее объяснить волшебством?

Билли ухмыльнулся:

– Не беспокойся. Уверен, не пройдет и пары часов, как и без нас заявится кто-нибудь и объявит это колдовством.

– Угу.

Я вернулся к «жучку», сунул руку в салон, чтобы отпереть крышку расположенного спереди багажника, и залез туда по пояс.

---

¹ Чикаго-Луп (от англ. loop – петля) – исторический деловой центр Чикаго.

Из багажника я вынырнул, вооружившись нейлоновым рюкзаком, из которого достал пару полотняных мешочков. Один из них я бросил Билли:

– Подбери пару жаб и сунь в мешок.

Он поймал мешок на лету и нахмурился:

– Зачем?

– Чтобы узнать, настоящие они или нет.

Билли удивленно приподнял брови:

– А ты в этом сомневаешься?

Я хмуро повернулся к нему:

– Послушай, Билли, просто сделай то, что я прошу. Я не выспался и не помню, как давно ел по-человечески, и у меня еще уйма работы до вечера.

– Но с какой стати им быть ненастоящими? Они выглядят как настоящие.

Я сделал глубокий вдох, стараясь совладать с раздражением. В последнее время это дается мне все труднее.

– Они могут казаться настоящими на вид и на ощупь, а на деле быть эрзацами. Слепленными из материи Небывальщины и оживленными с помощью магии. Надеюсь, так оно и есть.

– Почему?

– Потому что в таком случае это означает всего лишь, что какому-нибудь фэйри сделалось скучно, вот он и развлекается. Они проделывают такие штуки иногда.

– Хорошо. А если они настоящие?

– Если они настоящие, значит что-то здорово не в порядке.

– Что именно?

– Что-то серьезное. Прорехи в ткани реальности.

– А это плохо?

Я внимательно посмотрел на него:

– Угу, Билли. Это очень даже плохо. Это означает, что надвигается что-то большое и донельзя опасное.

– Но что, если...

Мое терпение лопнуло.

– Слушай, мне некогда читать лекции. Заткнись, черт подери.

Он поднял руку, пытаясь успокоить меня:

– Ладно, чувак. Как скажешь. – Он приноровил свой шаг к моему, время от времени наклоняясь, чтобы подобрать жабу. – Я... это... рад видеть тебя, Гарри. Мы тут с ребятами думали, не заглянешь ли в выходные, типа пообщаться?

Я тоже поднял с земли жабу, выпрямился и подозрительно покосился на него:

– Чего?

Он ухмыльнулся:

– Поиграть в «Арканос», чувак. Компания намечается действительно классная.

Ролевые игры. Я издал горлом неопределенный звук. Тетка с торговым лотком на колесах проковыляла мимо нас. Несмазанные колеса тележки скрипели и вихлялись.

– Нет, серьезно, это классно, – не сдавался он. – Мы штурмуем крепость лорда Малоккио, только нам приходится делать это под покровом ночи – так, чтобы Совет Истины не заподозрил, что за дружина скинула его. Повсюду сплошь одни заклятия, демоны, драконы и все такое. Как, интересно?

– На слух это слишком напоминает работу.

Билли позволил себе фыркнуть:

– Гарри, послушай, я знаю, что вся эта война с вампирами довела тебя до точки. И все равно, в последнее время ты слишком много торчишь в этом своем подвале.

– Какая война? С какими вампирами?

Билли закатил глаза:

– Слухами земля полнится, Гарри, хочешь ты этого или нет. Мне известно, что Красная Коллегия Вампиров объявила войну чародеям после того, как ты испепелил Бьянкино жилище прошлой осенью. Мне известно, что с тех пор тебя пару раз пытались убить. Мне известно даже, что Белый Совет со дня на день должен собраться здесь, в Чикаго, чтобы решить, как быть с этим.

Я свирепо покосился на него:

– Какой еще Белый Совет?

Он вздохнул:

– Знаешь, Гарри, ты выбрал не лучшее время, чтобы становиться затворником. Я хочу сказать, ты только посмотри на себя. Когда ты в последний раз брился? Или принимал душ? Стригся? Отдавал шмотки в стирку? Да что там, когда ты вообще выходил?

Я машинально поднял руку и поскреб жесткую бороду.

– Ну... Я выходил. Да кучу раз выходил.

Билли подобрал еще жабу.

– Ну и когда, например?

– Например, ходил на футбол с тобой и «Альфой».

Он фыркнул:

– Ага. В январе, в Дрездене. А теперь у нас июнь. – Билли бросил взгляд на мое лицо и нахмурился. – Люди переживают за тебя, Гарри. Я хочу сказать, что знаю, ты работаешь над каким-то там проектом или чем-то таким. Но вот этот немытый дикарь на тебя не похож.

Я нагнулся и подобрал жабу.

– Ты хоть понимаешь, о чем говоришь?

– Я знаю больше, чем ты думаешь, – возразил он. – Это ведь все из-за Сьюзен, верно? Что-то случилось с ней прошлой осенью. Что-то такое, с чем ты пытаешься справиться. Возможно, что-то, что натворили вампиры. Оттого она и уехала из Чикаго.

Я зажмурился и приложил все усилия, чтобы не раздавить зажатую в кулаке жабу.

– Смени тему.

Билли расставил ноги пошире и упрямо вздернул подбородок:

– Нет, Гарри. Черт, ты ведь словно с лица земли исчез. Ты почти не бываешь у себя в офисе, не подходишь к телефону, не отворяешь дверь... Мы твои друзья, Гарри, и нас это ужасно беспокоит.

– Со мной все в порядке, – сказал я.

– Ты врешь и не краснеешь. Кстати, ходят слухи, что Красные перебрасывают в город свежие силы. И что они предлагают своим приспешникам полный вампирский статус, если кому-нибудь из них удастся убить тебя.

– Адские погребушки, – ответил я. У меня как-то сразу разболелась голова.

– Так что учти, выходить в одиночку тебе не стоит. Даже в дневное время.

– Мне не нужны няньки, Билли.

– Гарри, я знаю тебя лучше многих других. Я знаю, ты способен на штуки, недоступные другим людям, но это не делает тебя суперменом. Всем порой нужна помощь.

– Не мне. И не сейчас. – Я сунул жабу в мешок и нагнулся за следующей. – И вообще, мне некогда.

– Да, кстати, о времени. – Билли достал из кармана треников сложенный вчетверо листок бумаги, развернул и вчитался. – На три у тебя назначена встреча с клиентом.

Я недоуменно моргнул:

– Что?

– Я заглядывал к тебе в офис и проверил сообщения. Некая мисс Сомерсет пыталась связаться с тобой. В общем, я позвонил ей и договорился о встрече.

Мне стоило больших усилий сдерживать раздражение.

– Что ты сделал?

Он тоже едва сдерживал досаду.

– А еще я проверил твою почту. Домовладелец прислал тебе уведомление. Если ты не заплатишь за офис в течение недели, он выставит тебя вон.

– Кто, черт подери, дал тебе право совать нос ко мне в офис, Билли? Тем более звонить моим клиентам?

Он сделал шаг и остановился передо мной, вызываясь глядя мне в лицо. Мне пришлось сфокусировать взгляд на кончике его носа, чтобы не заглянуть ему в глаза.

– Да вернись ты на землю, Гарри. Я же твой гребанный друг. Ты же носу не кажешь из своего подвала. Нет бы сказать спасибо, что я помогаю тебе спасти твой бизнес.

– Ты прав, черт подери: это действительно мой бизнес, – огрызнулся я. Тетка-лоточница завершила очередной круг по парку, и теперь колеса ее тележки скрипели где-то у меня за спиной. – Мой. И уж во всяком случае, не твой.

Он выпятил челюсть:

– Отлично. И что теперь? Забьешься обратно в свою берлогу, пока тебя и оттуда не выставят? – Он развел руками. – Видит бог, чувак, не нужно быть чародеем, чтобы понимать, когда кто-то катится по наклонной. Тебе плохо. Тебе нужна помощь.

Я ткнул указательным пальцем ему в грудь:

– Нет, Билли. Мне не нужна никакой помощи. Мне не нужны никаких нянек, тем более шайки подростков, которые, стоит им овладеть одним-двумя трюками, мнят себя едва ли не Белым Клыком со всеми его зубами, когтями и хвостом. Не хватало мне еще переживать за людей, на которых напали вампиры потому, что не могут добраться до меня. И на черта мне еще сидеть и гадать, кто еще попадет в беду из-за того, что я упустил мяч. – Я нагнулся, подобрал жабу и, выпрямляясь, вырвал мешок из рук Билли. – И ты мне тоже не нужен.

Тут, само собой, на меня напали.

Для покушения на убийство все было разыграно довольно прямолинейно. Взревел мотор, и небольшой черный пикап, подпрыгнув на бордюрном камне, свернул с дороги и ворвался в парк ярдах в пятидесяти от меня. Он подпрыгивал на кочках и кренился на одну сторону; колеса его оставляли на зеленом газоне рваную колею. В кузове стояли, цепляясь за дугу безопасности, двое мужчин. Оба были с головы до пят в черном – вплоть до черных очков поверх черных лыжных масок. Да и оружие их вполне соответствовало по цвету одежде: что-то автоматическое, вроде «узи».

– Назад! – рявкнул я.

Правой рукой я ухватил Билли и сунул себе за спину, а левую выбросил вперед, тряхнув браслетом на запястье – цепочкой крошечных средневековых щитов. Нацелив руку на приближающийся пикап, я послал заряд воли в браслет, и между мной и нападавшими вспыхнуло прозрачное, чуть мерцающее полушарие.

Пикап, проскрипев тормозами, остановился. Парни в кузове не стали дожидаться полной остановки. С ловкостью киношных командос они нацелили свои автоматы в мою сторону и нажали на спусковые крючки.

От защитного поля полетели искры; пули с визгом и шипением рикошетили во всех направлениях. Нагревшийся от бешеного потока энергии браслет больно жег руку. Я попытался подправить форму щита, чтобы пули по возможности отлетали вверх. Одному Богу известно, куда летели эти пули, – я только надеялся, что они ненароком не попадут в проезжающую машину или случайного прохожего.

Оба автомата почти в унисон клацнули пустыми затворами. Дергаными, непрофессиональными движениями оба стрелка принялись перезаряжать их.

– Гарри! – крикнул Билли.

– Не сейчас!

– Но...

Я опустил щит и поднял правую руку – ту, что проецирует энергию. Серебряное кольцо на моем указательном пальце заговорено – с каждым взмахом моей руки оно накапливает кинетическую энергию. Я не пользовался им уже несколько месяцев, так что энергии в нем накопилось – мало не покажется. Я даже боялся высвободить ее на этих бедолаг. Столько энергии могло убить одного из них, а это было бы равносильно тому, как если бы меня нашпиговали пулями. Ну, разве что конца пришлось бы еще ждать некоторое время. Белый Совет не слишком церемонится с нарушителями Первого закона магии: «Не убий». Однажды мне уже пришлось преступить его, и я не собирался повторять этого снова.

Стиснув зубы, я нацелил палец чуть вбок от автоматчика и высвободил заряд. Мощная волна энергии, не видимой глазом, но очень даже осязаемой, метнулась вперед и ударила первого стрелка по касательной в торс. Автомат дернулся и с силой толкнул его в грудь. Очки слетели у него с головы, и он кубарем покатился с пикапа, шмякнувшись на землю где-то за бортом.

Второму повезло больше. Остаток энергии угодил ему в плечо и голову. Он удержал-таки в руках автомат, но очки, зацепившись дужкой за вязаную шерсть, сдернули с него маску. Под ней обнаружился ничем не примечательный юнец – если он и достиг возраста, позволяющего ему пользоваться гражданскими правами, так только-только. Он зажмурился на яркий солнечный свет и трясущимися руками перезарядил автомат.

– Дети! – прорычал я, восстанавливая щит. – Они посылают на меня детей. Адские погремушки!

И тут волосы у меня на макушке встали дыбом, едва не оторвав меня от земли. Пока юнец возобновлял свой бестолковый обстрел, я оглянулся через плечо.

Пожилая леди с лотком на колесиках остановилась футах в пятнадцати за моей спиной. Теперь я разглядел, что она вовсе не так стара, как мне показалось вначале. Я увидел блеск темных холодных глаз под слоем старившего ее грима. Руки были гладкими, холеными. Одна из них нырнула вглубь лотка, выудила оттуда обрез и повела его тупым стволом в мою сторону.

Пули из заливавшегося веселой трелью автомата продолжали колошматить по моему щиту, и все, что мне оставалось, – это удерживать его на месте. Если бы я попытался выстроить хоть какую-то магическую защиту от третьего нападавшего – сил на щит у меня не хватило бы. Каким бы неопытным стрелком ни представлялся юнец в пикапе, одного количества извергаемого его автоматом свинца вполне хватало, чтобы рано или поздно одна из пуль нашла цель.

С другой стороны, если камуфлированному убийце удалось бы разрядить в меня свой обрез с расстояния в пять ярдов, везти меня в больницу не имело бы никакого смысла. Меня повезли бы напрямик в морг.

Пули все хлестали по моему щиту, а я только и мог, что в отчаянии смотреть, как ствол обреза мучительно медленно поворачивается в мою сторону. Я был обречен, а вместе со мной, возможно, и Билли.

Билли не стал дожидаться развязки. Он уже сорвал с себя футболку, выставив на обозрение свои мышцы – плоские, крепкие мускулы легкоатлета, не то что старательно вылепленный рельеф культуриста. Он ринулся вперед, на женщину с дробовиком, на бегу выскальзывая из тренировочных штанов. Трусов под ними не было.

До меня донесся отголосок магии, которой воспользовался Билли, – резкой, острой, сосредоточенной. В том, что он делал, ритуал отсутствовал начисто. Никакого накопления энергии с тем, чтобы разом ее высвободить. На мгновение очертания его расплылись, а в следующую секунду Билли-обнаженный исчез, а в женщину с обрезом с размаху врезался Билли-волк – покрытый темной шерстью зверь размером с хорошего дога. Клыки его полоснули по руке, поддержавшей обрез за цевье.

Женщина вскрикнула, отдернула окровавленную руку и как палицей замахнулась на Билли обрезом. Он с рыком извернулся, приняв удар на плечи. Стремительно, не давая ей опомниться, вцепился во вторую руку, и обрез полетел на землю.

Женщина снова закричала и отдернула руку.

Это был не человек.

Руки ее на глазах сделались тоньше и длиннее – а с ними плечи и лицо. Ногти превратились в уродливые зазубренные когти, и она полоснула ими по волчьей морде Билли, вырвав у него вместе с рыком полный боли вскрик. Он перекатился в сторону и вскочил на ноги, обходя эту тварь по кругу в попытке заставить ее повернуться ко мне спиной.

Автомат в руках у горе-стрелка в пикапе снова клацнул пустым затвором. Я убрал щит и рыбкой бросился в траву за обрезом.

– Билли, с дороги! – рявкнул я, распрямляясь с обрезом в руках.

Волк метнулся вбок, и женщина – если эту жуткую тварь с перекошенной клыкастой мордой можно было назвать женщиной – повернулась ко мне.

Я наставил обрез ей в живот и нажал на курок.

Обрез взревел, больно ударив прикладом мне в плечо. Дробь первого номера, подумал я, а может, картечь. Женщина с визгом сложилась пополам и опрокинулась навзничь. Впрочем, в лежачем положении она оставалась недолго. Почти сразу же она вскочила обратно на ноги – притом что кровь заливала остатки ее одежды с головы до пят. Лицо ее уже ничем не напоминало человеческое. Обогнув меня, она стрелой бросилась к пикапу и прыгнула в кузов. Стрелок втащил туда же своего незадачливого товарища, водитель выжал газ. Пару секунд машина пробуксовывала на месте, вышвыривая из-под колес комья дерна, потом задним ходом выскочила обратно на улицу, развернулась и исчезла за углом.

Некоторое время я, задыхаясь, смотрел ей вслед. Потом опустил обрез и только тогда сообразил, что так и продолжаю сжимать в левой руке несчастную жабу. Судя по тому, как она билась и лягалась, я едва не раздавил ее, и мне пришлось осторожно ослабить хватку, чтобы не упустить добычу.

Я повернулся и посмотрел на Билли. Волк трусцой подобрался к валявшимся на траве тренировочным штанам, последовало неуловимое движение, и он снова превратился в обнаженного молодого человека. На скуле его багровело две глубокие царапины, и кровь аккуратной струйкой стекала ему на шею. Он держался несколько напряженно – скорее всего, из-за боли.

– Ты как, в порядке? – спросил я.

Он кивнул и натянул штаны, потом футболку.

– Угу. Что это, черт возьми, было?

– Вурдалак, – ответил я. – Возможно, из клана Ла Къеза. Они в приятельских отношениях с Красной Коллегией, и они терпеть не могут меня.

– За что так?

– Доставил им пару-тройку раз кое-какие неприятности.

Билли задрал низ футболки и осторожно промокнул им царапины на лице:

– Не ожидал когтей.

– Они мастера на такое.

– Вурдалак, говоришь? Он мертв?

Я покачал головой:

– Они живучи как тараканы. Оправляются почти от всего. Идти можешь?

– Угу.

– Отлично. Давай убираться отсюда.

Мы не спеша подошли к моему «жучку». По дороге я подобрал мешок с жабами и вытряхнул их обратно на землю. Потом положил ту, что держал в руке, рядом с ними и вытер руку о траву.

Билли удивленно нахмурился:

– Почему ты их отпускаешь?

– Потому, что они настоящие.

– Откуда ты знаешь?

– Та, которую я держал, обделалась у меня в кулаке.

Я запустил Билли на правое сиденье «Голубого жучка» и, обойдя машину, сел на водительское место. Порывшись под креслом, я достал аптечку первой помощи и протянул ему. Билли сделал себе тампон из бинта и прижал его к скуле, глядя на жаб.

– Как ты сказал? Это означает, что дело дрянь?

– Угу, – подтвердил я. – Дело дрянь.

С минуту я сидел молча.

– Ты спас мне жизнь, – сказал я наконец.

Он пожал плечами, не глядя на меня.

– Значит, говоришь, ты договорился за меня с клиентом на три? Как там ее? Сомерсет?

Он искоса посмотрел на меня, и ему удалось удержать губы от улыбки. Но не глаза.

– Ага.

Я почесал бороду и кивнул:

– Я тут слегка подзапустил себя последнее время. Пожалуй, стоит прежде почиститься немного.

– Пожалуй, стоит, – согласился Билли.

– Я бываю изрядной задницей, – вздохнул я.

– Случается, – усмехнулся Билли. – Ты же человек – как мы все.

Я завел «жучок». Мотор закашлялся, но мне удалось оживить его.

В это мгновение что-то с силой ударило по крышке багажника. И еще. И еще – на этот раз по крыше.

Волна слабости накатила на меня – тошноты столь резкой и неожиданной, что мне пришлось вцепиться в руль, чтобы не упасть. Откуда-то издалека до меня доносился голос Билли, спрашивавшего, все ли со мной в порядке. Какой уж тут порядок. Воздух вокруг нас был буквально напоен энергией – резкой, хаотичной, разрушительной.

Я попытался приглушить чувства, отогнав от себя эти ощущения. Только после этого мне удалось открыть глаза. С неба сыпались жабы. Не отдельные зверюшки, а дождь, точнее, плотный град, от которого потемнело небо. И падали они не мягко, как прежде. Бедолаги шмякались на землю камнем, разбиваясь в брызги об асфальт, о крышу «жучка». Одна из них врезалась в ветровое стекло с такой силой, что по нему побежала паутина трещин. Я поспешно врубил передачу и вывел машину на улицу. Еще пара сотен ярдов – и потусторонний дождь остался позади.

Мы оба слегка задыхались. Билли был прав. Дождь из жаб означал приближение чего-то серьезного, и это «что-то» имело явно магическую природу. Белый Совет прибывал сегодня вечером в Чикаго, чтобы обсудить войну. Мне предстояла встреча с клиентом, а вампиры явно подняли ставки, напав на меня более открыто, чем позволяли себе раньше.

Я включил дворники. Кровь оставила тонкие алые полоски на потрескавшемся стекле.

– Боже праведный, – выдохнул Билли.

– Угу, – кивнул я. – Она не каплет. Она льется.

Глава 2

Я подбросил Билли до дома – он живет недалеко от университетского городка. Вероятность, что вурдалак обратится в полицию, выглядела сомнительной, но отпечатки на обрезе я на всякий случай стер. Билли завернул оружие в полотенце, которое валялось у меня на заднем сиденье, и забрал его с собой, пообещав избавиться от него при первом удобном случае. Его подружка Джорджия, стройная девица на фут выше его ростом, ждала нас на балконе, в темных шортах и алом топике, щедро демонстрируя отличный загар в манере куда более уверенной и даже вызывающей, чем я мог бы ожидать от нее всего год назад. Боже, как выросли дети!

Стоило Билли выйти из машины, как Джорджия оторвалась от своей книги и раздула ноздри. Потом метнулась в дом и встретила его у двери с аптечкой первой помощи в руках. Все с тем же встревоженным выражением лица она бросила взгляд на машину и кивнула мне. Я помахал в ответ, стараясь выглядеть как можно дружелюбнее. Судя по выражению лица Джорджии, это вышло у меня так себе. Они вошли в дом, и я уехал, прежде чем кто-то вышел пообщаться со мной.

Примерно через минуту я притормозил у тротуара и, заглушив мотор, хмуро посмотрел на свое отражение в зеркале заднего вида.

Признаюсь, я испытал сильное потрясение. Я понимаю, что это звучит глупо, но дома у себя я зеркал не держу. Слишком много всяких существ умеют использовать зеркала в качестве окон, а то и дверей, и рисковать этим у меня нет ни малейшего желания. В общем, я не смотрелся в зеркало уже несколько недель.

Я выглядел как жертва железнодорожной катастрофы.

Я имею в виду, в большей степени, нежели обычно.

В нормальном состоянии мое лицо узкое, вытянутое, состоящее сплошь из острых углов. Мои волосы почти черного цвета, и глаза тоже темные. Теперь под ними пролегли серые с розовыми прожилками круги. Выступающие части моего лица – там, где их не закрывала неухоженная борода, – казались острыми, как ребро визитной карточки.

Волосы отросли и торчали беспорядочными космами – не как у молодых и сексуальных рок-звезд, но как у немых бомжей. Им даже не удавалось расти хоть более-менее симметрично из-за ожога, который я получил при взрыве бомбы, принесенной ко мне под видом пиццы – в те времена, когда я еще мог позволять себе заказывать пиццу. Кожа была бледной. Даже мучнисто-белой. В общем, я выглядел как немного разогревшаяся Смерть – если, конечно, кому-нибудь удалось бы уговорить Смерть участвовать в Бостонском марафоне. Я выглядел изможденным. Перегоревшим. Ни на что не годным.

Я откинулся на спинку сиденья.

Терпеть не могу оказываться неправым. Однако, похоже, в данном случае Билли и оборотни (адские погремушки! Звучит как название рок-группы) попали в точку. Я попытался вспомнить, когда в последний раз стригся. А брился? Душ я принимал неделю назад. Или раньше?

Дрожащими руками я закрыл лицо. В последнее время я потерял счет дням... да и ночам тоже. Все свое время, двадцать четыре часа в сутки, я проводил у себя в лаборатории. Моя лаборатория находится под расположенной на цокольном этаже квартирой – сырые каменные стены – и ни одного окна. Биологические часы: тьфу. Мне некогда думать о том, что там, наверху, – день или ночь. У меня и без этого хватает о чем поразмышлять.

Примерно девять месяцев назад мою подругу едва не убили. Хуже чем убили.

Мы познакомились, когда Сьюзен Родригес работала репортером в желтом журнальчике под названием «Волхв Среднего Запада». Она относилась к тем немногим людям, которые не встречали в штыки концепцию сверхъестественного, существующего в нашем реальном мире.

Она с азартом охотилась за каждой деталью, каждой историей, каждой унцией доказательств, способных привлечь к этой теме общественное внимание. Это и привело ее вслед за мной на собрание вампиров.

И монстры ее сцапали.

Билли не ошибался и в этом. Вампиры из Красной Коллегии изменили ее. Или, точнее было бы сказать, они заразили ее. Оставаясь формально человеком, она мучилась их ненасытной жаждой. И стоило бы ей утолить ее, как она превратилась бы в одного из них. Часть ее души умерла бы навсегда, и она сделалась бы настоящим вампиром.

Отсюда и мои поиски. Я пытался найти способ помочь ей. Создать вакцину или что-нибудь в этом роде, чтобы очистить ее тело от заразы. Что угодно.

Я попросил ее выйти за меня замуж. Она ответила «нет». А потом уехала из города. Я читал ее колонку в «Волхве». Должно быть, она отправляла статьи по почте своему редактору, так что, по крайней мере, я знал, что она жива. Она попросила меня не следовать за ней, и я исполнил просьбу. Я бы и не стал делать попыток увидеться, пока не придумаю, как вытащить ее из той передраги, в которую сам ее втянул. Наверняка было что-нибудь, что я мог бы сделать.

Должно же быть что-то. Не может не быть.

Я низко наклонил голову и сморщился так, что у меня свело мышцы лица. В груди заныла тупая боль, и все тело обожгло жутким, беспросветным бессилием. Я чародей. Я должен был защитить Сьюзен. Должен был помочь ей. Должен был вести себя умнее. Быстрее. Лучше.

Должен был сказать ей, что люблю ее, прежде чем стало уже поздно. Не так ли, Гарри?

Я удержался от слез. Годы упражнений, опыта, самоконтроля помогли мне сдерживать их. Слезами делу не поможешь. Они не приблизили бы меня к исцелению Сьюзен.

Черт подери, я жутко устал.

Я не отнимал рук от лица. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь видел меня хнычущим.

У меня ушло довольно много времени на то, чтобы совладать с собой. Не знаю точно, сколько, но тени заметно сдвинулись, а в машине было жарко, как в печке, несмотря на опущенные окна.

До меня дошло, что нет ничего глупее, чем сидеть на улице, где меня без труда могут отловить новые вампирские громилы. Я устал, перепачкался как свинья и проголодался, а наличных у меня с собой не было ни копейки, и, судя по положению солнца, заехать перекусить домой я тоже не успевал. Во всяком случае, если хотел встретиться с этой мисс Сомерсет.

Да, работа нужна мне была как воздух. Билли и с этим угадал. Если я не начну снова зарабатывать, то останусь без офиса, а потом и без квартиры. И вряд ли сильно продвинусь в своих исследованиях, проживая в картонном ящике где-нибудь на задворках.

А раз так, пора трогаться с места. Я без особого успеха попробовал пригладить копну волос руками и поехал напрямик в офис. Взгляд на уличные часы сказал мне, что я уже опаздываю на пару минут. Вот и выбирай между временем и внешностью... Впрочем, день еще не пошел наперекосяк.

Мой офис расположен недалеко от центра. Многоэтажное здание, конечно, не шедевр архитектуры, но в тот день оно все еще казалось мне симпатичным. Пожилой охранник у входа на первом этаже подозрительно покосился на меня, но мне все-таки повезло: он узнал меня по предыдущим встречам. Будь на его месте кто-нибудь новый, он вышвырнул бы меня за дверь, не моргнув. Я с улыбкой кивнул ему, стараясь казаться до предела деловым. М-да...

По дороге на лестницу я миновал лифт. На двери его висела табличка: РЕМОНТ. Лифт никак не отладят с тех пор, как в одну из кабин пытался прорваться огромный скорпион, а кто-то с помощью мощного восходящего потока воздуха швырнул лифт на самую верхушку шахты, расплющив эту чертову букашку о перекрытие. Кабина, правда, потом рухнула вниз и разлетелась в щепки, учинив на первом этаже изрядный погром, после чего всем повысили стоимость аренды.

Так, во всяком случае, мне говорили. И не смотрите на меня так. Это мог быть кто угодно. Ну ладно, сомнительно, чтобы это оказался ортодонт с четвертого этажа или психиатр с шестого. Возможно, и не страховая контора с седьмого этажа, да и не бухгалтеры с девятого. Ну, это вряд ли адвокаты с верхнего этажа. Вряд ли. Но, черт, когда что-то катастрофически не так, это не обязательно моя вина.

И все равно никто и ничего не докажет.

Я открыл дверь на лестницу и поднялся к себе на пятый этаж. По коридору, мимо негромкого жужжания за дверями проектной фирмы, занимающей большую часть этажа, прошел ко входу в мой офис.

Табличка на матовом стекле гласила:

ГАРРИ ДРЕЗДЕН, ЧАРОДЕЙ.

Я протянул руку, чтобы открыть дверь. Когда до дверной ручки оставался дюйм или два, между ней и моим пальцем проскочила искра, и палец больно кольнуло электрическим разрядом.

Я застыл на месте. Даже с учетом плачевного состояния электропроводки в здании такого здесь еще не случалось. Можете называть меня параноиком, но ничто не учит осмотрительности так, как покушение на убийство среди бела дня. Я снова активировал свой браслет-оберег, приготовившись при необходимости в любое мгновение заслониться щитом.

Другой рукой я распахнул дверь в офис.

В нормальном состоянии мой офис содержится в неплохом порядке. Во всяком случае, я не помню, чтобы прежде в нем царил такой бардак. Стол у входа, на котором я раскладываю брошюры типа «Магия для чайников» или «Я – чародей. Знаете почему?», стоял, покосившись, у стены. Сами брошюры разлетелись по его поверхности и по полу. В воздухе стоял легкий запах подгоревшего кофе. Должно быть, уходя, я не выключил кофеварку. Упс... Мой рабочий стол тоже оброс слоем разбросанных в беспорядке бумаг. Несколько ящичков в шкафу были выдвинуты, и папки из них лежали на шкафу или торчали из ящичков, поставленные в них наискось. Под потолком неспешно крутился, поскрипывая с каждым оборотом, вентилятор.

Судя по всему, кто-то все же пытался навести здесь порядок. Почта лежала, сложенная тремя аккуратными стопками. Сетчатые корзины для мусора были подозрительно пусты. Значит, все-таки Билли со товарищи.

На развалинах моего офиса стояла женщина той красоты, из-за которой мужчины перерезают глотку лучшим друзьям или развязывают войны.

Она стояла у моего стола лицом к двери, сложив руки и чуть скептически глядя на меня. Волосы ее были белого цвета. Не просто светлые, как у блондинки, не платиновые. Белые как снег, как лучший каррарский мрамор, подобранные на затылке таким пойманным облаком, чтобы открыть изящную шею. Не знаю, каким образом ее кожа умудрялась казаться бледной на фоне таких волос, но ей это удавалось. Губы гостьи напоминали оттенком мороженую ежевику, и вид их на таком лице почти шокировал. Глаза ее, темно-зеленые, окрасились легким голубоватым оттенком, когда она наклонила голову, разглядывая меня. Немолода. Хотя и не стара. И все равно сногшибательна.

Я приложил уйму усилий к тому, чтобы не дать своей челюсти стукнуться об пол, и заставил свой мозг сделать какие-то заключения по ее одежде. На ней был темно-серый костюм безупречного покроя. Юбка не сильно скрывала ноги, взгляд против воли опускался на них, а туфли на высоких шпильках тоже не портили этого впечатления. Из-под жакета виднелась белоснежная блузка с глубоким вырезом, от которого опять же не хотелось отводить взгляд – на случай, если она вдруг сделает глубокий вдох. В ушах и на шее ее сияли опалы в серебряной оправе, переливавшиеся такими цветами, каких я никак не ожидал от обыкновенных опалов, – обилием красных, фиолетовых и темно-синих оттенков. Лак на ногтях играл похо-

жими красками. Я уловил аромат ее духов – чего-то дикого, насыщенного, тяжелого и сладкого. Вроде орхидей. Сердце мое стало биться чаще, и та часть мозга, которой напрямую заведовали тестостероны, горько пожалела о том, что я не успел помыться. Или побриться. Или хотя бы вылезти из тренировочных штанов.

Губы ее сложились в улыбку, и она изогнула бровь, но промолчала. Я так и стоял пнем, тараща на нее глаза.

В одном я не сомневался ни капли: чего-чего, а денег у такой женщины хватает. Хоть залейся. Денег, которые я мог бы использовать на оплату аренды, закупку продуктов... может, даже позволить себе роскошь и нанять домработницу убирать квартиру. Короткое мгновение я еще колебался, пристало ли дипломированному чародею, члену Белого Совета интересоваться презренными деньгами. Впрочем, я быстро принял решение.

К черту высокие материи. Мне надо платить за аренду.

– Э-э-э... Мисс Сомерсет, если не ошибаюсь? – выдавил я из себя. Немного найдется таких, кто сравнится со мной по части галантности. Если я буду вести себя осторожно, то, возможно, смогу нащупать что-нибудь завершающее картину. – Я Гарри Дрезден.

– Насколько я понимаю, вы опоздали, – отозвалась она. Голос у Сомерсет был под стать внешности: богатый, воспитанный. По-английски она говорила с легким акцентом, определить происхождение которого я не смог. Возможно, европейским. Решительно любопытно. – Ваш ассистент назначил мне время встречи. Не в моих привычках ждать, поэтому я позволила себе вольность войти. – Она покосилась на мой стол, потом снова на меня. – О чем почти жалею, – добавила она.

– Угу. Я узнал о встрече с вами только... гм... – Я в легком замешательстве огляделся по сторонам, потом спохватился и закрыл за собой дверь. – Я понимаю, это выглядит довольно непрофессионально.

– Совершенно с вами согласна.

Я шагнул к одному из предназначенных для клиентов кресел и смахнул с него бумаги:

– Садитесь, прошу вас. Не хотите чашку кофе или чего-нибудь такого?

– Вы уверены, что это гигиенично? Зачем мне рисковать? – Строго выпрямив спину, она присела на самый краешек кресла.

Я обошел стол, направляясь к своему месту, а она спокойно, но внимательно следила за моими движениями. Я все время ощущал на себе ее холодный, давящий на меня взгляд. Я сел и нахмурился:

– А вы не из тех, кто склонен рисковать?

– Я предпочитаю взвешивать свои шансы, – негромко сообщила она. – Вот вы, например, мистер Дрезден. Собственно, я пришла сюда сегодня с тем, чтобы определить, могу ли я рискнуть очень многим, положившись на ваши способности. – Она помолчала немного. – Признаюсь, – добавила она, – пока что вы произвели не самое благоприятное впечатление.

Я облокотился на стол и хрустнул пальцами.

– Угу. Я понимаю, все это наверняка выглядит как...

– Как отчаявшийся человек? – предположила она. – Как кто-то, явно поглощенный совершенно иными проблемами. – Она кивнула в сторону стопок нераспечатанных конвертов у меня на столе. – Как тот, кто вот-вот лишится рабочего места, если не расплатится с долгами. Мне кажется, вы нуждаетесь в работе. – Она приготовилась встать. – И если вы не способны позаботиться хотя бы о таких мелочах, сильно сомневаюсь, чтобы вы могли оказаться мне полезны.

– Погодите, – сказал я, вставая. – Прошу вас. Дайте мне, по крайней мере, выслушать вас. И если выяснится, что я в состоянии помочь вам...

Она задрала подбородок и бесцеремонно перебила меня:

– Но ведь вопрос не в этом, не так ли? Весь вопрос в том, считаю я или нет, что вы в состоянии помочь мне. Вы не показали мне ничего, чтобы убедить меня в том, что способны. – Она выдержала паузу и снова села. – И все же...

Я тоже сел:

– Все же?

– Я кое-что слышала, мистер Дрезден, о людях с вашими способностями. В том числе об умении заглядывать в глаза.

Я склонил голову набок:

– Я бы не назвал это способностью. Просто так выходит.

– Но вы все-таки способны видеть то, что у других внутри? Вы называете это «заглянуть в душу», верно?

Я осторожно кивнул и принялся собирать воедино все мелочи, что успел узнать из ее внешности, слов и поведения.

– Да.

– И это открывает вам их истинную природу? Правду о том, в чьи глаза вы смотрите?

– И они точно так же видят меня. Да.

Она улыбнулась – спокойно, красиво:

– Тогда почему бы нам, мистер Дрезден, не заглянуть друг другу в глаза? Тогда я точно смогу узнать, будет от вас какая-то польза или нет. Мне это не будет стоить ровным счетом ничего.

– На вашем месте я бы не утверждал этого с такой уверенностью. Вещи такого рода остаются с вами навсегда. – Так же как остается рубец от удаленного аппендикса или, скажем, лысина. Заглянув в чью-либо душу, вы уже не сможете ее забыть. Никогда. Как бы вы ни старались. Мне не нравилось направление, которое начала приобретать наша беседа. – Я не думаю, что это удачная идея.

– Но почему же? – настаивала она. – Это ведь не займет много времени, мистер Дрезден?

– Как вы справедливо заметили, вопрос вовсе не в этом.

Губы ее сжались в тонкую линию.

– Ясно. Тогда, с вашего позволения...

На этот раз уже я перебил ее:

– Мисс Сомерсет, боюсь, вы допустили ошибку в своих расчетах.

Глаза ее на мгновение вспыхнули гневом, но тут же сделались ледяными, отстраненными.

– Правда?

Я кивнул, выдвинул ящик стола, достал блокнот и положил перед собой.

– Ага. В последнее время дела у меня складывались не лучшим образом.

– Боюсь, вы даже не представляете, как мало меня это интересует.

Я достал ручку, снял с нее колпачок и положил рядом с блокнотом.

– Так-так. И тут приходите вы. Богатая, ослепительная – из тех, что слишком хороши, чтобы быть правдой.

– И что же? – поинтересовалась она.

– Слишком хороши, чтобы быть правдой, – повторил я, достал из ящика стола револьвер сорок четвертого калибра, направил на нее и взвел курок. – Можете считать меня психом, но в последнее время я склонен думать, что если что-то или кто-то слишком хорош, чтобы быть правдой, значит это, скорее всего, неправда. Будьте добры, положите руки на стол.

Она удивленно выгнула бровь. Прекрасные глаза расширились, показав белки. Она медленно подняла руки и положила их на стол перед собой.

– Что вы себе позволяете? – хладнокровно спросила она.

– Проверяю одну теорию, – ответил я и, не спуская с нее ни взгляда, ни пистолета, выдвинул другой ящик. – Видите ли, в последнее время ко мне навешиваются непрошенные гости.

Поэтому мне поневоле приходится думать о том, каких неприятностей я еще могу ожидать. И мне кажется, я вас раскусил.

– Не понимаю, о чем вы говорите, мистер Дрезден, но я уверена...

– Помолчите.

Я порылся в ящике и нашел-таки то, что искал. Простой, чуть тронутый ржавчиной железный гвоздь. Я достал его из ящика и положил на стол.

– Что это? – почти шепотом спросила она.

– Лакмусовая бумажка, – улыбнулся я, легонько подтолкнул гвоздь пальцем, и тот покатился по столу – прямо к ее сияющим безукоризненным маникюром пальцам.

Она не шевелилась почти до самого последнего мгновения. Когда гвоздь готов был уже коснуться ее, она отпрянула и почти неуловимым движением оказалась в двух шагах от моего стола, опрокинув кресло. Гвоздь докатился до края стола и с негромким звоном упал на пол.

– Железо, – пояснил я. – Холодное железо. Феи его не любят.

Лицо ее совершенно лишилось выражения. Только что оно выражало надменность, превосходство и спокойную уверенность. И все это разом исчезло, оставив лишь холодные прекрасные черты, лишенные любых эмоций, придававших ему сходство с человеческим.

– Сделка с моей крестной действительно еще несколько месяцев, – сказал я. – Год и один день она обязалась не трогать меня. Таковы были условия. Если она попытается нарушить их, это сильно меня огорчит.

Несколько долгих секунд она смотрела на меня в этой мертвой тишине. Надо сказать, это здорово действовало на нервы: вид лица, столь прекрасного и одновременно столь чужого. Казалось, под этими чертами таится кто-то другой, не имеющий со мной ничего общего и даже не пытающийся понять меня. От одного вида этой лишенной выражения маски перехватывало судорогой горло, и мне стоило больших усилий сдерживать дрожь в сжимающих пистолет пальцах. Но потом она сделала нечто, от чего показалась еще более враждебной, более пугающей.

Она улыбнулась. Медленной улыбкой, жестокой, как зазубренный нож. Когда она заговорила, голос ее звучал так же красиво, как прежде. Но он сделался пустым, тихим, зловещим. Она заговорила, и мне невольно захотелось податься вперед, к ней, чтобы расслышать отчетливее.

– Ловко, – пробормотала она. – Да. Вовсе не плохо, если подумать. Именно то, что нужно. Ледяная дрожь пробежала по моей спине.

– Я не хочу неприятностей, – сказал я. – Уходите, и мы оба сможем сделать вид, будто ничего не случилось.

– Но это случилось, – возразила она все тем же шепотом. От одних звуков ее голоса в комнате, казалось, сделалось холоднее. – Вы смогли разглядеть меня под маской. Значит, вы и правда годны. Как вам это удалось?

– Статическое электричество на дверной ручке, – ответил я. – Дверь была заперта. Вы не смогли бы открыть ее, значит вы просто прошли насквозь. И вы танцевали вокруг да около моих вопросов, вместо того чтобы отвечать на них прямо.

Продолжая улыбаться, она кивнула:

– Продолжайте.

– У вас нет сумочки. Редкая женщина выходит в костюме за три тысячи баксов, но без сумочки.

– Мм... – задумчиво протянула она. – Да. Вы замечательно справитесь, мистер Дрезден.

– Не знаю, о чем это вы, – сказал я. – Я больше не желаю иметь никаких дел с феями.

– Мне не нравится, когда меня так называют, мистер Дрезден.

– Переживете. Убирайтесь из моего офиса.

– Вам-то, мистер Дрезден, должно быть известно, что все наше племя, от мала до велика, не может говорить ничего, кроме правды.

– Это не уменьшило ваших способностей водить людей за нос.

Взгляд ее вспыхнул, и зрачки на глазах поменяли форму, сделавшись из круглых, человеческих, вертикальными, как у кошки. Она смотрела на меня не мигая.

– Тем не менее я уже сказала: я намерена рискнуть. И ставлю все на вас.

– Э-э-э... Что?

– Я предлагаю вам работу. Украдено нечто, в высшей мере ценное. Я хочу, чтобы вы это вернули.

– Дайте-ка разобраться, – сказал я. – Вы хотите, чтобы я вернул вам украденное добро?

– Не мне, – поправила она. – А законному владельцу. Я хочу, чтобы вы нашли вора, поймали его и тем самым освободили от подозрений меня.

– Делайте это сами, – предложил я.

– Увы, в этом деле я не могу действовать в одиночку, – промурлыкала она. – Именно по этой причине я выбрала вас в качестве своего эмиссара. Своего агента.

Я рассмеялся. Мой смех вызвал на этих ее безупречных бледных чертах нечто новое: гнев. Гнев, холодный, жуткий, вспыхнул в ее глазах, и смех сам собой застыл в моем горле.

– Сомневаюсь, – сказал я. – С вашим народом я никаких сделок больше не заключаю. Я даже не знаю, кто вы.

– Милый мальчик, – прошептала она, и в этом шепоте прозвучало нечто настораживающее. – Сделка уже заключена. Ты отдал свою жизнь, свою судьбу, свое будущее в обмен на силу.

– Угу. С моей крестной. Да и этот уговор оспаривается.

– Уже нет, – возразила она. – Даже в этом мире смертных практикуется передача долга из рук в руки. Перепродажа залогов, так?

У меня похолодело внутри.

– О чем это вы?

Она блеснула зубами – острыми, белоснежными. На улыбку это не походило.

– Ваш залог, смертное вы мое дитя, продан. Я купила его. Вы мой. И вы будете помогать мне в этом деле.

Я положил пистолет на стол и снова полез в ящик стола. Я достал оттуда нож для вскрытия писем – стандартную такую штуковину с плоским лезвием и рубчатой рукоятью.

– Вы ошибаетесь, – произнес я с уверенностью, показавшейся убедительной даже мне самому. – Моя крестная никогда не пошла бы на это. А это значит, вы пытаетесь обмануть меня.

Она улыбнулась, не сводя с меня сияющих глаз:

– Раз так, позвольте мне убедить вас в том, что это истинная правда.

Моя левая ладонь с размаху хлопнула по столешнице. Как оглушенный, смотрел я на нож для бумаги, зажатый в моей правой руке на манер кинжала из фильма-ужастика. В совершеннейшей панике пытался я удержать руку в воздухе или хотя бы выронить из нее нож, однако руки мои шевелились сами по себе, словно принадлежали кому-то другому.

– Постойте! – крикнул я.

Она наблюдала за мной с холодным отстраненным интересом.

Я с силой ударил ножом в тыльную сторону собственной кисти. Мой стол из недорогих. Лезвие вонзилось в перепонку между большим и указательным пальцем и пригвоздило мою руку к столу. Боль обожгла руку, стоило крови брызнуть из раны. Я попытался справиться с ней, но охватившая меня паника мешала совладать с собой. Все, на что меня хватило, – это беспомощно всхлипнуть. Я сделал еще одну попытку выдернуть нож, но правая рука против моей воли только крутанула его в ране.

Боль совершенно лишила меня сил. Я даже не мог набрать в легкие достаточно воздуха, чтобы закричать.

Женщина... то есть нет, какая там женщина – фея протянула руку и сняла мои пальцы с ножа. Резким, решительным движением она выдернула его и положила на стол рядом с моей рукой. Он был весь залит моей кровью.

– Что ж, чародей, тебе это известно не хуже, чем мне. Не обладай я властью над тобой, я не смогла бы проделать этого с такой легкостью.

Признаюсь, в ту минуту меня мало что заботило, кроме боли в руке. И все же какая-то мизерная часть моего рассудка сознавала, что она говорит правду. Феи не приходят просто так, чтобы дергать тебя за веревочки, как деревянную куклу. Прежде их надо впустить. Много лет назад, когда я был моложе и глупее, я впустил вот так мою крестную Леа. Мне пришлось сделать это еще раз год назад, но в обмен на ее обещание оставить меня в покое на год и один день.

Однако теперь она передала вожжи кому-то другому. Кому-то, кто не был связан этим, вторым обещанием.

Я поднял на нее взгляд. От боли и накотившего на меня гнева голос мой звучал глухо, хрипло:

– Кто вы такая?

Женщина провела переливающимся ногтем по лужице крови на столе. Потом поднесла его к губам и коснулась кончиком языка. Она улыбнулась – еще медленнее, чувственнее и настолько же холоднее.

– У меня много имен, – мурлыкнула она. – Но ты можешь называть меня Мэб, Королевой Воздуха и Тьмы. Императрицей Зимней династии сидхе.

Глава 3

Душа у меня ушла в пятки.

Королева фэйри. Королева фэйри находилась у меня в офисе. Я видел перед собой Королеву фэйри. Говорил с Королевой фэйри.

И она прижала меня к ногтю.

Мать вашу, а я-то думал прежде, что жизнь моя уже дошла до критической точки.

Страх может напоминать ледяную воду. Он может обжигать горло холодом, как от глотка ледяной воды, разбегаясь по груди. Он лишает вас дыхания и заставляет сердце биться неестественно медленно, а потом сползает в желудок и в пах, сводя их судорогой. Потом он распространяется на ноги, ударяет в колени, останавливая вас на полушаге, лишая мышцы ног сил, которые были бы нужны вам для того, чтобы улепетывать отсюда.

Глоток такого вот страха я сделал, глядя на прекрасную, как ядовитый цветок, фею, стоящую напротив меня.

Это заставило Мэб улыбнуться.

– Да, – прошептала она. – Ты достаточно умен, чтобы бояться. Чтобы понимать, чего бояться, – хоть отчасти. Ну и каково это, детка, знать то, что ты знаешь?

Голос мой прозвучал тише и неувереннее, чем мне хотелось бы:

– Примерно как Токио, когда на берег выходит Годзилла.

Все с той же улыбкой Мэб склонила голову набок. Возможно, она просто не поняла сравнения. А может, ей не понравилось, что ее сравнили с тридцатизэтажной ящерицей. А может, и понравилось. Я имею в виду – откуда мне знать? Я и со смертными-то женщинами никак не разобрался.

Я избегал встречаться с Мэб взглядом. Заглянуть ей в душу я уже не боялся – для этого надо, чтобы душа имелась у обеих сторон. Но слишком много всякого может случиться с вами, если вы дольше чем нужно смотрите кому-то в глаза. Самые разные эмоции и все такое. Я смотрел Мэб на подбородок, рука моя горела от боли, а я не знал, что сказать, потому что мне было слишком страшно.

Терпеть не могу, когда мне страшно. Наверное, нет ничего в мире, что я ненавидел бы так сильно. Терпеть не могу, когда меня заставляют ощущать свою беспомощность. А еще терпеть не могу, когда мне угрожают, а Мэб с таким же успехом могла бы взять меня за горло и потребовать все деньги, что выдали мне на школьный завтрак.

Визит Королевы фэйри означал плохие новости. Очень плохие. Если не считать какого-нибудь особо вредного древнего бога или самого Белого Совета, я вряд ли мог бы напороться на кого-нибудь, обладающего такой силой, как Мэб. Я мог бы попробовать нанести ей какую-нибудь магическую оплеуху, мог бы попытаться выставить ее прочь – но, будь даже мы с ней оба в равной форме, сомневаюсь, что мне удалось бы даже растрепать ей прическу. И она обладала надо мной властью. Она могла бы прорвать мою оборону почти чем угодно, а я ничего не смог бы с этим поделать.

Угрозы бесят меня – а многим известно, что, когда я зол, я могу наделать глупостей.

– Забудьте, – выпалил я. – Никаких сделок. И не тяните резину – испепелите меня, или что там у вас положено. Уходя, не забудьте запереть дверь.

Похоже, мой ответ ничуть ее не задел. Она только сложила руки на груди.

– Столько злости, – ласково прошептала она. – Столько огня. Я видела, как ты загнал в тупик свою крестную Леанансидхе прошлой осенью. Мало кому из смертных удавалось добиться такого. Дерзко. Подобные проявления силы меня восхищают, чародей. Такая сила мне и нужна.

Я в очередной раз полез в ящик и рылся в нем, пока не нашел моток бинта, после чего принялся заматывать раненую кисть.

– Мне плевать на то, что вам нужно, – буркнул я. – Я не собираюсь служить вашим эмиссаром или кем там еще, если вы только не заставите меня силой, а в таком случае, боюсь, вам от меня будет немного толка. Поэтому делайте, что вы хотели сделать, или убирайтесь из моего офиса.

– Поосторожнее, мистер Дрезден, – мягко посоветовала мне Мэб. – Это в полной мере касается вас. Я купила ваш долг с тем, чтобы сделать вам предложение. Чтобы дать вам шанс освободиться от оговоренных той сделкой обязательств.

– Ну да, конечно. Хватит. Мне это неинтересно.

– Вы можете служить, чародей, а можете послужить. Блюдом. Разве вы не хотите освободиться?

Я осторожно покосился на нее, живо представив себя на столе, зажаренным до состояния аппетитной корочки и с веточкой петрушки в зубах.

– Что вы имеете в виду под словом «освободиться»?

– Освободиться, – ответила она, старательно артикулируя губами цвета мороженой ежевики, – означает быть свободным от любого влияния сидхе, от связывающих вас обязательств сначала по отношению к Леанансидхе, а затем – ко мне.

– И мы умываем руки? Расходимся в разные стороны?

– Совершенно верно.

Я опустил взгляд на свою окровавленную руку и нахмурился:

– Не уверен, Мэб, что наши с вами понятия свободы совпадают.

– На вашем месте я бы не колебалась, чародей. Свобода меня восхищает. Всякий, у кого ее нет, желает ее.

Я сделал глубокий вдох и постарался совладать с сердцебиением. Я не мог позволить, чтобы моя злость или мой страх думали за меня. Мои инстинкты буквально голосили, требуя, чтобы я снова схватил пистолет и разрядил в нее обойму, но мне нужно было подумать. Голова – вот единственное, с помощью чего можно избавиться от феи.

Мэб явно не кривила душой, делая мне это предложение. Я ощущал это столь явно, что места для сомнений просто не оставалось. Она освободит меня, если я выполню условия сделки. Конечно, цена может оказаться слишком высокой. Собственно, до цены мы еще не добрались. И обыкновенно одна сделка с фэйри влечет за собой другую, увлекающую тебя все глубже и глубже. Точь-в-точь как кредитные компании или те типы, что спонсируют студентов. Одним словом, готовься к худшему.

Я ощущал на себе взгляд Мэб. Так кот Сильвестр в мультике смотрит на птичку Твити. Эта мысль слегка ободрила меня: в конце каждой серии Твити надирает Сильвестру задницу.

– Хорошо, – сказал я. – Я слушаю.

– Три поручения, – мурлыкнула Мэб, для выразительности подняв перед собой три пальца. – Время от времени я буду обращаться к вам с просьбой. Стоит вам выполнить три из них, и ваши обязанности по отношению ко мне исчерпаны.

В комнате воцарилась напряженная тишина. Я моргнул:

– Что? И все?

Мэб кивнула.

– Три любых поручения? На мой выбор?

Мэб кивнула.

– Только и всего? Я имею в виду, послушать вас, так мне достаточно трижды передать вам за столом солонку – и мы в расчете?

Ее глаза, зеленые с голубым, как арктический ледник, не мигая смотрели на меня.

– Вы принимаете эти условия?

Я задумчиво потеребил пальцем губу, пытаюсь переварить это в голове. Пока что условия сделки выглядели предельно простыми. Впрочем, все еще могло запутаться. Мэб предлагала мне сверток, соблазнительный, как сласти в Хеллоуин.

Из этого следовало, что я буду последним кретином, если не проверю сверток на наличие опасных лезвий и цианистого калия.

– И я сам решаю, какие поручения принимать, а какие нет?

– Даже так.

– И если я отказываюсь, с вашей стороны не последует никаких санкций или наказаний.

Она склонила голову набок и медленно мигнула:

– Принимается. Вы, не я выбираете, какие из моих поручений выполнять.

Что ж, по крайней мере одну ловушку я нащупал.

– И никаких новых перепродаж моего заклада. Или каких угодно действий со стороны ваших лакеев. Это останется между нами двумя.

Она рассмеялась, и звук этот прозвучал так же весело, ясно и красиво, как колокольный звон – если бы кто-нибудь прижал еще резонирующий колокол к моим зубам.

– Как в случае с вашей крестной. Обманете меня дважды – и поделом мне, так, чародей? Принимается.

Я облизнул губы, лихорадочно размышляя. Оставил ли я ей какие-нибудь лазейки? Может ли она поймать меня на чем-нибудь другом?

– Ну, чародей? – спросила Мэб. – Мы договорились?

Я позволил себе секунду пожалеть о том, что я так устал. И что мне так больно. События этого дня и надвигающееся заседание Совета явно не способствовали тому, чтобы моя голова была готова к переговорам на высшем уровне. Впрочем, одно я знал наверняка: если я не освобожусь из-под власти Мэб, я умру или хуже чем умру, и очень скоро. Лучше действовать и ошибаться, чем бездействовать и ждать, пока тебя раздавят.

– Ладно, – сказал я. – Договорились.

Стоило мне произнести эти слова, как по спине моей пробежал легкий холодок, а раненая рука отозвалась резкой болью.

Мэб закрыла глаза, изогнула темные губы в кошачьей улыбке и наклонила голову:

– Отлично. Да.

Помните выражение морды Уайла Э. Койота из мультика, когда тот на всех парах прыгает вперед с края скалы и только тогда понимает, что сделал? Он еще не смотрит вниз, но пробует пространство под собой сначала одной лапой, потом другой, и в этот момент, прямо перед тем как устремиться вниз, его лицо искажает ужас.

Должно быть, вид у меня был примерно такой же. Во всяком случае, ощущал я себя именно таким образом. Впрочем, делать было уже нечего. Возможно, если бы я не остановился пощупать землю под собой, я так и летел бы вперед на всех парах. Отвернувшись от Мэб, я попробовал заняться раненой рукой. Рана продолжала болеть, а дезинфекция только добавила к этому новых острых ощущений. Правда, без швов, решил я, можно обойтись. Слабое, но все-таки утешение.

Что-то хлопнуло по крышке моего стола. Конверт из коричневой крафт-бумаги. Я поднял взгляд. Мэб натягивала на руки перчатки.

– Что это? – спросил я.

– Мое поручение, – ответила она. – В конверт вложены обстоятельства смерти одного человека. Я хочу, чтобы вы очистили меня от подозрений, найдя убийцу и вернув то, что он похитил.

Я открыл конверт. Внутри лежала глянцевая черно-белая, восемь на десять фотография трупа. Пожилой мужчина лежал у подножия лестницы; шея его вывернулась под неестественным углом по отношению к плечам. Волосы у него были седые, клочковатые, пиджак – тви-

довый. К фотографии прилагалась записка из «Чикаго трибьюн» под заголовком: «СМЕРТЬ ХУДОЖНИКА В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ».

– Рональд Ройель, – произнес я, пробежав записку глазами. – Я о нем слышал. Кажется, у него была студия в Бактауне.

Мэб кивнула:

– Его называли прозорливцем в американской культуре. Правда, полагаю, они несколько вольно используют это определение.

– Создатель воображаемого мира, так здесь написано. Подозреваю, что теперь, когда он умер, о нем будут писать только хорошее. – Я дочитал записку. – Полиция охарактеризовала это как несчастный случай.

– Это не так, – возразила Мэб.

Я поднял на нее взгляд:

– Откуда вы знаете?

Она только улыбнулась.

– А вас-то что беспокоит? – спросил я. – Непохоже, чтобы вас преследовали копы.

– Есть силы и помимо законов смертных. Вам довольно знать, что я желаю, чтобы правосудие свершилось, – сказала она. – Только и всего.

– Так-так, – нахмурился я. – Вы сказали, у него что-то украли. Что именно?

– Вы это поймете.

Я убрал фотографию обратно в конверт и оставил его на столе.

– Я подумаю об этом.

– Вы примете это поручение, мистер Дрезден, – заверила меня Мэб.

Я нахмурился еще сильнее и выставил вперед подбородок:

– Я сказал, подумаю.

Кошачьи глаза Мэб блеснули, и я увидел ее белоснежные зубы. Она улыбалась. Она достала из кармана жакета солнцезащитные очки.

– У вас не принято провожать клиента до дверей?

Я вспыхнул, но встал и подошел к двери. Голова кружилась от наркотического аромата ее духов. Я постарался не обращать на него внимания, сохраняя хмурое выражение лица, и рывком распахнул перед ней дверь.

– Как ваша рука, болит? – поинтересовалась она.

– А вы как думаете?

Мэб положила руку в перчатке на мою раненую, и внезапный ледяной мороз скальпелем кольнул мне рану, мгновенно распространившись по руке и дальше – прямо в сердце. У меня перехватило дыхание и сердце замерло на секунду-другую, прежде чем забиться снова. Я охнул и пошатнулся; мне пришлось прислониться к косяку, чтобы не упасть.

– Черт, – пробормотал я, стараясь говорить по возможности спокойнее. – Мы же договорились.

– Я обещала не наказывать вас за отказ. Ни лично, ни чьими-либо чужими руками. – Мэб улыбнулась. – А это сделала просто назло.

– Это не повысит вероятность того, – прорычал я, – что я брошусь выполнять ваше поручение.

– Вы займетесь им, мой эмиссар, – с уверенностью в голосе заявила Мэб. – Я полагаю, что вы увидите своего оппонента сегодня же вечером.

– Какого еще оппонента?

– Ну, раз вы представляете в этом деле интересы Зимы, Лето тоже нашло лицо, готовое представлять его интересы.

– Сегодня вечером я занят, – буркнул я. – И я ведь еще не сказал, что берусь за это дело.

Мэб опустила очки и заглянула кошачьими глазами мне в лицо:

– Скажите, чародей, вам известна притча о Лисе и Скорпионе?

Я мотнул головой, старательно отводя взгляд.

– Однажды Лиса и Скорпион подошли к ручью, – начала Мэб безмятежным тоном. – Ручей был глубоким и широким. Скорпион попросил Лису перевезти его на другой берег. «Но, Скорпион, не ужалить ли ты меня?» – спросила Лиса. «Если ужалю, это будет означать верную смерть для нас обоих», – отвечал Скорпион. Что ж, Лиса согласилась, и Скорпион взобрался к ней на спину. Но стоило Лисе доплыть до середины ручья, как Скорпион ужалил ее своим смертоносным жалом. «Ты обрек нас обоих! – только и успела сказать Лиса. – Зачем?» – «Я же Скорпион, – отвечал Скорпион. – Такова моя природа».

– Милая сказочка, – проворчал я. – Что ж, не буду больше задерживать.

Мэб рассмеялась бархатно-ледяным смехом, от которого меня снова пробрала дрожь.

– Вы примете это поручение, чародей. Не сможете не принять. Такова ваша природа. – Она повернулась и спокойной, неспешной походкой пошла от меня по коридору.

С минуту я хмуро смотрел ей вслед, потом закрыл дверь.

Возможно, я и правда слишком долго сидел в своей лаборатории. Во всяком случае, Спенсер нигде не упоминал, что у Королевы фэйри шикарная задница.

Вот такие детали я замечаю. Очень в моем духе.

Глава 4

Я прислонился к косяку и закрыл глаза, пытаюсь думать внятно. Я был напуган. Не в той почти приятной манере, с впрыском адреналина в кровь, а тихо, но до смерти. Так, как обычно боишься в ожидании результата медицинского анализа. Этакой рациональной разновидностью страха, которая придвигает вашим мыслям удобный шезлонг и столик с прохладительными напитками.

Получалось, я работаю на повелительницу злобного народца – ну, во всяком случае, на Зимнюю Королеву, владычицу клана Ансийли. В общем-то, Ансийли не столь злобны, равно как Летние феи, Сийли, не такие уж добрые и мудрые. Они во многом напоминают время года, в честь которого названы: холодные, прекрасные, беспощадные и совершенно бессердечные. Только дурак может добровольно сотрудничать с ними.

Нельзя сказать, чтобы Мэб оставила мне выбор. Впрочем, формально выбор у меня имелся: я мог отказаться от всего, что она предлагала, и принять то, что последовало бы за этим.

Я прикусил губу. С учетом рода моих занятий мне и раньше не следовало строить слишком больших планов на безмятежную пенсию. Случается, чародеи живут долго, очень долго, но это относится к тем, кто тихо и мирно просиживает у себя дома, в лаборатории. Мало кто из них сует свой нос во столько мест, как я.

Пару раз я вел себя достаточно умно, пару раз мне повезло, так что до сих пор я выходил не то чтобы сухим из воды, но все же более-менее победителем. Однако рано или поздно кости неминуемо упадут другой стороной. Все очень просто, и я это прекрасно знаю.

Страх. Вот, возможно, из-за чего я согласился на сделку с Мэб. Жизнь Сьюзен была беспощадно искалечена, и все по моей вине. Я хотел помочь ей, прежде чем сам накроюсь медным тазом.

И все же негромкий голосок где-то в глубине моего сознания убеждал меня в том, что все это отговорки. Какая-то часть меня шептала, что я просто струсил, побоялся отказать той, которая, возможно, заставила бы меня в случае отказа молить ее о смерти.

В любом случае поздно было задавать себе вопросы. К лучшему или к худшему, но сделку я заключил. И если я не хотел кончить плохо, мне стоило быстрее подумать о том, как выбраться из этой ситуации, не погрязнув при этом в политике фэйри. А если я возьмусь за дело Рональда Ройеля, мне этого наверняка не миновать. Мэб не предложила бы мне этого, если бы не считала, что я увязну еще сильнее, чем увяз до сих пор. Возможно, она держала меня в невидимых наручниках, но это еще не значило, что я буду прыгать на задних лапках каждый раз, когда она сделает знак. Я мог еще придумать что-нибудь. И потом, у меня имелись и другие неотложные проблемы.

До назначенного на вечер собрания оставалось не так много времени, поэтому я собрал вещи и приготовился уходить. У двери я задержался с неприятным ощущением, будто я забыл что-то важное. Взгляд мой упал на стол, на стопку неоплаченных счетов, и я вспомнил.

Деньги. Я пришел сюда, чтобы получить работу. Чтобы заработать. Чтобы оплатить счета. В результате по самое не хочу увяз в неприятностях, имея их в перспективе еще больше, и не заработал при этом ни ломаного цента.

Я выругался и с силой захлопнул дверь за собой.

Можно подумать, ведя игру, ставкой в которой была моя душа, я имел возможность потребовать с Мэб пятьдесят баксов в час плюс накладные расходы.

Уличное движение в Чикаго по степени кошмарности мало отличается от движения в любом крупном американском городе, но в тот день оно выдалось особенно ужасным. Застывший в пробке «жучок» превратился в духовку, и у меня имелось в избытке времени пожалеть о

том, что мои способности не дают шанса на выживание ни одному мало-мальски приличному кондиционеру. Вот вам один из присущих чародеям талантов. Современная техника отказывается работать при значительной концентрации магических энергий. Все, что изготовлено после Второй мировой войны – ну, или чуть позже, – отказывает, стоит оказаться поблизости хоть одному завалящему чародею. Хуже всего приходится штуковинам с микросхемами, электронной начинкой и всему подобному, но и агрегаты попроще, вроде кондиционера, в моем «жучке» тоже живут недолго.

Имея в запасе времени впритык, я добрался до своей квартиры и принялся искать в царившем там разгроме предметы, необходимые мне для вечернего собрания. Найти все мне так и не удалось, и времени принять душ у меня тоже не оставалось. В холодильнике царила арктическая пустота, и единственным съедобным предметом, который я нашел на кухне, оказалась початая шоколадка. Я сунул ее в карман и отправился на собрание Белого Совета чародеев.

Там мне наверняка предстояло произвести неотразимое впечатление своей внешностью, чистотой и обхождением.

Я свернул на стоянку напротив комплекса Маккормик-Плейс, одного из крупнейших общественных центров в мире. Для своего собрания Белый Совет арендовал одно из входящих в него зданий поменьше. Солнце уже висело низко над горизонтом, становясь больше и краснее по мере наступления вечера.

Я остановил «жучок» в относительной прохладе нижнего уровня многоэтажной стоянки, выбрался из машины и обошел ее спереди, чтобы открыть багажник. Я как раз облачался в свой балахон, когда рядом послышалось лязганье и прерывистый рык раздолбанного мотора. На соседнее свободное место заруливал черный «форд-пикап» модели тридцать седьмого года, с округлыми крыльями и деревянными бортами кузова. Впрочем, ни одного пятна ржавчины на старой машине не наблюдалось, и она сияла свежей краской. На задней стенке кабины красовались старый, заслуженного вида дробовик и чародейский посох. С обстоятельностью двадцатитонного динозавра машина остановилась, и мотор, чихнув в последний раз, смолк.

Водитель, невысокий коренастый мужчина в белой футболке и голубых джинсах, распахнул дверцу и с предельно деловым видом выбрался из машины. Он был лыс, если не считать кустистых бакенбард и пышной белой бороды. С силой захлопнув за собой дверцу «форда», он повернулся ко мне и расплылся в ухмылке:

– Хосс! Рад тебя видеть.

– Эбинизер, – отозвался я, хотя и значительно тише. Я ощутил, что улыбаюсь ему в ответ, и шагнул к нему обменяться рукопожатием. Мне пришлось стиснуть его лапищу со всех сил – из чистой самозащиты. При желании он смял бы в лепешку банку шпината. – Вы бы убрали дробовик. Чикагская полиция подозрительно косится на людей с ружьями.

Эбинизер фыркнул:

– Стар я слишком, чтобы беспокоиться по пустякам.

– Что это вы делаете вдали от Миссури, сэр? Вот уж не думал, чтобы вы собрались на заседание Совета.

Он рассмеялся лающим смехом:

– В прошлый раз, когда я пропустил это дело, мне на шею повесили бестолкового подростка-обезьяну. Теперь я боюсь пропускать: вдруг еще чего выдумают?

Я тоже рассмеялся:

– Неужели я был так ужасен?

– Ты спалил мой амбар, Хосс, – фыркнул он. – И я никогда больше не видел того кота. Я имею в виду, после того, что ты учудил со стиркой.

Я ухмыльнулся. Давным-давно, безмозглым шестнадцатилетним сиротой, мне пришлось убить моего тогдашнего наставника – это можно было назвать волшебной дуэлью. Мне повезло:

вместо старого Джастина превратиться в брикет прессованного угля вполне мог я сам. Совет свято блюдет Семь законов магии, и самый первый из них гласит: «Не убий». Любой нарушивший его подлежит казни без дальнейших расспросов.

Однако некоторые из членов Совета считали, что я заслуживаю смягчения приговора; к тому же и прежде имелись прецеденты использования смертоносной магии против черно-книжников. Мне назначили жесткий испытательный срок, при котором любое новое нарушение каралось немедленно по совокупности. К тому же мне было всего шестнадцать, то есть я еще считался несовершеннолетним, из чего следовало, что мне нужно где-то жить – желательно в таком месте, где Совет мог бы присматривать за мной и где я научился бы лучше контролировать свои способности.

Эбинизер Маккой жил в Хог-Холлоу, штат Миссури, так давно, что никто уже и не помнил, когда он там появился, – по меньшей мере лет двести. После разбирательства Совет отправил меня к нему на ферму, поручив ему задачу моего дальнейшего образования. Каковое, согласно Эбинизеру, означало уйму работы по ферме днем, учебу по вечерам и крепкий, здоровый сон по ночам.

Не могу сказать, чтобы я сильно пополнил свои знания по части магии, зато обучился вещам поважнее. Я обучился терпеливости. Терпеливости в работе и в жизни. И еще я обрел там столько покоя, сколько вообще возможно для сопливого подростка. Его ферма была для меня хорошим местом, и он относился ко мне с уважением и пониманием, которых мне так не хватало. Я всегда буду благодарен ему за это.

Эбинизер посмотрел куда-то мне за спину и нахмурился. Я проследил его взгляд и сообразил, что мой «жучок» выглядит так, словно истек кровью, побитый камнями. Жабья кровь запеклась на нем слоем темно-коричневой карамели, покрывавшей его везде, кроме части ветрового стекла, где ее счистили дворники. Удивленно приподняв кустистые брови, Эбинизер снова повернулся ко мне.

– Ливень из жаб, – объяснил я.

– А-а-а. – Он задумчиво почесал подбородок, потом посмотрел на меня, на забинтованную руку и нахмурился еще сильнее. – А это?

– Несчастный случай в офисе. У меня был тяжелый день.

– Угу... Знаешь, Хосс, вид у тебя неважнецкий.

Он внимательно, хмурясь, рассматривал меня. Я отвел глаза. Много лет назад мы уже заглядывали друг другу в душу, так что этого я не боялся. Мне просто не хотелось увидеть на его лице разочарование.

– Слышал, у тебя тут были неприятности.

– Немного, – признал я.

– С тобой все в порядке?

– Прорвусь.

– Угу... Говаривали, в Совете недовольны, – сообщил он. – У тебя могут быть неприятности с ними, Хосс.

– Да, я догадываюсь.

Он вздохнул и покачал головой. Потом еще раз осмотрел меня с ног до головы и сморщил нос:

– Что-то ты не слишком похож на образцово-показательного молодого чародея. А в этой-то хламиде ты точно не произведешь особого впечатления.

Я обиженно нахмурился и намотал на голову отрез сочно-синего шелка.

– Эй, мне же положено быть в балахоне. Всем нам положено.

Эбинизер смерил меня недовольным взглядом и повернулся к своему пикапу. Он достал из кузова объемистый чемодан, а из него – балахон из роскошной темной ткани.

– Сдается мне почему-то, что они не имели в виду обычный фланелевый домашний халат.

Я завязал пояс своего старого халата и попытался поправить тюрбан так, чтобы он выглядел как положено.

– Мой кот использовал парадный балахон в качестве отхожего места. И потом, я же сказал, сэр: день выдался тяжелый.

Он проворчал что-то себе под нос и снял со стенки кабины свой старый сучковатый посох мага. Потом размотал алый тюрбан и повесил его на плечо:

– Слишком жарко, чтобы надевать эту штуку прямо здесь. Накручу, когда окажемся внутри. – Он обвел взглядом автостоянку.

Я нахмурился и склонил голову набок:

– Мы опаздываем. Может, пойдем, пока все не собрались?

– Сейчас пойдем. Тут кое-кто хочет потолковать, куда мы не замкнули круг. – Он искоса посмотрел на меня. – Старейшины Совета, – добавил он вполголоса.

Я едва не поперхнулся:

– Но зачем им говорить с нами?

– Не с нами. С тобой. Затем, сынок, что это я попросил их об этом. Если Старейшины позволят провести открытое голосование всех членов Совета, это может плохо для тебя кончиться. Вот я и хотел, чтобы хоть кому-то из них удалось потолковать с тобой напрямую, прежде чем принимать решение.

Эбинизер прислонился к дверце своего пикапа, сцепил руки на животе и прищурился. Ничто в нем не выдавало напряжения – от бычьего загривка и мощных плеч до жилистых натруженных рук. И все же я ощущал его.

– Вы рискуете ради меня, так? – тихо-тихо спросил я.

Он пожал плечами:

– Ну, есть малость.

Я почувствовал, как злость закипает у меня в животе, и стиснул зубы. Впрочем, я приложил все усилия к тому, чтобы не повышать голоса. Эбинизер был мне больше чем учителем. Он стал моим наставником тогда, когда у меня не оставалось в жизни ничего другого. Он помогал мне тогда, когда многие его коллеги с радостью пнули бы меня, а точнее, добились бы. Я был обязан ему жизнью – в прямом и переносном смысле.

Поэтому самым последним делом было бы для меня сорваться, каким бы усталым или израненным я себя ни чувствовал. И потом, старик запросто мог надрать мне задницу. Поэтому мне удалось говорить почти спокойным голосом.

– Какого черта? Вам-то зачем в это лезть, сэр? Я больше не ваш подмастерье. Как-нибудь сам за себя отвечу.

От него моя злость, разумеется, не скрылась. Я и сам знаю, что игрок в покер из меня никудышный.

– Я пытаюсь помочь тебе, сынок, – сказал он, подняв на меня взгляд.

– Мне столько все помогают, что я едва на ногах держусь, – заверил я его. – Вампиры дышат мне в загривок, жабы сыплются с неба, меня вот-вот выселят отовсюду, я опаздываю на собрание, и мне же еще торчать теперь здесь и подлизываться к Старейшинам, чтобы повлиять на их голосование?

Эбинизер выпятил бороду.

– Гарри... – сказал он, постукивая посохом по земле в такт словам для вящей убедительности, – Гарри, это не игрушки. Стражи и Мерлин настроены решительно против тебя. Они не будут сидеть сложа руки. Без поддержки в верхах Совета тебе придется туго, Хосс.

Я покачал головой, вспомнив ледяной взгляд Мэб:

– Хуже, чем есть, уже не будет.

– Черта с два не будет. Они запросто сделают из тебя агнца на заклание.

– Может, так, а может, и нет. В любом случае я не собираюсь плакаться перед Советом, его Старейшинами и кем угодно другим.

– Гарри, я ведь не прошу тебя встать на колени и молить о пощаде, но если ты хотя бы...

Я закатил глаза:

– Что? Предложу им пару любезностей? Продам свой голос одной из фракций? В жопу все это... простите за язык. У меня хватает проблем и без... – Я осекся и сощурился. – Вот от кого я меньше всего ожидал попыток втянуть меня в интриги Совета, так это от вас.

Эбинизер удивленно уставился на меня:

– Чего?

– Того самого. Помнится, в последний раз, когда мы говорили на эту тему, вы считали, что вся эта вонючая шарашка зажавшихся снобов только и думает, как бы подсидеть друг друга.

– Не говорил я такого.

– Еще как говорили.

Лицо Эбинизера опасно покраснело.

– Парень, я бы...

– Да ну, – сказал я. – Валяйте, отвесьте мне плюху или еще чего. Но угрозами от меня мало чего добьешься.

Эбинизер возмущенно фыркнул, еще раз стукнул посохом по земле и, повернувшись, отошел от меня на несколько шагов. Пару секунд он постоял там, бормоча что-то себе под нос. А может, мне послышалось. Так или иначе, очень скоро это бормотание сменилось плохо сдерживаемым смехом.

Я хмуро покосился на него.

– Эй, – окликнул его я. – Чего такого смешного? Вы надо мной, что ли, смеетесь?

Эбинизер шагнул на незанятое место в противоположном ряду.

– Вот, – ухмыльнулся он. – Что, доволен?

Я не ощутил ни малейшего шевеления энергии, ни единого магического вздоха. Какую бы завесу здесь ни использовали, она была круче всего, чего мне до сих пор удавалось достичь. Конечно, в том, что касается магии, я далеко не ас. Я умею кое-что, у меня имеются свои фирменные приемы, но по большей части я действую нахрапом, закачивая в свои заклятия столько энергии, что даже не удивляюсь, когда половина ее пропадает впустую. В общем, с точки зрения магии я действую как деревенский увалень, и шуму от меня больше, чем толка.

Эта завеса была хороша. Можно сказать, почти идеальна и, во всяком случае, совершенно бесшумна. На порядок лучше тех, что мне удастся сотворить в ближайшие лет десять-двадцать. В тупом потрясении я молча смотрел на то, как она упала, и два человека, присутствия которых я до сих пор не ощущал, возникли передо мной на ровном месте.

Ближе ко мне стояла женщина ростом больше шести футов. Седые волосы ее были подбраны у шеи в сетку. Она уже облачилась в парадный балахон из черного шелка, почти такого же цвета, как ее кожа. Алому тюрбану вторила нить самоцветов на шее. Она выгнула темную бровь, без намека на улыбку покосившись сначала на Эбинизера, потом на меня. Голос ее, когда она заговорила, оказался неожиданно низким и сочным.

– Вонючая шарашка? – спросила она. – Зажавшиеся снобы?

– Мэтти, – начал Эбинизер, все еще похихикивая, – ты же знаешь, как я завожусь, когда речь заходит о политике внутри Совета.

– Никакая я тебе не «Мэтти», Эбинизер Маккой, – огрызнулась она и поверх его плеча посмотрела на меня. – Чародей Дрезден, не могу сказать, чтобы меня забавляло ваше непочтение к Белому Совету.

Я задрал подбородок и вызывающе посмотрел на нее, ухитрившись при этом не заглянуть ей в глаза. Не самый простой финт, но при наличии надлежащей мотивации может и получиться.

– Какое совпадение. Я тоже не могу сказать, чтобы меня забавляло ваше подглядывание за мной.

Глаза чернокожей дамы вспыхнули, но Эбинизер вмешался, не дав нам возможности кипятиться дальше.

– Гарри Дрезден, – сухо произнес он. – Знакомьтесь, это Марта Либерти.

Она искоса посмотрела на него.

– Он заносчив, Эбинизер, – решительно заявила она. – Опасен.

Я хмыкнул:

– Как любой другой чародей.

– Ехиден, – продолжала она так, словно я не говорил. – Злобен. Одержим.

Эбинизер нахмурился:

– Сдается мне, у него есть на то веские причины. Ты и прочие Старейшины приложили к этому изрядно усилий.

Марта покачала головой:

– Тебе известно, кем он мог стать. Он представляет собой слишком большой риск.

Я дважды щелкнул пальцами и ткнул себя большим пальцем в грудь:

– Эй, леди. «Он» тоже здесь.

Взгляд ее скользнул по мне.

– Посмотри на него, Эбинизер. Он же совершенно опустился. Вспомни, сколько он причинил разрушений.

Эбинизер сделал два быстрых, сердитых шага к Марте:

– Это когда бросил вызов Красной Коллегии, собиравшейся убить ту девушку? Нет, Мэтти. Не Хосс виной тому, что вышло потом. Это все они. Я читал его отчет. Он выступил против них там, где, черт подери, нельзя было против них не выступить.

Марта сцепила руки перед собой – на фоне ее балахона они казались особенно темными, сильными.

– Мерлин говорит...

– Знаю я, что он говорит, – буркнул Эбинизер. – Мне даже не нужно слушать его, чтобы знать. По обыкновению, полуправду-полуложь, и все без сердца.

Долгую секунду Марта молча смотрела на него, хмуясь, потом повернулась ко мне.

– Вы помните меня, мистер Дрезден? – спросила она.

Я покачал головой:

– Все время суда я просидел с завязанными глазами, а то собрание, что созывал наблюдатель Морган пару лет назад, я пропустил: у меня из бедра пулю вынимали.

– Я знаю. До сегодняшнего дня я ни разу не видела вашего лица.

Она в первый раз двинулась с места и направилась ко мне, с каждым шагом постукивая изящным посохом из какого-то темного, с бордовым оттенком дерева. Я напрягся и заставил себя смотреть на нее, но она не стала встречаться со мной взглядом. Некоторое время она изучала мое лицо.

– У тебя материнские глаза, – произнесла она наконец совсем тихо.

Старая боль шевельнулась во мне. Я едва смог выдавить из себя слабый шепот:

– Я ее совсем не знал.

– Нет. Не знал.

Она подняла тяжелую руку и провела ею в воздухе с одной стороны моей головы, потом с другой, словно приглаживая мне волосы, но не касаясь их. Потом снова окинула взглядом с головы до ног, не упустив при этом забинтованную руку.

– Ты ранен. Тебе очень больно.

– Не страшно. Заживет через несколько дней.

– Я не о твоей руке, мальчик. – Она закрыла глаза и наклонила голову. Когда она заговорила снова, слова давались ей с трудом, словно губы отказывались произносить их: – Очень хорошо, Эбинизер. Я поддержу тебя.

Она шагнула от меня назад, ко второй фигуре, появившейся одновременно с ней. Я почти забыл о ее спутнике и, посмотрев на него внимательнее, понял почему. Окружавшая его тишина ощущалась почти физически. Его черты, осанка – вообще все, что его отличало, словно скрадывалось этой тишиной, терпеливой и безмолвной, словно камень, лежащий под солнцем и под луной.

Роста он был среднего – пять футов восемь... может, девять дюймов. Темные, несмотря на возраст, волосы он заплел в длинную косицу; кожа напоминала бронзу на солнце. Смотревшие из-под седых бровей темные глаза казались непроницаемыми. Из косы торчало несколько орлиных перьев, на шее висело ожерелье из костей, а на запястье виднелся наполовину скрытый черным балахоном бисерный браслет. Другая рука сжимала простой, не очищенный от коры посох.

– Хосс, – сказал Эбинизер, – позволь представить тебе Слушающего Ветер. Впрочем, даже для урожденного знахаря из Иллинойса имечко длинновато. Я зову его просто Индеец Джо.

– Привет, как... – начал было я.

Возможно, в вопросе, как он поживает, и заключалась какая-то ирония, но договорить мне все равно не дали. Что-то поскребло мою ногу, я вскрикнул и отпрыгнул в сторону от тыкавшегося мне в ноги комочка меха. Я даже не успел разглядеть, кто это. Что ж, такой нынче день выдался.

Я споткнулся о собственный посох и упал. Успел перевернуться на спину и загородиться ногами от твари, которая, возможно, собиралась с рычанием броситься мне в лицо, потом отвел одну ногу назад, готовый лягнуть нападавшего.

Не стоило и стараться. Енотик, совсем еще молоденький, стоял на задних лапках и возмущенно верещал – мое поведение явно оскорбило его до глубины души. Мягкий мех, которого хватило бы на зверя и втрое больше этого, стоял дыбом. Поблескивая глазками из-под черной маски на мордочке, он бросил на меня взгляд, в котором я прочитал обиду, потом подбежал к ногам Индейца Джо, ловко вскарабкался по его посоху, затем по руке и угнездился у того на плече, так и продолжая верещать и попискивать.

– Уф, – выдохнул я. – Как поживаете?

Енотик пискнул что-то еще, Индеец Джо склонил голову набок, прислушиваясь, и кивнул:

– Хорошо. Но Маленький Брат недоволен тобой. Он считает, что всякий, у которого столько еды, должен поделиться с ним.

Я нахмурился, но сразу же вспомнил про недоеденную шоколадку в кармане:

– Ах да, конечно. – Я достал ее, разломил пополам и протянул половину енотику. – Ну что, мир?

Маленький Брат радостно пискнул и, пулей соскользнув по руке и посоху Индейца Джо, подбежал ко мне, схватил шоколадку, отошел на несколько футов и принялся есть.

Когда я поднял взгляд, Индеец Джо стоял рядом со мной, протягивая руку:

– Маленький Брат благодарит тебя. Ты ему тоже понравился. Как поживаешь, чародей Дрезден?

Я принял его руку и встал:

– Спасибо, гм... Слушающий Ветер.

– Индеец Джо, – поправил меня Эбинизер.

Индеец Джо подмигнул мне:

– Эта замшелая деревенщина не умеет читать. Иначе он давно бы уже знал, что меня нельзя так больше называть. Теперь я Коренной Обитатель Америки Джо.

Вот уж не думал, что я смогу рассмеяться, но смог. Индеец Джо кивнул; в темных глазах его плясали веселые искорки.

– Та, которую ты знаешь как Теру Уэст, шлет тебе привет.

Я удивленно уставился на него. Индеец Джо повернулся к Эбинизеру, кивнул и не спеша вернулся к Марте.

Эбинизер довольно хмыкнул:

– Хорошо. Но где же русский? Мы не можем ждать его весь день.

Взгляд Марты разом потускнел. Выражение лица Индейца Джо не изменилось, но он посмотрел на свою высокую соседку. Оба молчали, и тишина эта сгустилась настолько, что в ней можно было задохнуться.

Лицо Эбинизера побелело как мел, и он вдруг тяжело оперся на посох, чтобы не упасть.

– Семен, – прошептал он. – О нет.

Я шагнул к нему, готовый подхватить его, если потребуется:

– Что случилось?

Марта покачала головой:

– Семен Петров. Один из Старейшин. Наш эксперт по вампирам. Его убили меньше двух дней назад. Всю Архангельскую ячейку. Всех до одного. Мне очень жаль, Эбинизер.

Эбинизер медленно покачал головой. Голос его звучал бледным подобием обычного:

– Я ведь бывал в его башне. Настоящая крепость. Как им это удалось?

– Стражи сказали, что не знают точно, но, похоже, кто-то впустил убийц в обход барьеров. Они не остались безнаказанными. На месте нашли останки полудюжины ноблей Красной Коллегии. И много их воинов. Но они убили Семена и остальных.

– Кто-то впустил их? – выдохнул Эбинизер. – Измена? Но даже если и так, это мог быть только кто-то, хорошо знавший все входы и выходы и знакомый с защитой башни.

Марта покосилась на меня, потом снова посмотрела на Эбинизера. Что-то проскочило между ними с этим взглядом, но что именно, я не знаю.

– Нет, – сказал Эбинизер. – Это безумие.

– Наставник и школяр. Ты ведь знаешь, что скажут наблюдатели.

– Вздор. Дерьмо собачье. Старейшин это не касается.

– Эбин, – мягко возразила Марта, – мы с Джозефом – два голоса. Семена больше нет.

Эбинизер достал из кармана синий платок и вытер вспотевшее лицо.

– Проклятье, – буркнул он. – Трижды распроклятое проклятье!

Я посмотрел на Эбинизера, потом на Марту.

– Что? – спросил я. – Что все это значит?

– Это значит, чародей Дрезден, – ответила она, – что Мерлин и другие готовятся обвинить тебя в том, что это ты спровоцировал войну с Красной Коллегией, и возложить на тебя вину за ряд смертей. И поскольку мы с Джозефом лишены теперь поддержки Семена, это означает, что нам не удастся помешать Мерлину вынести этот вопрос на общее голосование.

Индеец Джо кивнул, машинально поглаживая густую шерстку Маленького Брата:

– Многие в Совете напуганы, Хосс Дрезден. Твои враги не упустят возможности воспользоваться этим, чтобы нанести тебе удар. Страх заставит колеблющихся голосовать против тебя.

Я переглянулся с Эбинизером. Мой старый наставник хотел казаться уверенным, но получалось это у него плохо.

– Адские погремушки, – пробормотал я. – Значит, я и правда вляпался по уши.

Глава 5

Тяжелое, неуютное молчание длилось несколько секунд, потом Эбинизер хрустнул пальцами.

– Кто будет замещать Семена?

Марта покачала головой:

– Подозреваю, Мерлин захочет кого-нибудь из немцев.

– Черт, я ведь лет на пятьдесят старше любого из них, мать их... – буркнул Эбинизер.

– Это ничего не значит, – сказала Марта. – На взгляд Мерлина, среди Старейшин и так слишком много американцев.

– Типичное заблуждение, – вмешался Индеец Джо, почесывая грудку Маленького Брата. – Единственный настоящий американец из Старейшин – это я. Не то, что вы все, Джонни-те-что-пришли-позже.

Эбинизер ответил Индейцу Джо усталой улыбкой.

– Мерлин вряд ли обрадуется, если ты заявишь свои права прямо сейчас, – заметила Марта.

– А то, – фыркнул Эбинизер. – Передать невозможно, как я несчастен из-за этого – просто, можно сказать, сердце разрывается.

Марта нахмурилась, сжав губы:

– Нам пора заходить, Эбинизер. Я скажу, чтобы тебя подождали.

– Хорошо, – вздохнул мой старый учитель. – Идите.

Не говоря больше ни слова, Марта и Индеец Джо ушли, шелестя своими парадными балахонами. Эбинизер тоже надел свой, темный, и повязал алый тюрбан. Потом взял посох и решительно зашагал ко входу в зал. Я молча поспевал за ним. На душе скребли кошки.

– Как у тебя с латынью, Хосс? – спросил вдруг Эбинизер. – Хочешь, буду переводить.

Я закашлялся.

– Нет. Думаю, справлюсь сам.

– Ладно. Когда войдем, постарайся держать себя в руках. Видишь ли, по какой-то причине у тебя репутация вспыльчивого, как порох.

Я хмуро покосился на него:

– Вовсе нет.

– И упрямого, как осел. И капризного, как девица.

– Совсем даже нет.

Усталая улыбка на мгновение мелькнула на лице Эбинизера, но тут мы подошли ко входу в здание, где собрался Совет. Я задержался у дверей, и Эбинизер вопросительно оглянулся на меня.

– Я не хочу входить вместе с вами, – пояснил я. – Если дела обернутся хреново, возможно, вам лучше держаться дальше от меня.

Эбинизер нахмурился, и мгновение мне показалось, что он будет спорить со мной. Но он только кивнул и шагнул в дверь. Я выждал пару минут, поднялся на крыльцо и вошел.

Здание напоминало старый театр: высокие сводчатые потолки, полы из полированного камня, по которым там и здесь протянулись ковровые дорожки, и анфилада высоких двустворчатых дверей. Должно быть, кондиционеры еще совсем недавно работали на полную мощь, но теперь я не слышал ни негромкого жужжания, ни шелеста воздуха, и в здании уже становилось теплее, чем полагалось бы. Свет тоже не горел. Наивно ожидать работы даже от самых простых осветительных и вентиляционных устройств в доме, полном чародеев.

Все двери, ведущие в зал, были заперты, кроме одной, у которой стояли двое мужчин в темных балахонах Совета, алых тюрбанах и серых накидках Стражей.

Одного из них я не узнал, зато второй оказался не кем иным, как Морганом. Ростом он почти не уступал мне, зато веса имел больше на добрую сотню фунтов – не жира, но крепких трудовых мускулов. Он щеголял короткой пегой бородкой и завязанными в хвостик волосами. Лицо его как было, так и осталось вытянутым, кислым – вполне под стать голосу.

– Наконец-то, – буркнул он при виде меня. – Я ждал этого дня, Дрезден. Наконец-то ты предстанешь перед правосудием.

– Похоже, нынче утром кто-то как нарочно подсовывает мне одних фанатиков, – отозвался я. – Я знаю, вам это не понравится, Морган, но все эти обвинения с меня сняли. Собственно, благодаря вам.

Его кислая физиономия перекосилась еще сильнее.

– Я только доложил о твоих действиях Совету. Я не думал, что они окажутся такими, – он выплюнул это слово будто проклятие, – снисходительными.

Я остановился перед Стражами и протянул им свой посох. Напарник Моргана снял с шеи хрустальный брелок и поводил им сначала вдоль посоха, а потом у меня над головой, у висков и вдоль всего тела. Кристалл начинал пульсировать мягким светом каждый раз, как оказывался рядом с одной из точек чакры. Страж кивнул Моргану, и я сделал шаг к двери.

Морган выставил здоровенную лапищу, загораживая мне путь.

– Нет, – сказал он. – Пока еще нет. Веди сюда собак.

Второй Страж нахмурился, но не стал возражать. Повернувшись, он скрылся в дверях. И почти сразу же вернулся, ведя за собой на сворке пару Сторожевых Псов.

Я невольно поперхнулся и сделал шаг назад:

– Дайте же вы мне хоть минуту покоя, Морган. Я не заговорен и не тащу с собой взрывчатки. И вообще я не из тех, кто склонен к самоубийству.

– Значит, небольшая проверка тебе не страшна, – фыркнул Морган, улыбнулся мне лишенной юмора улыбкой и шагнул вперед.

Сторожевые Псы последовали за ним. Собственно, Сторожевые Псы – не настоящие собаки. Собак я люблю. А это статуи, высеченные из какого-то серо-зеленого камня, и холка их приходится мне по пояс. У них разинутые клыкастые пасти и слишком большие глаза, выпученные, как у китайских храмовых собачек. От них же Псы унаследовали бородки и пушистые манишки. Хотя они не из плоти, передвигаются они со злобещей текучей грациозностью, и каменные мышцы играют под кожей так, словно они и впрямь живые существа. Морган погладил обоих по голове и прошептал им что-то на ухо – слишком тихо, чтобы я мог расслышать. Зато Псы услышали. Оба повернулись ко мне и принялись кружить вокруг меня, приносясь. Пол подрагивал под их каменными лапами.

Я понимал, что они заговорены с целью обнаружить любую угрозу со стороны входящих на собрание. Впрочем, они все-таки не разумные существа – всего лишь устройства, действующие в рамках заложенной в них программы. В прошлом Сторожевые Псы не раз спасали людские жизни, но не всегда – и я не знал, оставит ли мое общение с Мэб следы, способные насторожить их.

Псы застыли, и один из них издал рычание, которое звучало столь же успокаивающе, сколь и треск горной породы под экскаватором. Я напрягся и посмотрел на собаку, стоящую справа от меня. Она оскалила темные сверкающие клыки, и пустые глаза ее уставились на мою левую руку – ту, которую Мэб ранила, демонстрируя свои способности.

Я судорожно сглотнул и постарался не шевелиться и думать о чем-нибудь невинном.

– Что-то им в тебе не понравилось, Дрезден, – заметил Морган. Мне показалось, в голосе его зазвучала потаенная радость. – Прогоню-ка я тебя, пожалуй, – для спокойствия.

Второй Страж положил руку на короткий тяжелый жезл, висевший на поясе, и шагнул вперед.

– Это может быть рана. Кровь чародея – отличный передатчик. Собака может реагировать на страх или злость, передающиеся с кровью.

– Возможно, – с сомнением в голосе сказал Морган. – А может, он пытается пронести что-нибудь под своей повязкой. Сними-ка бинт, Дрезден.

– Я не хочу, чтобы у меня снова пошла кровь, – возразил я.

– Отлично. Раз так, я воспрещаю тебе вход в соответствии с...

– Черт бы тебя подрал, Морган, – буркнул я и только что не швырнул ему свой посох.

Он поймал его и подержал, пока я срывал наложенную кое-как повязку. Было чертовски больно, но я отодрал только-только присохший к ране бинт и продемонстрировал ему свою опухшую, кровоточащую руку.

Сторожевой Пес рыкнул еще раз для острастки, после чего, похоже, потерял ко мне всякий интерес, попятился, сел рядом со своим приятелем и снова превратился в каменное извращение.

Я поднял взгляд на Моргана и пристально посмотрел на него.

– Что, довольны? – спросил я.

Секунду мне казалось, что он встретится со мной взглядом. Потом он сунул посох мне обратно в руки и отвернулся:

– Ты просто позорище, Дрезден. Посмотри на себя. По твоей вине погибли достойные мужчины и женщины. Сегодня тебя призовут за это к ответу.

Я как мог поправил повязку и стиснул зубы, чтобы ненароком не пожелать ему провалиться ко всем чертям. Потом миновал Стражей и вошел в зал.

Похоже, я был последним, потому что Морган, пропустив меня, скомандовал своему напарнику замкнуть круг. Сам он вошел в зал следом за мной и закрыл за собой дверь. Одновременно с этим я ощутил, как в воздухе повисло невидимое, бесшумное напряжение, – это Стражи замкнули круг, отгородив здание от любого сверхъестественного нарушителя.

Мне ни разу еще не доводилось присутствовать на заседаниях Совета – во всяком случае, столь представительных. Само разнообразие собравшихся поражало воображение, и несколько секунд я просто стоял на месте, глаза по сторонам.

Зал служил раньше кабаре, причем сравнительно небольшим. Все освещение его составляли сейчас свечи, стоявшие на столах. Для аншлага здесь было, пожалуй, пустовато, но с точки зрения собрания чародеев народу более чем хватало. В партере вокруг столов сидели чародеи в черных балахонах, щеголявшие синими, золотыми и алыми тюрбанами. Ученики в коричневых балахонах стояли у стен или сидели на полу у ног своих наставников.

Более всего потрясало разнообразие собравшихся в этом зале типажей. Раскосые восточные глаза, темная кожа уроженцев Африки, светлые шевелюры европейцев, мужчины и женщины, молодые и старые, бороды, которые впору заталкивать за пояс, и щенячий пушок на подбородке... Зал гудел десятками языков, из которых я мог опознать лишь малую долю. Чародеи смеялись и хмурились, пили из фляжек и алюминиевых банок или просто сидели, медитируя с закрытыми глазами. Запахи духов, благовоний и химикалий сплетались в один постоянно меняющийся пышный букет, а ауры стольких собравшихся вместе чародеев, казалось, жили собственной жизнью, соприкасаясь друг с другом, обмениваясь энергией с почти осязаемой интенсивностью. Я ощущал себя так, словно иду сквозь завесу парящих в воздухе паутинок, то и дело касавшихся моих щек и ресниц, – не опасных, но сбивающих с толку, и каждая новая была уникальной, совершенно не похожей на предыдущую.

Единственное, что имелось у всех этих чародеев общего, – это то, что ни один из них не выглядел таким неряшливым, как я.

Отгороженный бархатными шнурами угол зала отводился приглашенным гостям – союзникам и специалистам по сверхъестественному миру, о большинстве которых я имел весьма приблизительное представление. Там и здесь, в тех местах, откуда хорошо просматривалась вся

толпа, стояли Стражи. Их серые балахоны угрожающе выделялись на фоне черных и коричневых; впрочем, сомневаюсь, чтобы они казались более отталкивающими, нежели мой потертый сине-белый халат. Люди, мимо которых я проходил, косились на меня с неприязнью – в основном седобородые старцы. Один или два из школяров при виде меня поспешно прикрыли рты руками, пряча ухмылки. Я огляделся по сторонам в поисках свободного места, но не увидел ни одного до тех пор, пока не заметил Эбинизера, махавшего мне от стола в первом, ближнем к сцене ряду. Один стул рядом с ним был свободен. Других я не нашел, как ни старался, поэтому принял его предложение.

На сцене возвышались семь трибун, за шестью из которых стояли Старейшины в темных балахонах и алых тюрбанах, в том числе Индеец Джо – Слушающий Ветер и Марта Либерти.

За центральной трибуной стоял Мерлин – председатель Белого Совета, высокий, широкоплечий мужчина с голубыми глазами, длинными, струящимися по плечам светлыми волосами и холеной седой бородой. Мерлин говорил что-то своим бархатистым низким голосом. Фразы на латыни срывались с его губ гладко, как у римского сенатора.

– ...et, quae cum ita sint, censeo iam nos dimittere rees cottidianas et de magna re gravi deliberate – id est, illud bellum contra comitatum rubrum. И с учетом сложившихся обстоятельств я опускаю обычные формальности, дабы обсудить наиболее важный вопрос – войну с Красной Коллегией. Consensum habemus? Все за?

В зале послышались согласные голоса. Я не стал присоединяться к ним. Я сделал попытку пробраться к стулу рядом с Эбинизером незамеченным, но ярко-голубые глаза Мерлина засекли меня и разом похолодели.

Мерлин заговорил снова, и, хотя я знал, что с английским у него никаких проблем, он обратился ко мне на латыни, быстрой и текучей. Впрочем, его совершенное владение языком обернулось против него: понять его мог даже такой неуч, как я.

– Ah-h-h, Magus Dresdenus. Prudenter ades nobis dum de bello quod inceperis diceamus. Ex omni parte ratio tua pro hoc comitatu nobis placet. Ах, чародей Дрезден. Как любезно с вашей стороны принять участие в нашей дискуссии по поводу войны, которую вы развязали. Приятно узнать, что вы все-таки питаете такое почтение к нашему Совету.

Последние слова он сопроводил выразительным взглядом в направлении моего потертого халата, после чего на мое неприглядное облачение обратили внимание даже те, кто не заметил его до сих пор. Ублюдок. Мерлин сделал паузу, предоставив мне отвечать. Тоже на латыни, разумеется. Жирный ублюдок.

С другой стороны, я впервые участвовал в заседании Совета в качестве полноправного чародея, а он, как ни крути, был все-таки сам Мерлин. И вид у меня и правда был тот еще. К тому же Эбинизер предостерегающе покосился на меня. Я сдержал готовый сорваться с языка колкий ответ и постарался напрочь все мои дипломатические способности.

– Э-э-э... – начал я. – Ego sum miser, Magus Merlinus. Dolor diei longi me tenet. Opus es nihi altera, э... vestiplicia. Прошу прощения, Мерлин. У меня выдался тяжелый день. Мне стоило надеть халат попрстойнее.

Точнее сказать, я надеялся, что сказал именно это. Должно быть, я все же ляпнул что-то не так, потому что Мерлин выпучил на меня глаза.

– Quod est? – поинтересовался он.

Эбинизер поморщился.

– Хосс, – спросил он шепотом, – ты уверен, что не хочешь, чтобы я переводил тебя?

Я отмахнулся.

– Сам справлюсь, – буркнул я и нахмурился, подбирая нужные слова. – Excusationem vobis pro vestitu meo atique etiam tarditate facio. Прошу простить меня за опоздание и внешность.

Мерлин смерил меня бесстрастным взглядом, – похоже, мои потуги в латыни его вполне устроили. Эбинизер прикрыл глаза рукой.

– Что? – спросил я свирепым шепотом.

– Ну что ж. – Эбинизер отнял руку от лица и, прищурившись, взглянул на меня. – Сначала ты сказал: «Я жалкое извинение, Мерлин, долгий день имел меня. И я стоил поменять прачку».

Я моргнул:

– Что-что?

– Именно так ты и сказал. А потом добавил: «Прошу прощения, что я одет, и я делаюсь поздно».

Я почувствовал, что щеки и уши мои пылают. Большая часть зала смотрела на меня как на буйнопомешанного, и до меня дошло наконец, что многие из собравшихся здесь чародеев не знают английского. Так что стоит ли удивляться: судя по сказанному мною, я таким и был.

– Чертова латынь, – выдохнул я. – Пожалуй, лучше вам перевести.

В глазах Эбинизера заиграли искры, но он кивнул с серьезным выражением лица:

– С радостью.

Я плюхнулся на стул, а Эбинизер встал и извинился от моего имени на безупречной латыни. При его словах выражения лиц собравшихся несколько смягчились.

Мерлин кивнул и продолжил на своей образцовой, как в учебнике, латыни:

– Спасибо, чародей Маккой, за помощь. Первый вопрос, связанный со стоящим перед нами кризисом, – это восстановление Совета Старейшин до его полного состава. Как уже наверняка знают некоторые из вас, член Совета Старейшин чародей Петров убит два дня назад при нападении Красной Коллегии в Архангельске.

По залу прокатились потрясенные вздохи и шепот. Мерлин помолчал, дав шуму в зале утихнуть.

– Предыдущие стычки с Красной Коллегией не отличались подобной жестокостью, и это может означать изменение их обычной тактики. Как следствие этого, мы должны быть в состоянии быстро реагировать на подобные события, а это требует дееспособного руководства, обеспечиваемого Советом Старейшин в полном составе.

Мерлин продолжал говорить что-то еще, но я повернулся к Эбинизеру.

– Я правильно понимаю? – прошипел я ему на ухо. – Он хочет заполнить брешь в Совете Старейшин, чтобы иметь гарантированный перевес в голосах?

Эбинизер кивнул:

– Так он будет иметь три, а в большинстве случаев и четыре верных голоса.

– И что нам с этим делать?

– Тебе – ничего. Пока ничего. – Он внимательно посмотрел на меня. – Держи себя в руках, Хосс. Я серьезно. У Мерлина три плана убить тебя.

Я тряхнул головой:

– Что? Вы-то откуда знаете?

– Он всегда так поступает, – буркнул Эбинизер. Взгляд его разом посуровел. – План, резервный план и туз в рукаве. С первым я разберусь и помогу тебе справиться со вторым. Но третий – целиком на тебе.

– Что вы хотите сказать? Какие планы?

– Тсс, Хосс. Не мешай слушать.

Сидевший напротив нас лысеющий чародей, с белоснежными бровями и кустистой иссиня-черной бородой, а также с татуировкой на черепе, повернулся и шикнул на меня.

Эбинизер кивнул ему, и мы оба повернулись к сцене.

– И в этой связи, – продолжал Мерлин, – я прошу Клауса Шнайдера, хорошо известного старейшего чародея с безупречной репутацией, принять на себя обязанности члена Совета Старейшин. Все за?

Марта покосилась на Эбинизера.

– Минуточку, почтенный Мерлин, – негромко произнесла она. – Мне кажется, протокол требует предоставить время для дебатов.

Мерлин вздохнул:

– При обычных обстоятельствах, чародей Либерти, разумеется, требует. Но, увы, у нас нет времени на обычные процедуры. Речь идет о самом нашем существовании. Посему спрашиваю еще раз: все за?

– Чародей Шнайдер, – вмешался в их спор Индеец Джо, – замечательный заклинатель, славный своими мастерством и честностью. Однако он слишком молод для подобной ответственности. В зале присутствуют чародеи, превосходящие его опытом и мастерством. Они более заслуживают избрания Старейшинами.

Мерлин одарил Индейца Джо хмурым взглядом:

– Спасибо за напоминание, чародей Слушающий Ветер. Однако, хотя твое замечание и уместно, к нему нет оснований. Здесь не присутствует ни одного чародея старше чародея Шнайдера, которые не отказывались уже занять место в Совете Старейшин. Посему, дабы избежать лишнего смысла выдвижений кандидатур и последующих самоотводов, я намеревался...

– Ты намеревался, – вмешался Эбинизер по-английски негромко, но так, чтобы слышал Мерлин, – затолкать своего любимчика всем в глотки, пока все слишком встревожены, чтобы заметить это.

Мерлин осекся, устремив на Эбинизера пристальный взгляд. Потом заговорил – так же негромко, с сильным британским акцентом:

– Возвращайся к себе в горы, Эбинизер. К своим овцам. Ты нежеланный гость здесь и никогда не был желанным.

Эбинизер отозвался Мерлину ослепительной улыбкой:

– Ага, Альфред, парниша. – В голосе его зазвучал явственный шотландский акцент. – Сам знаю. – Он снова перешел на латынь и повысил голос. – Каждый член Совета имеет право высказаться по этому поводу. Вам всем известно, насколько важным и ответственным мероприятием является назначение членом Совета Старейшин. Скажите, кто из вас согласен с тем, что это достаточно серьезное дело, чтобы вынести его на всеобщее голосование?

Зал откликнулся почти единогласным «да», к которому я присоединил и свой голос. Эбинизер окинул собравшихся взглядом и вопросительно посмотрел на Мерлина, приподняв бровь.

Я увидел на лице старикана плохо скрытую досаду. Больше всему ему явно хотелось хлопнуть кулаком по трибуне, но он сдержался и кивнул:

– Очень хорошо. В таком случае в соответствии с установленными правилами мы предложим этот пост старейшему из присутствующих здесь чародеев. – Он покосился в сторону примостившегося в уголке сцены узкоголицего старичка-чародея чопорного вида с пером, чернильницей и кипой пергаментных листов. – Чародей Пибоди, будьте добры, огласите список.

Тот кивнул, полез под стол и вынырнул оттуда с объемистым чемоданом. Потом буркнул что-то себе под нос, потер лоб пальцем, перепачкав его чернилами, и открыл чемодан. Он вытянул из стопки, как мне показалось, первый попавшийся лист, положил его перед собой на стол, удовлетворенно кивнул и дребезжащим голосом принялся зачитывать список:

– Чародей Монтджой.

– В научной экспедиции на Юкатане, – отозвалась Марта Либерти.

Пибоди кивнул:

– Чародей Гомес.

– Все еще не проснулся после приема того эликсира, – сообщил стоявший у стены Страж в сером плаще.

Пибоди кивнул:

– Чародей Лукоцци.

– В академическом отпуске, – сказал чернобородый татуированный чародей, сидевший за нашим столом.

Эбинизер нахмурился и нервно дернул щекой.

Так продолжалось примерно четверть часа. Наиболее любопытные причины отсутствия звучали вроде: «женился по любви», «живет под полярной ледяной шапкой» или «сидит на пирамиде».

Наконец Пибоди покосился на Мерлина:

– Чародей Маккой.

Эбинизер фыркнул и встал. Пибоди перечислил еще с полдюжины имен.

– Чародей Шнайдер, – возгласил он наконец.

Маленький круглощекий человечек, с седым пухом на голове и хорошо заметным даже под просторным балахоном округлым брюшком, встал и коротко кивнул Эбинизеру. Потом он повернулся к Мерлину.

– Я благодарен вам за предложение, почтенный Мерлин, – объявил он на латыни, но с сильным немецким акцентом. – Однако при всем моем почтении я вынужден отказаться от него в пользу чародея Маккой. Он послужит Совету куда лучше, чем я.

Мерлин выглядел так, словно кто-то выжал ему в рот незрелый лимон.

– Очень хорошо, – сказал он. – Не желает ли кто-нибудь из старших чародеев предложить свою кандидатуру как альтернативу чародею Маккой?

Я не сомневался, что таковых не найдется, – об этом красноречиво говорили лица ближних к нам чародеев. Сам Эбинизер не спускал глаз с Мерлина. Он стоял, широко расставив ноги. В зале воцарилась тишина.

Сжав губы так, что они превратились в тонкую линию, Мерлин обвел зал взглядом и чуть заметно кивнул.

– Все за? – спросил он.

Зал снова откликнулся одобрением, на этот раз еще более единодушным.

– Очень хорошо, – повторил Мерлин, поджав нижнюю губу, отчего голос его сделался несколько кислее. – Раз так, пусть чародей Маккой займет место в Совете Старейшин.

По залу пробежал вздох – как мне показалось, облегчения. Эбинизер оглянулся и подмигнул мне.

– Один есть. Осталось два, – прошептал он. – Держи ухо востро.

Мой наставник подобрал балахон и поднялся на сцену, на пустую трибуну между Мартой Либерти и Индейцем Джо.

– Меньше слов, больше дела, – произнес он громче, так чтобы слышал весь зал. – Идет война.

– Совершенно верно, – согласился Мерлин и кивнул куда-то в сторону. – Займемся делами военными. Страж Морган, будь добр, выйди и доложи соображения Совета Стражей насчет тактики Красной Коллегии.

В зале снова воцарилась такая тишина, что я отчетливо слышал стук подкованных башмаков Моргана, пока тот поднимался на сцену. Мерлин подвинулся, и Морган положил на трибуну переливающийся кристалл. Следом за этим он приладил за ним свечу, пробормотал себе под нос какое-то заклинание и зажег ее.

Свечной свет преломился в кристалле и расцвел над сценой подобием конуса, внутри которого повис вращающийся земной шар. Очертания континентов показались мне странно искаженными, словно их рисовали несколько веков назад.

По залу пробежал шепот, а Синяя Борода за моим столом пробормотал на латыни: «Впечатляюще».

– Тьфу, – возразил я по-английски. – Он украл это из «Возвращения джедая».

Синяя Борода непонимающе оглянулся на меня. Я прикинул, не стоит ли мне попытаться перевести «Звездные войны» на латынь, и решил, что, пожалуй, не стоит. Вот видите, порой и я бываю вполне благоразумным.

Своим низким голосом Морган бубнил на латыни – коряво, но более-менее понятно. Из чего следовало, что он владел латынью лучше меня. Ублюдок.

– Мигающие красные точки на глобусе обозначают места известных нам нападений Красной Коллегии и их союзников. Большая часть их сопровождалась теми или иными жертвами. – При этих его словах глобус начал переливаться мигающими красными огоньками, отчего делался похожим на рождественскую елку. – Как видите, наибольшую активность неприятель проявляет в Западной Европе.

По залу пробежал ропот. Старый Свет до сих пор остается вотчиной старой школы чародейства, придерживающейся заповеди: «Блюда тайну и не привлекай к себе внимания». Пожалуй, у них есть на то основания – с учетом инквизиции и всего такого. Я не отношу себя к старой школе. Мой телефон значится в «Желтых страницах» в графе «Чародеи». Правда, он там один. Надо же мне оплачивать счета, верно?

Морган все бубнил бесцветным голосом:

– Нам давно известно, что основной центр Красной Коллегии расположен где-то в Южной Америке. Наши агенты там работают в чрезвычайно трудных условиях, так что информация оттуда поступает самая скудная. Мы получили предупреждения о нескольких готовившихся нападениях, и Стражам удалось свести потери к минимуму – везде, за исключением последнего инцидента в Архангельске. – Земной шар остановил вращение, и красный огонек на Северо-Западе России разгорелся ярче. – Хотя установлено, что смерть чародея Петрова дорого обошлась нападавшим, все его домочадцы тоже погибли. Нам неизвестно, каким образом вампиры проникли в дом, минуя оборону и защитные пояса. Судя по всему, Красная Коллегия каким-то образом получила доступ к информации об обороне, каковой раньше не располагала.

Мерлин вернулся на свое место; Морган забрал кристалл, и глобус исчез.

– Спасибо, Страж, – произнес Мерлин. – И еще одно: пути наших перемещений по Небывальщине находятся под угрозой. Мягко говоря, дамы и господа, Красная Коллегия получает дополнительное преимущество, заперев нас в материальном мире. Современная же техника так часто отказывает в нашем присутствии, что перемещения здесь также затруднительны, а в условиях военного времени на них просто нельзя положиться. Нам жизненно необходимы коридоры сквозь Небывальщину, иначе мы рискуем во всем проигрывать неприятелю, способному перемещаться и перебрасывать силы быстрее нас. В этой связи мы послали гонцов к обеим Королевам сидхе. Старейшина Мэй, прошу.

Я покосился на трибуну слева от Мерлина, за которой стояла еще одна из членов Совета Старейшин – судя по всему, та самая Мэй. Это была миниатюрная женщина восточного происхождения с бледной, гладкой кожей и волосами цвета серого гранита, заплетенными в длинную, смотанную в пучок и заколотую двумя нефритовыми гребнями косу. Изящные черты ее лица остались почти не тронуты возрастом, если не считать воспаленных глаз. Она развернула лист пергамента и чуть надтреснутым, но уверенным голосом обратилась к Совету:

– Мы получили следующий ответ от Лета: «Королева Титания не желает принимать чью-либо сторону в расправах смертных и антрофагов. Она обращается равно к Совету и Коллегии с требованием держаться подальше от владений Лета. Она сохраняет нейтралитет».

Эбинизер нахмурился и подался вперед.

– А что Зима? – спросил он.

Я поежился.

Мэй склонила голову набок и несколько секунд молча смотрела на Эбинизера, явно выражая ему неодобрение тем, что ее перебили.

– Наш посланник не вернулся. Однако история показывает, что Королева Мэб принимает ту или иную сторону в конфликте, однако сама выбирает для этого время и форму.

Я поежился еще сильнее. На столе стоял графин с водой и несколько стаканов. Я налил себе воды, ухитрившись почти не звякнуть горлышком о стакан. Покосившись на Синюю Бороду, я увидел, что тот задумчиво наблюдает за мной.

Эбинизер нахмурился еще сильнее:

– И что это должно означать?

– Это означает, – ответил за Мэй Мерлин, – что нам придется вести с Зимой дипломатическую игру. Нам жизненно необходимо любой ценой сохранить дружественные отношения хоть с одной из Королев сидхе – или, по крайней мере, не допустить, чтобы подобные отношения установила Красная Коллегия. До тех пор, пока имеющий место конфликт не будет разрешен.

Марта Либерти удивленно приподняла брови.

– Разрешен? – переспросила она. – Я бы выбрала иное слово. Например, «завершен».

Мерлин покачал головой:

– Чародей Либерти, нам нет необходимости усугублять конфликт. Если имеется хоть малейший шанс достичь перемирия...

– Спросите Семена Петрова, насколько заинтересованы в мирном решении вампиры. – Ледяной, чуть хрипловатый голос чернокожей женщины словно бичевал Мерлина.

– Придержи свои эмоции, чародей Либерти, – невозмутимо возразил ей Мерлин. – Смерть Петрова глубоко ранила всех нас, но мы не можем позволить, чтобы она ослепила нас, мешая принять разумное решение.

– Семен хорошо их знал, Мерлин, – ровным голосом сказала Марта. – Знал их лучше любого из нас, и они убили его. Неужели ты считаешь, что они согласятся на мир с нами теперь, когда они убили чародея, лучше других способного защититься от них? С какой стати им вообще желать мира, а, Мерлин? Они же побеждают.

Мерлин отмахнулся от нее:

– Твой гнев мешает тебе рассуждать здраво. Они будут искать мира, потому что даже победа может обойтись им слишком дорого.

– Не будь глупцом. Они никогда не предложат мира.

– Собственно говоря, – возразил Мерлин, – они его уже предложили. – Он кивнул в сторону второй слева от него трибуны. – Чародей Ла Фортье.

Ла Фортье оказался изящного сложения мужчиной среднего роста с гротескно выступающими скулами и выпученными глазами, словно позаимствованными им у кого-то раза в два больше его. Он был совершенно лыс; на лице не росло даже бровей, что придавало ему сходство со скелетом. Однако голос его, когда он заговорил, звучал на удивление сочно.

– Спасибо, Мерлин. – Он помахал в воздухе зажатым в тонких, длинных пальцах конвертом. – В этом конверте находится послание графа Ортеги, военачальника Красной Коллегии, полученное нами сегодня утром. В нем он излагает причины, побудившие Красную Коллегию начать войну, и условия, на которых они готовы пойти на мир. Кроме того, он предлагает в знак доброй воли временно, начиная с сегодняшнего утра, воздержаться от враждебных действий, дабы дать Совету время обдумать эти условия.

– Дерьмо собачье! – Слова эти сорвались у меня с языка прежде, чем я осознал, что говорю.

По залу прокатились смешки – преимущественно со стороны школяров в коричневых балахонах, и я услышал шорох одежд, когда все до единого чародеи повернулись посмотреть на меня. Я почувствовал, что снова краснею, и прокашлялся.

– То есть я хотел сказать, – начал я и остановился, давая Эбинизеру возможность перевести мои слова, – что убийцы Красной Коллегии покушались на мою жизнь всего несколько часов назад.

Ла Фортье улыбнулся мне. При этом губы его раздвинулись, обнажая зубы, как на высушенном лице тысячелетней мумии.

– Даже если вы не лжете, чародей Дрезден, я не ожидал бы стопроцентного контроля Красной Коллегии над своими подчиненными – с учетом лично вашей роли в развязывании этой войны.

– Развязывании? – возмутился я. – Да вы хоть знаете, что делали они?

Ла Фортье пожал плечами:

– Они лишь оборонялись, чародей, защищая свой суверенитет. Вы, выступая не лично от себя, а – я особо обращаю на это внимание – в качестве представителя Белого Совета, напали на нобля Красной Коллегии, нанесли ущерб ее имуществу и убили домочадцев означенного нобля, а также ее саму. Кроме того, в прессе и официальных заявлениях по поводу этого инцидента говорится о том, что при нем погибло несколько молодых мужчин и женщин – насколько я понял, погибли при пожаре. Не напоминает ли это вам кое-что, а, чародей Дрезден?

Я стиснул зубы. У меня даже в глазах помутнело от злости, так что говорить я даже не пытался. Впервые в своей жизни я присутствовал на Совете, когда меня судили за нарушение Первого закона магии: «Не убий». В тот раз я сжег своего старого наставника Джастина. Год назад, во время столкновения с Бьянкой, местной предводительницей Красной Коллегии, я устроил пожар – в ту минуту все шло к тому, что ни мне, ни моим спутникам уже все равно не выбраться оттуда живыми. Сгорело довольно много вампиров. Позже на пожарище нашли и человеческие останки. Трудно сказать, кто из них стал жертвой вампиров и умер прежде, чем огонь добрался до них, а кто еще был жив к тому моменту. Меня до сих пор мучают из-за этого кошмара. Я, конечно, далеко не подарок, но и не хладнокровный убийца.

К своему потрясению, я вдруг сообразил, что накапливаю энергию, готовясь разрядить ее в Ла Фортье с его ухмылкой скелета. Эбинизер перехватил мой взгляд, глаза его чуть расширились, и он быстро мотнул головой. Вместо того чтобы выбросить руки вперед, высвобождая смертоносный заряд, я сжал их в кулаки и сел, прежде чем ответить ему. Вот какой я дисциплинированный.

– Я уже подробно описал события в доме Бьянки в своем отчете Совету. Так все и было. Любой, кто утверждает, что все было не так, как там написано, – лжец.

Ла Фортье закатил глаза:

– Как это, должно быть, приятно – жить в столь прямолинейном мире, чародей Дрезден. Но мы платим цену за ваши действия не золотыми монетами и не потраченными впустую часами – мы платим кровью. Чародеи гибнут в результате того, что вы натворили, действуя от имени Совета. – Ла Фортье перевел строгий взгляд на зал. – Честно говоря, мне кажется, что со стороны Совета было бы разумно заключить, что в нынешнем конфликте мы действительно можем оказаться неправыми и что нам стоило бы внимательно изучить условия, предлагаемые нам Красной Коллегией в качестве платы за мир.

– Чего же они от нас хотят? – фыркнул я и помолчал, дав Эбинизеру перевести. – По пинте крови в месяц от каждого из нас? Или права охотиться там и тогда, когда они пожелают? Или амулетов, способных защитить их от солнечного света?

Ла Фортье улыбнулся мне и сложил руки на обрезе трибуны.

– Что вы, Дрезден. Ничего, столь драматичного. Они хотят только того, чего в такой ситуации желал бы любой из нас. Они хотят справедливости. – Он чуть подался в мою сторону, и выпуклые глаза его возбужденно блеснули. – Они хотят вас.

Глава 6

Я сглотнул.

– Меня? – переспросил я. Et la, Ла Фортье. Подавись моим красноречием.

– Вот именно. Граф Ортега написал, что Красная Коллегия считает вас, чародей Дрезден, преступником. В качестве условия прекращения конфликта они требуют вашей выдачи для суда. Согласен, этот выход из сложившейся ситуации не отличается высоким вкусом, но, возможно, другого у нас нет.

Не успел он произнести последнее слово, как несколько десятков чародеев, вскочив с места, возмущенно закричали что-то. Другие тоже поднялись, столь же громко возражая им, а третьи кричали, похоже, просто так, за компанию. В зале воцарилась настоящая какофония криков, угроз и ругани (но не проклятий, потому что, согласитесь, проклятие чародея может плохо кончиться), и все это на дюжине языков.

Мерлин дал им покричать с минуту, после чего звонким голосом призвал всех к порядку. Никто не обратил на него ни малейшего внимания. Он сделал еще одну попытку, после чего поднял свой посох и с силой стукнул им по сцене.

Последовали вспышка, грохот и сотрясение, от которого вода у меня в стакане расплескалась, забрызгав мне халат, а пара наиболее хрупких чародеев так и вовсе попадали с ног. Так или иначе, крик утих.

– К порядку! – вновь потребовал Мерлин точно тем же тоном. – Я прекрасно осознаю сложность данной ситуации и ее возможные последствия. Однако на кону жизни. Как ваши, так и моя собственная. Мы должны обдумать выбор со всей возможной серьезностью.

– Какой выбор? – возмутился Эбинизер. – Мы чародеи, а не стадо перепуганных баранов. Неужели мы отдадим вампирам одного из нас и притворимся, что ничего не произошло?

– Вы читали отчет Дрездена, – огрызнулся Ла Фортье. – По его собственному признанию, все, в чем обвиняет его Красная Коллегия, – правда. Они являются пострадавшей стороной.

– Вся та ситуация была подстроена с целью спровоцировать Дрездена на подобные действия, после чего убить его.

– Значит, он должен был действовать умнее, – хладнокровно отпарировал Ла Фортье. – Политика – это не детская игра. Дрезден ввязался в нее и потерпел поражение. Теперь ему настало время заплатить за это, чтобы мы, остальные, жили в мире.

Индеец Джо положил руку на локоть Эбинизеру.

– Мира нельзя купить, Алерон, – тихо сказал он, обращаясь к Ла Фортье. – История неоднократно учила нас этому. Я выучил этот урок, чего и тебе советую.

В ответ Ла Фортье оскалился:

– Не знаю, о чем ты там лепечешь, но...

Я закатил глаза и все-таки снова встал с места:

– Он говорит об индейских племенах, потерявших свои земли, болван. – Подозреваю, Эбинизер опустил в своем переводе последнее слово, что не отменило, однако, приглушенного фырканья со стороны коричневых балахонов. – И о попытках Европы ублажить Гитлера накануне Второй мировой. И те и другие пытались купить мир ценой уступок, и в результате и тех и других скушали по кускам.

Мерлин смерил меня свирепым взглядом:

– Я тебя не узнаю, чародей Дрезден. До тех пор пока тебе не дадут слова, будь добр воздерживаться от подобных выступлений, иначе я удалю тебя из зала заседаний.

Я стиснул зубы и сел:

– Прошу прощения. Я-то считал, что моей обязанностью является защищать людей. Или я ошибался?

– Мертвые мы никого не защитим, чародей Дрезден! – рявкнул Мерлин. – Молчи или выйди.

Марта Либерти покачала головой:

– Мерлин, мне кажется, совершенно очевидно, что мы не можем выдавать одного из нас Красной Коллегии по их требованию. Несмотря на былые расхождения с политикой Совета, Дрезден – полноценный чародей. И с учетом его деятельности за последние годы он вполне заслужил этот титул.

– Я не ставлю под сомнение его владение Искусством, – возразил Ла Фортье. – Я оспариваю его суждения, его выбор. Со времени смерти Джастина он неоднократно выказывал возмутительную беспечность и даже безрассудство. – Лысый мерзавец устремил взгляд своих выпученных глаз в зал. – Чародей Гарри Дрезден. Подмастерье чародея Джастина Дю Морне, подмастерья чародея Семена Петрова. Скажите-ка, Дрезден, как вышло, что Красная Коллегия так хорошо узнала устройство обороны дома Петрова, что без труда проникла в него?

Мгновение я потрясенно смотрел на Ла Фортье. Неужели этот гад действительно верил в то, что я мог узнать об обороне Петрова от Джастина? И мог продать чародея, члена Совета Старейшин, вампирам? Ведь до самого суда надо мной я вообще не знал о существовании Белого Совета – и, если уж на то пошло, о других чародеях. Я дал ему единственный возможный ответ. Я рассмеялся. Негромко, но рассмеялся и покачал головой.

Лицо Ла Фортье исказилось от злости.

– Вот видите? – вскричал он, обращаясь к залу. – Видите, сколько уважения питает он к нашему Совету? К своему положению чародея? Дрезден постоянно представлял для нас угрозу своей неразборчивостью в средствах, своим безрассудным пренебрежением требованиями секретности и безопасности. Даже если кто-то другой предал Петрова и его учеников, Дрезден так же виновен в их гибели, как если бы сам перерезал им горло. Так пусть последствия его решений падут на него самого.

Я вскочил и повернулся было к Ла Фортье, но вовремя опомнился и посмотрел на Мерлина, испрашивая разрешения заговорить. Он нехотя кивнул, давая мне слово.

– Это невозможно, – сказал я. – Или, по меньшей мере, непрактично. Я не нарушил в этом деле ни одного закона магии, из чего следует, что вправе ожидать полноценного суда. Я полноправный чародей. По правилам Совета дело подлежит всестороннему изучению и суду – боюсь только, что ни то ни другое не дадут нам скорого решения наших проблем.

Эбинизер перевел мои слова, и зал согласно загудел. Что ж, не могу сказать, чтобы это меня удивило. Стоило бы Совету Старейшин замять суд и бросить меня на съедение волкам – и это создало бы опасный прецедент: никто не мешал бы преследовать любого чародея из находившихся в зале, и они прекрасно понимали это.

Ла Фортье уставил в меня свой костлявый палец.

– Совершенно верно, – сказал он. – Если только исходить из того, что вы полноправный чародей. В этой связи я требую, чтобы Совет немедленно поставил на голосование вопрос, действителен ли еще статус Дрездена как полноправного чародея. Кстати, напоминаю Совету, что присвоение ему этого статуса имело место де-факто и основывалось на показаниях свидетелей. Он никогда не проходил Испытания, по которому единственно можно судить об уровне его мастерства.

– Черта с два не проходил, – возразил я. – Я победил Джастина Дю Морне в смертельной дуэли. Или такого Испытания вам не достаточно?

– Верно, чародей Дю Морне погиб, – кивнул Ла Фортье. – Другой вопрос, действительно ли он погиб в честном поединке или сожжен во сне. Мерлин, вы слышали мое требование. Пусть же Совет проголосует по статусу этого безумца. Покончим с этой ерундой и вернемся к нормальной жизни.

Ох... Такого поворота я не ожидал. Если меня лишат тюрбана, это будет все равно как если бы средневекового дворянина лишили его титула. С политической точки зрения я больше не буду считаться чародеем, и тогда по правилам Совета и по соглашениям, существующим между ним и другими сверхъестественными силами, меня просто обязаны будут выдать как беглого убийцу Красной Коллегии. Что будет означать жуткую смерть – если мне повезет, конечно. Если не повезет, все может обернуться значительно хуже.

С учетом того, как складывался этот день с самого начала, сердце у меня в груди начало пробуксовывать.

Мерлин хмуро кивнул:

– Что ж, очень хорошо. Ставлю на голосование вопрос о статусе означенного Гарри Дрездена. Пусть те, кто считает его достойным тюрбана чародея, голосуют «за», а те, кто считает, что статус его должен быть понижен до подмастерья, голосуют «против». Те же, кто счи...

– Погодите-ка, – перебил его Эбинизер. – Пользуясь правами Старейшины, я требую ограничить голосование рамками Совета Старейшин.

Мерлин испепелил Эбинизера взглядом:

– На каком основании?

– На том основании, что в этом деле имеется много информации, неизвестной Белому Совету. Доведение же ее до всех в этом зале выглядело бы неразумной тратой времени.

– Поддерживаю, – пробормотал Индеец Джо.

– И я, – добавила Марта Либерти. – Три голоса «за», почтенный Мерлин. Пусть решение принимает Совет Старейшин.

Сердце мое снова забилося в более-менее нормальном ритме. Эбинизер вмешался вовремя. В помещении, полном напуганных мужчин и женщин, я и охнуть бы не успел, как лишился бы тюрбана. При голосовании, ограниченном рамками Совета Старейшин, у меня появлялся небольшой, но шанс.

Я почти воочию видел, как Мерлин пытается повернуть решение вспять, однако правила Совета высказываются на этот счет совершенно однозначно. Члены Совета Старейшин всегда могут добиться закрытого голосования, если в поддержку этого выступят хоть трое Старейшин.

– Очень хорошо, – в очередной раз повторил Мерлин. В зале оживленно шептались. – Мои интересы заключаются в сохранении жизни и здоровья членов этого Совета, а также человечества в целом. Я голосую против сохранения за Дрезденом статуса чародея.

– И я, я тоже против и по тем же причинам. – Ла Фортье только что не подпрыгивал от возбуждения, прищурив свои выпученные глаза.

Следующим заговорил Эбинизер:

– Я жил с этим юношей под одной крышей. Я знаю его. Он настоящий чародей. Я голосую за сохранение за ним его нынешнего статуса.

Маленький Брат пискнул что-то со своего места на плече у Индейца Джо, и старый волшебник погладил енота по хвосту.

– Мои инстинкты говорят мне, что он ведет себя так, как подобает чародею. – Он мягко покосился на Ла Фортье. – Я голосую за сохранение его статуса.

– Как и я, – кивнула Марта Либерти. – Это не решение проблем. Это всего лишь сведение счетов.

Что ж, три-два в пользу Гарри. Я перевел взгляд на старую Мэй.

С минуту миниатюрная женщина стояла, закрыв глаза и склонив голову.

– Чародей не может так легкомысленно относиться к своему статусу члена этого Совета, – произнесла она наконец. – И не может вести себя так безответственно, как вел себя Гарри Дрезден по отношению к Искусству. Я голосую против сохранения им статуса.

Три-три. Я облизнул пересохшие губы – и только теперь сообразил, что со всеми своими переживаниями совсем забыл про седьмого члена Совета Старейшин. Его трибуна стояла на

сцене крайней слева. Подобно другим чародеям, он был облачен в черный балахон, но лицо его совершенно закрывал темно-бордовый, почти черный, капюшон. А все, что не скрывал капюшон, терялось в тусклом свете свечей. Роста он был высокого, выше меня, футов семь. И не растолстел. Он стоял, спрятав руки крест-накрест в просторные рукава балахона. Похоже, не один я обратил на него внимание; все взгляды устремились на него, и в зале воцарилась мертвая тишина.

Первым нарушил ее Мерлин.

– Привратник, – негромко окликнул он, – что скажешь ты?

Я привстал со стула; во рту у меня пересохло. Стоит ему проголосовать против меня, и можно не сомневаться: Стражи скрутят и выволокут меня прежде, чем стихнет эхо его голоса.

Последовала новая пауза длиной в несколько ударов сердца.

– Сегодня шел дождь из жаб, – произнес Привратник гулким, но неожиданно мягким голосом.

Реакцией на его слова стало ошеломленное молчание, спустя пару секунд сменившееся таким же ошеломленным шепотом.

– Привратник, – повторил Мерлин, на этот раз настойчивее, – как ты проголосуешь?

– Обдуманно, – отозвался Привратник. – Сегодня утром шел дождь из жаб. Это надо осмыслить. И в этой связи мне нужно знать, с чем вернется посланник.

– Какой еще посланник? – нетерпеливо спросил Ла Фортъе. – О чем это вы?

Двери с грохотом распахнулись, и в зал вошли двое Стражей в серых плащах. Они даже не вели, а скорее тащили под руки молодого мужчину в коричневом балахоне. Лицо его опухло, на вид – от обморожения, а пальцы напоминали вздувшиеся протухшие сосиски. Волосы сплошь покрывала ледяная корка; балахон выглядел так, словно его погрузили в воду, а потом проволокли за собачьей упряжкой от Анкориджа до Номы. Губы его посинели, а глаза то и дело закатывались, как у пьяного. Стражи подтащили его к сцене, и Старейшины собрались на ее краю, глядя на бедолагу сверху вниз.

– Это мой посланник к Зимней Королеве, – заявила Мэй.

– Он настаивал, – сказал один из Стражей. – Мы пытались отвести его прежде к лекарю, но он так беспокоился из-за этого, что я испугался, не повредит ли он себе чего-нибудь, поэтому мы привели его к тебе, Мэй.

– Где вы его нашли? – спросил Мерлин.

– У входа. Кто-то вытолкнул его из машины и уехал. Мы не видели, кто это был.

– И даже номера не записали? – не выдержал я.

Оба Стража покосились на меня и снова повернулись к Мерлину. Похоже, они даже не поняли, о чем это я. Ну да, им ведь обоим лет по сто; они и о номерных знаках, поди, не имели ни малейшего представления.

– Адские погремушки, – пробормотал я себе под нос. – Жаль, меня там не было.

Старая Мэй осторожно спустилась со сцены и подошла к юноше. Она коснулась его лба рукой и тихо заговорила с ним на непонятном мне языке – наверное, по-китайски. Паренек открыл глаза и ответил ей что-то, едва ворочая языком.

Старая Мэй нахмурилась. Она спросила что-то еще; парень сделал попытку ответить, но совершенно очевидно, что это оказалось для него слишком тяжелой задачей. Он пошатнулся, глаза его окончательно закатились, и он бессильно обвис на руках у Стражей.

Мэй коснулась его волос.

– Унесите его, – сказала она на латыни. – Позаботьтесь о нем.

Стражи уложили паренька на плащ и вчетвером вынесли из зала.

– Что он сказал? – спросил Эбинизер, опередив меня с тем же вопросом.

– Он сказал, Королева Мэб просила передать Совету, что она согласится пропустить нас через свои владения, если ее просьба будет исполнена.

Мерлин выгнул бровь и задумчиво потерев пальцами бороду:

– Какова же ее просьба?

– Этого она ему не сказала, – ответила старая Мэй. – Она сказала только, что дала знать об этом одному из членов Белого Совета.

Старейшины отошли в угол сцены. Несмотря на напряженность ситуации, они не повышали голосов.

Я не следил за ними. Слова посланника, переведенные старой Мэй, настолько потрясли меня, что я и дышать-то едва мог, не то что говорить. Когда я наконец вновь обрел способность двигаться, я повернулся к столу, наклонился пониже и стукнулся лбом о деревянную столешницу. Потом еще раз. И еще.

– Черт, – прошептал я. – Черт, черт, черт!

Чья-то рука легла мне на плечо. Я поднял голову и увидел перед собой закутанного с головы до ног Привратника. Рука его была затянута в черную кожаную перчатку. Даже поставшись, я не смог бы увидеть ни клочка его кожи.

– Ты ведь знаешь, что означает дождь из жаб, – тихим, едва слышным голосом спросил он. Он говорил по-английски с едва заметным акцентом – наполовину британским, наполовину каким-то еще. Индийским? Ближневосточным?

Я кивнул:

– Неприятности.

– Неприятности, – повторил он. Лица его я так и не видел, но заподозрил, что слово это сопровождалось едва заметной улыбкой. Он кивнул в сторону остальных Старейшин. – Времени у нас в обрез, – прошептал он. – Ты ответишь мне на один вопрос, Дрезден? Только честно?

Я покосился на Синюю Бороду. Тот наклонился к сидевшей за соседним столом круглолицей чародейке крайне благопристойной внешности и, похоже, внимательно слушал ее. Я кивнул Привратнику.

Тот махнул рукой. Не было ни слов, ни даже секундной паузы на подготовку заклинания. Ничего. Он махнул рукой, и гул голосов в зале разом отдалился, сделавшись неразборчивым.

– Я понимаю, ты тоже умеешь Слышать. Я тоже не хотел бы, чтобы нас с тобой подслушали. – Голос его доходил до меня странно искаженным. Одни звуки казались неестественно высокими, другие – неестественно низкими, странно гулкими.

Я осторожно кивнул:

– И что за вопрос?

Он поднял руку и черной перчаткой чуть сдвинул капюшон так, что я увидел отблеск темного глаза и неровно остриженную седую бороду на фоне бронзово-смуглой кожи. Второго глаза я не видел. Лицо его, казалось, то и дело меняется в тени, и мне пришло в голову, что оно изувечено – возможно, обожжено. На том месте, где полагалось находиться второму глазу, блеснуло что-то серебряное.

Он придвинулся ближе ко мне.

– Мэб уже выбрала своего эмиссара? – прошептал он мне на ухо.

Я как мог постарался скрыть удивление, и, как обычно, это вышло у меня плохо. Я увидел в его единственном глазу огонек понимания.

Черт возьми. Теперь-то я понимал, почему Мэб держалась так уверенно. Она с самого начала знала наверняка, что подряжает меня на дело, от которого я не смогу отказаться. При этом она провернула это, не отказываясь от сделки. Мэб хотела, чтобы я взялся за ее дело, и она наверняка была просто счастлива ввязаться в войну сверхъестественных сил, чтобы получить то, что ей нужно.

Собственно, у меня в офисе она только играла со мной – а я-то, дурак, принял все это за чистую монету. Мне хотелось врезать себе со всей силы по лбу. Надо же, деревенский дурачок нашелся!

Так или иначе, смысла врать парню, чей голос решает мою судьбу, я не видел.

– Да.

Он покачал головой:

– Рискованное равновесие. Совет не может позволить себе ни оставить тебя, ни исключить.

– Не понял.

– Поймешь. – Он сдвинул капюшон обратно на лицо. – Я не могу предотвратить твою судьбу, чародей. Я могу только дать тебе шанс самому избежать ее.

– Что вы имеете в виду?

– Разве ты сам не видишь, что происходит?

Я нахмурился:

– Есть опасный дисбаланс сил. Белый Совет здесь, в Чикаго. Мэб лезет в наши дела.

– Или, возможно, мы – в ее. Почему она назначила своим эмиссаром смертного, а, юный чародей?

– Потому что кому-то там, наверху, доставляет удовольствие смотреть на мои мытарства?

– Равновесие, – подсказал мне Привратник. – Все дело в равновесии. Восстанови равновесие, юный чародей. Докажи, что ты достоин своего звания.

– Значит, вы говорите, я просто должен работать на Мэб? – Голос мой звучал глухо и отдавал жестью, будто слышался из кофейной банки.

– Какое сегодня число? – спросил вдруг Привратник.

– Восемнадцатое июня, – ответил я.

– А... Ну конечно.

Привратник отвернулся, и шум снова сделался нормальным. Привратник вернулся к остальным Старейшинам, и они заняли места на своих трибунах. Podii... Podia... Чтоб ее, эту латынь с ее склонениями...

– К порядку! – снова рывкнул Мерлин, и в зале не сразу, но довольно быстро воцарилась тишина.

– Привратник, – спросил Мерлин, – как ты голосуешь?

Темная фигура Привратника молча подняла руку.

– Мы ступили на тропу, теряющуюся во мраке, – негромко произнес он. – Тропу, которая чем дальше, тем опаснее. Поэтому первые наши шаги по ней могут оказаться решающими. Мы должны делать их с осторожностью.

Темное пятно лица под капюшоном повернулось в сторону Эбинизера.

– Ты любишь этого мальчика, чародей Маккой, – сказал Привратник. – Ты будешь сражаться за него. Твоя истовость в этом деле достойна внимания. Я уважаю твой выбор.

Он повернулся к Ла Фортге:

– Ты сомневаешься в преданности Дрездена и его способностях. Ты настаиваешь на том, что только порченное семя вырастает на порченной земле. Твои тревоги можно понять – и, если ты прав, Дрезден представляет собой угрозу Совету.

Он повернулся к старой Мэй и чуть склонил голову. Мэй ответила ему таким же легким поклоном.

– Почтенная Мэй, – произнес Привратник, – ты сомневаешься в его способности использовать свою силу с должной мудростью. Ты боишься, что уроки Дю Морне искалечили его, хоть это и не видно глазу. Твои страхи тоже заслуживают уважения.

И наконец, он повернулся к Мерлину:

– Почтенный Мерлин, тебе известно, что Дрезден принес Совету смерть и прочие угрозы. Ты веришь, что, устранив Дрездена, ты устранишь и угрозу. Твои опасения можно понять, но не принять. Что бы ни произошло с Дрезденом, Красная Коллегия нанесла Совету слишком болезненный удар, чтобы делать вид, будто ничего не произошло. Прекращение нынешних враждебных действий станет лишь затишьем перед бурей.

– Довольно, приятель, – не выдержал Эбинизер. – Говори, как ты голосуешь: за или против.

– Я проголосую в зависимости от исхода Испытания. От проверки, которая либо успокоит страхи одной стороны, либо докажет необоснованность доверия другой.

– Какого еще Испытания? – спросил Мерлин.

– Мэб, – сказал Привратник. – Пусть Дрезден исполнит просьбу Мэб. Это подарит нам помощь Зимы. Если ему удастся это, он докажет безосновательность твоих опасений в его способностях, Ла Фортье.

Ла Фортье насупился, но кивнул.

Привратник снова повернулся к Мэй:

– Если он выполнит эту задачу, это покажет, что он готов принять ответственность за свои ошибки и работать на благо Совета – даже в ущерб собственным интересам. Это успокоит твои опасения: совершать ошибки юности не преступление, но преступление – не извлекать из них уроков. Ты согласна?

Старая Мэй сощурила свои воспаленные глаза, но все же кивнула.

– Теперь ты, почтенный Мерлин. Его успех во многом облегчит наши задачи в грядущей войне. Гарантия прохода через Небывальщину поможет нам получить преимущество над Красной Коллегией, а то и совершенно избежать потерь от ее нападений. Это наверняка докажет преданность Дрездена делу нашего Совета.

– Все это очень мило, – вмешался Эбинизер. – А что, если он потерпит неудачу?

Привратник пожал плечами:

– Тогда, возможно, их тревоги имеют под собой больше основания, чем твое доверие, чародей Маккой. В таком случае, разумеется, мы придем к заключению, что его производство в ранг полноправного чародея преждевременно.

– Все или ничего? – возмутился Эбинизер. – Так, что ли, выходит? Ты ожидаешь от самого молодого чародея в Совете, чтобы он одержал верх над Королевой Мэб? Над Мэб? Да это не Испытание. Это, черт подери, настоящая казнь. Откуда ему вообще знать, чего она от него хочет?

Я встал. Ноги мои слегка дрожали.

– Эбинизер, – сказал я.

– Откуда, черт возьми, парню знать, чего хочет эта баба?

– Эбинизер...

– Я не собираюсь спокойно смотреть на то, как вы... – Он осекся и посмотрел на меня. И все остальные тоже.

– Я знаю, чего хочет Мэб, – сказал я. – Она приходила ко мне сегодня днем. Она просила расследовать для нее одно дело. Я дал ей от ворот поворот.

– Адские погремушки, – только и сказал Эбинизер. Он достал из кармана синий платок и вытер разом вспотевший лоб. – Хосс, этот омут для тебя слишком глубок.

– Похоже, выбор невелик: плыть или идти ко дну, – возразил я.

– Так ты возьмешься за это, чародей Дрезден? – негромко спросил меня Привратник по-английски.

Я кивнул. Во рту пересохло. Я сглотнул и постарался напомнить себе, что выбора у меня и правда нет. Если я не сыграю с феями по их правилам и при этом не выиграю, Совет выдаст

меня вампирам на блюдечке с голубой каемочкой. В первом случае у меня очень неплохой шанс свернуть себе шею. Во втором это мне просто гарантировано – если не хуже.

Радужные перспективы, нечего сказать. И все же какая-то, совсем маленькая часть меня – та, что еще помнила все разрушения и смерти, которые учинил я в прошлом году, – подпрыгивала и визжала от восторга. В конце концов, других развлечений в городе не было. Я покрепче взялся за посох и, как мог, постарался совладать с непослушным языком:

– Да. Возьмусь.

Глава 7

Оставшаяся часть собрания Совета прошла значительно менее интересно – во всяком случае, для меня.

Мерлин распорядился, чтобы чародеи расходились, не задерживаясь, по заранее намеченным, безопасным маршрутам. В дополнение к этому каждый из нас получил по списку Стражей, в котором были отмечены те, кто проживал по соседству. Всем рекомендовалось обращаться к Стражам при малейшей необходимости и вообще связываться с ними каждые несколько дней – в качестве меры предосторожности.

Вслед за этим какая-то пожилая Страж-дама пустилась в пространные теоретические рассуждения, касающиеся пары недавно назначенных Стражей, которые, вероятно, лучше будут справляться с вампирами. Представители союзников Белого Совета – в основном тайных оккультных орденов – выступили с короткими речами, обещая нам поддержку в войне.

Ближе к концу заседания в зале появились Стражи, чтобы проводить чародеев из зала. Насколько я понял, Совет Старейшин должен был задержаться в городе на несколько дней, дабы удостовериться, убьюсь я в попытках доказать, что я хороший, или нет. Как мне показалось, делать ставки на меня никто не рвался.

Выждав ровно три секунды после того, как Мерлин объявил заседание закрытым, я вскочил и направился к двери. Эбинизер пытался поймать мой взгляд, но я был не в настроении говорить с кем-либо. Распахнув дверь чуть решительнее, чем стоило бы, я поспешил к «Голубому жучку» и погнал его прочь со всей скоростью, какую мог сообщить ему древний четырехцилиндровый движок. Остерегайтесь чародея, тарахтящего по дороге в раздолбанном «фольксвагене»!..

Я ощущал себя так, словно мозги мои состояли из подмокшего попкорна, кофейной гущи и остывшей пиццы. Мысли подавленно метались туда-сюда без всякого конкретного направления, если не считать того, как именно я угроблюсь, работая личным шпиком Мэб. Если дело сложится совсем хреново, я даже могу утопить с собой одного-двух ни в чем не виноватых свидетелей.

– А ну кончай хныкать, Гарри! – рявкнул я сам себе громким, по возможности твердым голосом. – Что из того, что ты устал? И что ранен? И что воняешь так, будто сто лет, как умер? Ты чародей, черт возьми. У тебя есть работа. Эта война по большей части лично твой промах, и если ты спрячешься в кусты, пострадает еще больше людей. Так что выше нос, уши торчком, чего там еще? И шевели задницей.

Последний совет встряхнул-таки меня немного, и я покосился на тот конверт, что оставила мне Мэб, – он лежал на правом сиденье. Итак, дано: имя, адрес, преступление. Мне нужно выйти на след убийцы. Из этого следует: мне необходима информация. А если в Чикаго есть люди, обладающие информацией спустя два дня после того или иного события, они, как правило, служат в Департаменте полиции.

Я поехал домой к Мёрфи.

Лейтенант Кэррин Мёрфи возглавляла отдел специальных расследований полиции Чикаго. ОСР являлся ответом города всему сверхъестественному. Туда передавались все необычные преступления – те, которые не укладывались в рамки обычных криминальных категорий. ОСР разбирался со всем, начиная с крокодилов в канализации и кончая похищением из могилы на одном из городских кладбищ. Очень занятно. Но, конечно, им приходилось иметь дело и с настоящими сверхъестественными штуками – теми, о которых не пишут в официальных отчетах, но которые все равно ухитряются происходить. С троллями, вампирами, призывающими демонов чернокнижниками – ну, сами знаете. Город назначил ОСР для того, чтобы официальная отчетность оставалась славной и удобной, не упоминающей всякие там нелепые

фантазии, которых и существовать-то не может. Эту работу никак нельзя назвать благодарной, и руководители ОСР, как правило, вылетали из своего кресла после месяца попыток не верить в то, что они имеют дело с реально необъяснимыми вещами. Да и в полиции они потом недолго задерживались.

Мёрфи не вылетела. Она удержалась. Она отнеслась к делу серьезно и воспользовалась услугами единственного в Чикаго профессионального чародея (угадайте – кого?) в качестве консультанта по особо сложным вопросам. Нам с Мёрфи довелось повидать много всякого, о чем хотелось бы забыть. Мы с ней друзья. Она поможет.

У Мёрфи свой дом в Бактауне – там вообще живет много копов. Дом маленький, зато ее собственный, доставшийся ей в наследство от бабки. Дом окружен аккуратно подстриженным газоном.

Я подрулил туда на «жучке», когда уже совсем стемнело, но до полуночи. Я знал, что она наверняка дома, хотя не был уверен, не уснула ли она. Я сделал все, чтобы не создавать впечатления, будто хочу просочиться к ней незаметно. Громко хлопнув дверцей «жучка», я направился к двери, громко топая... постучал, правда негромко. Не прошло и секунды, как занавеска на забранном стальной решеткой окне рядом с дверью чуть отдернулась, потом задернулась обратно. Лязгнул замок, потом другой, потом дверная цепочка. Тем временем я успел заметить, что дверь у Мёрфи стальная. Как у меня. Правда, сомневаюсь, чтобы в нее ломилось столько демонов и просто убийц, как ко мне.

Мёрфи приоткрыла дверь на четверть и посмотрела на меня. Эта женщина никак не походила на главу чикагских охотников за монстрами. Ее ярко-голубые глаза казались усталыми, и под ними красовались темные круги. Роста в ней пять футов с мелочью. Золотые волосы были наверху длиннее, чем сзади, и пряди падали ей на глаза. Она вышла ко мне в махровом халате светло-персикового цвета, доходившем ей почти до пят.

В правой руке она держала автоматический пистолет, а с запястья свисал маленький крестик на цепочке. Она смотрела на меня.

– Привет, Мёрф, – сказал я по возможности спокойнее, косясь на пистолет с крестиком. – Извини, что так поздно. Мне нужна твоя помощь.

Мёрфи молча смотрела на меня почти минуту.

– Подожди здесь, – буркнула она, закрыла дверь и вернулась через минуту, открыв ее на этот раз настежь.

Так и не выпуская из руки пистолет, она сделала шаг назад от двери и остановилась, глядя на меня.

– Гм, – сказал я. – Мёрф, с тобой все в порядке?

Она кивнула.

– Хорошо, – сказал я. – Я могу войти?

– Сейчас узнаем, – ответила она.

Тут до меня дошло. Мёрфи не собиралась приглашать меня. В темноте шастает много всяких чудищ, но они не могут переступить порог чьего-либо дома, если их не пригласят. Один такой едва не убил ее год назад, а добрался он до нее, спрятавшись под моим лицом. Стоит ли удивляться, что она не изъясляла при виде меня бурной радости.

– Мёрф, – сказал я, – успокойся. Это я. Я не знаю такой твари, которая пыталась бы изобразить меня в таком виде. Даже у самых гнусных адских демонов вкуса чуть больше.

Я перешагнул через порог. Что-то – какая-то невидимая, почти неосязаемая энергия сопротивлялась мне. Она чуть затормозила меня, и мне пришлось сделать усилие, чтобы прорваться сквозь эту невидимую завесу. Таким и положено быть порогу. Подобное поле окружает каждый дом, не пуская внутрь незванные магические силы. Конечно, есть пороги сильнее, а есть слабее. У моей квартиры, скажем, порог так себе – но это ведь холостяцкая берлога, а те силы, что ответственны за эти дела, в арендуемых помещениях, тем более у одиночек, похоже,

недостаточно организованны. Дом Мёрфи окружало сильное поле. Этот дом жил собственной жизнью, обладал биографией. Это был настоящий дом, а не просто место обитания.

Я переступил ее порог без приглашения, оставив при этом за дверью значительную часть своих сил. Мне пришлось бы здорово поднапрячься, чтобы сложить в доме даже самое простейшее заклинание. Я шагнул в прихожую и развел руки:

– Ну что, прошел я испытание?

Мёрфи не сказала ничего. Она подошла к столу в дальнем углу прихожей и убрала пистолет в лежавшую на нем кобуру.

Внутри дом Мёрфи оказался... как бы это сказать... милым и аккуратным. В комнате преобладали мягкие желтые и зеленые тона. И оборочки. Оборочки украшали занавески, покрывало дивана, обшивку двух кресел, скатерть кофейного столика, да и вообще любую поверхность, на которую можно было положить или повесить клочок ткани. Все это производило впечатление старого, красивого и ухоженного. Готов поспорить, бабка Мёрфи сама шила всю эту красоту.

Вклад самой Мёрфи в убранство помещения ограничился набором для чистки огнестрельного оружия, стоявшим на столе рядом с автоматическим пистолетом в кобуре, а также деревянной панелью над камином, на которой висели друг под другом два самурайских меча, длинный и короткий. Вот это была та Мёрфи, которую я знал и любил. Оружие наготове и под рукой. Рядом с мечами висели несколько фотографий в рамках – должно быть, ее семья. Толстый фотоальбом в обложке из натуральной, судя по виду, кожи лежал открытый на столике рядом с аптечным пузырьком и графином. Графин со спиртным – джином? – был наполовину пуст. Стоявший рядом стакан – пуст совершенно.

Я покосился на хозяйку – она устало опустилась на край дивана, в своем не по размеру большом халате; лицо ее оставалось отрешенным. На меня она не смотрела. Мне сделалось не по себе. Мёрфи вела себя не как Мёрфи. Она редко упускала возможность потрепаться со мной, обменяться шутками. Такой молчаливой и замкнутой я ее еще никогда не видел.

Черт, и это как раз тогда, когда мне нужна быстрая, решительная помощь. Что-то случилось с Мёрфи, а у меня, как назло, не хватало времени на игры в психоаналитиков, на попытки помочь ей. Я пришел за информацией, которую она могла для меня достать. Но мне все же следовало помочь ей справиться с тем, что довело ее до такого состояния, что бы это ни было. В одном я был уверен на все сто: мне не удастся добиться ни того ни другого, если я не разговариваю ее.

– Славный у тебя дом, Мёрф, – сказал я. – Я еще ни разу не бывал у тебя.

Она едва заметно дернула плечом. Я нахмурился:

– Знаешь, если тебе совсем в лом говорить, мы можем сыграть в шараду. Чур я первый загадываю. – Я растопырил пальцы. Мёрфи продолжала молчать, так что я попробовал озвучить ее часть диалога: – Пять слов. – Я подергал себя за мочку уха. – Звучит примерно как: «Что Такого с Тобой Стряслось?»

Она покачала головой и покосилась на фотоальбом.

Я наклонился и развернул альбом к себе. Он был раскрыт на странице со свадебными фотографиями. Невестой была, разумеется, Мёрфи: волосы пышнее и длиннее; судя по шее и запястьям, совсем еще подросток. Рядом с одетой в белое подвенечное платье Мёрфи стоял мужчина во фраке, лет на десять старше ее. На других снимках она совала ему в рот куски торта, пила шампанское, целовалась – ну, в общем, занималась обычными свадебными глупостями. Он нес ее на руках к машине, и лицо ее сияло счастьем и радостью.

– Первый муж? – спросил я.

Это пробилось-таки к ее сознанию. На секунду она подняла на меня взгляд. Потом кивнула.

– Ты здесь совсем еще ребенок. Восемнадцать, да?

Она мотнула головой.

– Неужели семнадцать?

Она кивнула. Что ж, хоть какая-то реакция.

– Ты долго была за ним замужем?

Молчание. Я снова нахмурился:

– Мёрф, я не великий гений по этой части. Но если ты ощущаешь себя виноватой в чем-то, не слишком ли ты строга к себе?

Так и не говоря ни слова, она наклонилась и сдвинула альбом в сторону. Под ним обнаружился номер «Чикаго трибьюн», открытый на полосе некрологов. Она взяла газету со стола и протянула мне.

Я прочитал вслух верхний: «Грегори Таггард скончался вчера ночью в возрасте сорока трех лет после долгой борьбы с раком...» Я замолчал и посмотрел на фотографию в газете, потом на фотоальбом. Это был тот же человек – с поправкой, разумеется, на возраст и болезнь. Я поморщился и опустил газету:

– Боже мой, Мёрф. Мне очень жаль. Правда очень.

Она несколько раз моргнула.

– Он даже не говорил мне, что болен, – произнесла она тихим, напряженным голосом.

Нате вам сюрприз.

– Послушай, Мёрф. Я точно знаю, что... что все уляжется. Я понимаю, тебе сейчас очень больно, но...

– Понимаешь? – переспросила она все тем же тихим, очень тихим голосом. – Понимаешь, что я сейчас чувствую? Тебе приходилось терять первую любовь?

Почти целую минуту я сидел молча.

– Да, – ответил я наконец. – Приходилось.

– Как ее звали?

Мне было больно даже вспоминать ее имя, не то что произносить его вслух. Но если это могло помочь мне пробиться к Мёрфи, я не мог позволить себе излишнюю чувствительность.

– Элейн. Мы были... Мы оба рано осиротели. В возрасте десяти лет нас обоих усыновил один человек.

Мёрфи зажмурилась, потом открыла глаза и посмотрела на меня:

– Она была твоя сестра?

– У меня нет родственников. Нас обоих усыновил один и тот же тип, не более того. Мы жили вместе, валялись дурака вместе, повзрослели вместе. Уроки делали.

Она кивнула:

– И долго вы оставались вместе?

– А? До шестнадцати лет.

– И что случилось? Как она...

Я передернул плечами:

– Мой приемный отец пытался увлечь меня черной магией. С человеческими жертвоприношениями.

Мёрфи сдвинула брови:

– Он был чародеем?

– Сильным, – кивнул я. – И она тоже.

– Он что, пытался добратсья и до Элейн?

– Добрался, – сказал я. – Она ему помогала.

– Что произошло? – тихо спросила она.

Я старался говорить ровным, спокойным голосом, но не уверен, что это мне удалось.

– Я сбежал. Он послал в погоню демона. Я одолел его и вернулся за Элейн. Она сковала меня заклятием, когда я не ожидал этого, а он попытался внедриться ко мне в сознание. Это

заставило бы меня делать все, что он пожелает. Мне удалось высвободиться из-под наложенного Элейн заклятия и схватиться с Джастином. Мне повезло. Он проиграл. Все сгорело.

Мёрфи поперхнулась.

– Что случилось с Элейн?

– Сгорела, – хрипло произнес я. Горло сдавило так, словно меня душили. – Она умерла.

– Боже, Гарри. – Мёрфи помолчала немного. – Грег ушел от меня. Мы пытались поговорить несколько раз, и каждый раз это заканчивалось ссорой. – Глаза ее наполнились слезами. – Черт, мне могли хотя бы дать попрощаться с ним.

Я положил газету обратно на стол и закрыл альбом, старательно избегая смотреть на Мёрфи. Я знал, что ей не хотелось бы, чтобы я видел ее плачущей. Она со свистом втянула воздух сквозь зубы.

– Извини, Гарри, – сказала она. – Я грузю тебя своими проблемами. Я не должна. Не знаю, с чего это меня так развезло.

Я покосился на пойло и таблетки на столе:

– Ничего. У всех случается разгрузочный день.

– Я не могу позволить себе такого. – Она потуже запахнула халат. – Извини, Гарри. За пистолет. – Язык ее едва заметно заплетался. – Я просто должна была убедиться, что это действительно ты.

– Я все понимаю, – кивнул я.

Она посмотрела на меня, и в глазах ее мелькнуло нечто вроде признательности. Она порывисто поднялась с дивана и шагнула к двери.

– Пойду надену что-нибудь еще, – бросила она через плечо.

– Конечно, – сказал я ей вслед, хмурясь.

Потом повернулся к столу и взял с него пузырек. Средняя доза валиума. Еще бы у Мёрфи не заплетался язык. Валиум с джином. Адские погрешности.

Я все еще держал пузырек в руках, когда она вернулась в мешковатых шортах и футболке. Она наскоро причесалась и сполоснула лицо, так что следов недавних слез почти не осталось. Остановившись передо мной, она посмотрела на меня. Я промолчал. Она прикусила губу.

– Мёрф, – пробормотал я наконец, – с тобой все в порядке? Тебе не... Я хочу сказать, тебе не нужно...

– Успокойся, Дрезден, – сказала она, зябко сложив руки. – Я не самоубийца.

– Приятно слышать. Вообще-то, мешать спиртное со снотворным довольно верный способ для этого.

Она шагнула ко мне, вырвала пузырек из моих рук и взяла со стола бутылку.

– Это тебя не касается, – заявила она. Выйдя на кухню, она сунула свою ношу на полку и вернулась. – Со мной все в порядке. Все в порядке, слышишь?

– Мёрф, я в жизни не видел, чтобы ты пила. И еще валиум? И ты хочешь, чтобы я не беспокоился?

– Дрезден, если ты приперся читать мне нотации, можешь уходить сразу.

Я зарылся пальцами в свои всклокоченные волосы:

– Кэррин, клянусь тебе, меньше всего мне хочется читать нотации. Я просто хочу понять.

С минуту она сидела, отвернувшись от меня, нервно потирая ногу о лодыжку другой. До меня вдруг дошло, какая она маленькая. Какая хрупкая. И глаза – ее глаза были не просто усталые. Они были затравленные. Я подошел к ней и положил руку ей на плечо. Кожа ее сквозь тонкую футболку была теплой.

– Поговори со мной, Мёрф. Пожалуйста.

Она дернула плечом, уходя из-под моей руки:

– А тут и рассказывать нечего. Просто это единственный способ, с помощью которого я могу уснуть.

– Что ты имеешь в виду?

Она сделала глубокий вдох:

– Я имею в виду, я не могу уснуть без этого. Алкоголь не помогает. И таблетки тоже. Мне приходится принимать то и другое, иначе я не отдохну.

– Я все-таки не понимаю. Почему ты не можешь спать? Это из-за Грегга?

Мёрфи покачала головой, потом отодвинулась от меня и съежилась в дальнем углу дивана, обхватив колени руками.

– Меня мучают кошмары. Настоящие кошмары – так врачи говорят. Они говорят, это не то же самое, что просто страшные сны.

Я почувствовал, что щека моя дергается от напряжения.

– И ты все время просыпаешься?

Она кивнула:

– И кричу при этом. – Она стиснула кулаки. – Черт подери, Дрезден. На это нет никаких причин. Несколько страшных снов не должны бы расшатать мне нервы. И мне не полагалось бы расклеиваться, услышав о смерти человека, с которым несколько лет не разговаривала. Я не знаю, черт подери, что со мной происходит.

Я зажмурился:

– Тебе снится прошлый год, так ведь? То, что сделал с тобой Кравос?

Она поежилась при упоминании его имени, но кивнула:

– У меня не получается не думать об этом. Не пытаюсь понять, что я сделала не так. Почему ему удалось добраться до меня.

Меня словно обожгло изнутри.

– Мёрф, ты все равно ничего не смогла бы с ним поделать.

– Думаешь, я не знаю этого? – негромко проговорила она. – Я же не могла знать, что это не ты. Да если бы и поняла, как бы я его остановила? Я ничего не смогла бы противопоставить ему, чтобы защитить себя. Чтобы остановить то, что он делал со мной, оказавшись у меня в голове. – Глаза ее заволкло слезами, но она сморгнула их и упрямо выпятила подбородок. – Нет ничего, что я смогла бы поделать. Это меня и пугает, Гарри. Поэтому мне и страшно.

– Мёрф, он мертв. Мертв и не воскреснет. Мы с тобой сами видели, как его опускали в могилу.

– Сама знаю, – огрызнулась она и тут же взяла себя в руки. – Я знаю, Гарри. Знаю, что он мертв. Знаю, что он ничего больше со мной не поделает – вообще ни с кем другим не поделает. – На мгновение она подняла на меня взгляд, почти посмотрев мне в глаза. Ну конечно, я вряд ли разглядел бы что-нибудь сквозь ее слезы. – И все равно мне снятся сны. Я знаю все это, но это ничего не меняет.

Бог мой. Бедняга Мёрфи. Этот гад основательно поковырялся у нее в душе, прежде чем я успел прийти ей на помощь. Тварь, напавшая на нее, была духом, и этот дух рвал ее на части изнутри, не оставляя при этом никаких следов на коже. В некотором роде это можно считать изнасилованием. Всю ее силу отобрали у нее на потеху другому. Стоит ли удивляться тому, что это оставило у нее на душе шрамы. А капля плохих новостей сработала как искра, попавшая на грудку смоченных в авиационном керосине дров.

– Ты ведь меня знаешь, Гарри, – продолжала она все тем же тихим, мягким голосом. – Я не плакса. Боже, терпеть не могу плакаться в жилетку. Но что эта тварь со мной делала... Что заставляла меня видеть... Чувствовать. – Она подняла на меня взгляд, полный боли. – И это не проходит. Я пытаюсь стряхнуть это, но оно не проходит. И пожирает меня изнутри каждую минуту моей жизни.

Она отвернулась, схватив пакетик бумажных носовых платков. Я отошел к камину и принялся разглядывать мечи на стене.

Примерно через минуту она заговорила, и на этот раз голос ее звучал совсем по-другому.

– Ты-то что здесь делаешь так поздно?

Я повернулся к ней:

– Мне нужна помощь. Информация. – Я протянул ей конверт, который дала мне Мэб. Мёрфи открыла его, проглядела фотографии и нахмурилась:

– Это снимки из дела о смерти Рональда Ройеля. Где ты их достал?

– Я их не доставал, – сказал я. – Их дал мне клиент. Я не знаю, откуда они у нее.

Она устало потерла глаза:

– Что она хотела от тебя?

– Она хочет, чтобы я нашел того, кто его убил.

Мёрфи покачала головой:

– Мне казалось, смерть произошла в результате несчастного случая.

– Я слышал, что это не так.

– Откуда слышал?

Я вздохнул:

– Это сказала мне волшебница-фея.

Мёрфи бросила на меня подозрительный взгляд и тут же нахмурилась:

– Боже, ты ведь это буквально?

– Угу.

Мёрфи покачала головой и устало улыбнулась:

– Чем я могу помочь?

– Мне хотелось бы покопаться в материалах дела о его смерти. Я не могу поработать на месте – слишком много времени прошло, – но, возможно, криминалисты нарыли чего-нибудь, что сами не считают уликой. Это дало бы мне, по крайней мере, отправную точку.

Мёрфи кивнула, не глядя на меня:

– Идет. С одним условием.

– Согласен. С каким?

– Если это убийство, ты подключишь меня к делу.

– Мёрф, – возмутился я, – ты что? Я не хочу втягивать тебя во что-то, что...

– Черт подери, Гарри! – зарычала Мёрфи. – Если кто-то или что-то убивает людей в Чикаго, мне нужно разобраться с этим. Это моя работа. И то, что со мной произошло, ровным счетом ничего не меняет.

– Твоя работа – разбираться с плохими парнями, – возразил я. – Но это, возможно, не парень вовсе. В смысле, не человек. Я не хочу подвергать тебя опасности, если...

– В жопу безопасность, – огрызнулась Мёрфи. – Это моя работа, Гарри. Если ты нароешь убийство, ты подключаешь меня.

Я колебался, стараясь не выказывать досады. Я не хотел впутывать Мёрфи в дела Мэб и компании. Шрамов у Мёрфи и так хватало, а феи известны своей склонностью исподволь просачиваться в вашу жизнь. Мне ужасно не хотелось подставлять Мёрфи под удар – особенно с учетом ее нынешнего уязвимого состояния.

Но при всем при этом лгать ей я тоже не мог. Слишком многим я ей обязан.

Мёрфи была ранена. Ее глодал страх, который мог сожрать ее окончательно, не борись она с ним. Она это понимала. И как бы ей ни было страшно, она понимала, что должна работать, иначе не оправится никогда.

Хотя мне очень хотелось держать ее в стороне от опасности, особенно сейчас, я понимал, что это ей не поможет. Только сделает хуже. В некотором роде речь шла о ее жизни.

– Заметано, – тихо произнес я.

Она кивнула и встала с дивана:

– Посиди пока здесь. Пойду залезу в компьютер – посмотрю, что удастся нарыть.

– Слушай, я ведь могу подождать, если тебе удобнее.

Она мотнула головой:

– Я уже приняла валиум. Если я не займусь этим сейчас, у меня голова варить не будет. Ты посиди. Хочешь, налей себе выпить. Только постарайся ничего здесь не взорвать.

И она вышла, бесшумно ступая босыми ногами.

Я уселся в одно из кресел, вытянул ноги и, позволив голове свеситься на грудь, погрузился в легкую дрему. День выдался нелегкий, и, похоже, до завершения его было еще далеко.

Проснулся я, когда в комнату вернулась зевающая Мёрфи. В руках она держала картонную папку.

– Вот, – сказала она. – Тут все, что мне удалось распечатать. Фото, конечно, по резкости так себе, но и не полный отстой.

Я встряхнулся, сел прямо и взял у нее папку. Мёрфи села в кресло напротив, подобрав под себя ноги. Я принялся просматривать бумаги из папки, хотя мозг мой, похоже, превратился во фруктовое желе со взбитыми сливками.

– Что у тебя с рукой? – спросила она.

– Фея, – буркнул я. – Фея с ножом для бумаги.

– Вид скверный. И повязка наложена сикось-накось. Ты ее показывал кому-нибудь?

Я мотнул головой:

– Некогда.

– Гарри, ты просто идиот.

Она встала и скрылась на кухне, а вернулась с аптечкой первой помощи. Я решил не спорить с ней. Еще она притащила с кухни стул, поставила передо мной и положила мою руку на его спинку.

– Я тут читаю, Мёрф.

– У тебя все еще идет кровь. Сквозные ранения долго кровоточат, если их не перевязать как следует.

– Угу. Я пытался это объяснить, но меня все равно заставили снять повязку.

– Кто заставил?

– Долго рассказывать. Значит, охранник у входа не видел, чтобы кто-нибудь входил?

Решительными движениями она содрала с руки повязку. Это было больно. Она достала из коробки какой-то антисептик.

– Видеоконтроль тоже не засек ничего подозрительного, и помех, сопутствующих всяким магическим штучкам, тоже не было. Я проверила.

Я присвистнул:

– Неплохо, Мёрф.

– Ну да, иногда я пользуюсь и головой, не только пистолетом. Потерпи, будет больно.

Она щедро побрызгала мне на ладонь аэрозолем. Щипало и правда здорово.

– Ай!

– Не хнычь.

– А другие входы и выходы из здания?

– Никаких – если, конечно, кто-то не умеет летать или проходить сквозь стены. Все остальные двери – пожарные выходы с сигнализацией, которая срабатывает, стоит кому-то открыть их.

Я продолжал листать бумаги:

– Перелом шеи как следствие падения с лестницы – так здесь написано. Его нашли у нижней ступени.

– Верно. – Мёрфи вытерла мою руку с двух сторон салфеткой, потом снова побрызгала антисептиком. Щипало заметно слабее. – Повреждения на теле вполне соответствуют тем, что можно получить при падении, и ведь он был пожилой человек. Никого постороннего не видели

ни входящим, ни выходящим из здания, оборудованного совершенной системой сигнализации, так что, вполне естественно...

– ...никто не искал убийцу, – договорил за нее я. – И не доложил ничего такого, что могло хотя бы намекнуть на это. Нет, погоди-ка, не так ведь. Вот, тут написано, что первый прибывший по вызову полицейский обнаружил на верхней площадке лестничного пролета, откуда упал Ройель, «скользкую слизь».

– Но никто из детективов, прибывших на место происшествия позже, ничего такого не видел, – возразила Мёрфи. Она наложила на рану с обеих сторон по тампону и принялась фиксировать их бинтом. – Первый полицейский был новичок. Все решили, что он видит убийство там, где его нет, чтобы ему поручили вести расследование.

Я нахмурился, вертя в руках распечатки фотографий:

– Вот, видишь? Рукава плаща Ройеля мокрые. Видишь, совсем другой цвет.

Она взгляделась и кивнула:

– Возможно. Но об этом в рапорте ни слова.

– «Скользкая слизь». Очень похоже на эктоплазму.

– Чего-чего? Экто-как-ее?

Я согнул и разогнул пальцы, пробуя повязку:

– Вроде хорошо. Эктоплазма. Материя из Небывальщины.

– Из мира духов, да? Из страны фей?

– И их – в том числе.

– Тамошняя материя – слизь?

– Она превращается в слизь, когда магия, которая сдерживала ее, исчезает. Но пока та действует, она ничем не отличается от настоящей. Например, то тело, которое соорудил себе Кравос, когда отправился на расправу с тобой. Помнишь, оно внешне ничем не отличалось от моего?

Мёрфи поежилась и начала убирать принадлежности обратно в аптечку.

– Значит, когда тот, кто превращает эту эктодрань в материю, уходит, она превращается в...

– Слизь, – подтвердил я. – Она прозрачная и скользкая и через несколько минут испаряется совсем.

– Получается, убить Ройеля могло что-то из Небывальщины?

– Угу, – кивнул я. – Или кто-то мог открыть портал прямо в дом. Обыкновенно, когда кто-то открывает портал, остаются следы. Пыль, попавшая из Небывальщины. Кто-то мог отворить портал, а потом уйти тем же путем.

– Надо же! А я-то думала, в этой твоей Небывальщине нет никого, кроме чудищ. Значит, люди тоже могут туда попадать?

– Ну... да, если знаешь нужные заклинания. Правда, там на каждом шагу полно жутко опасных штук. Это тебе не воскресная прогулка.

– Господи Иисусе, – выдохнула Мёрфи. – Значит, кто-то...

– Или что-то, – поправил я.

– Или что-то могло войти в дом и выйти незамеченным. Всего делов-то. Минуту замки, охранников и камеры наблюдения. И эта штука страшная?

– Может быть. Не знаю. Вошла, спихнула дедулю с лестницы и ушла.

– Господи. Бедный старикашка.

– Знаешь, Мёрф, не думаю, что он был таким уж беспомощным. Ройель путался с феями. Как-то мне не верится, чтобы он был кристально чист.

Она кивнула:

– Пусть так. Он что, нажил сверхъестественных врагов?

Я взгляделся в фотографию:

– Похоже на то.

Мёрфи покачала головой. Она чуть подалась вперед, но встряхнулась, подвинулась и положила голову на спинку дивана.

– И что дальше?

– Буду рыть. Так сказать, пробовать почву под ногами.

– Выглядишь ты паршиво. Отдохнул бы ты сначала. Принял душ. Отъелся немного. Ну, может, постричься не помешало бы.

Я потер глаза здоровой рукой.

– Ага, – сказал я и зевнул.

– И ты скажешь мне, если узнаешь что-нибудь.

– Мёрф, если это что-то из Небывальщины, то, скорее всего, не из твоей... – Я чуть было не сказал «весовой категории», но спохватился. – Это вне твоей юрисдикции.

Она передернула плечами:

– Если это является в мой город и причиняет вред кому-то, кого я обязана защищать, я хочу, чтобы виновник ответил за это. – Она закрыла глаза. – Ты тоже этого хочешь, полагаю. А кроме того... Ты обещал.

Что ж, тут она меня одолела.

– Угу. Ладно, Мёрф. Как только узнаю что-нибудь, позвоню.

– Договорились, – сказала она, сворачиваясь в клубок на углу дивана.

Глаза ее слипались. Она откинула голову назад, трогательно открывая беззащитную шею.

– От Сьюзен ничего? – спросила она, помолчав минуту.

Я мотнул головой:

– Нет.

– Но статьи ее в «Волхве» продолжают выходить. Значит, с ней все в порядке.

– Надеюсь, что так.

– Тебе удалось найти что-нибудь, что смогло бы ей помочь?

Я вздохнул и мотнул головой:

– Пока нет. Это все равно что об стенку лбом биться.

Она чуть улыбнулась:

– С твоим-то лбом мне жаль стену. Упрямее тебя я никого еще не встречала.

– Давно не слышал комплимента приятнее.

Мёрфи кивнула:

– Хороший ты мужик, Гарри. Если кто-то и может помочь ей, так только ты.

Я опустил взгляд, чтобы она не видела слез, набухших у меня на глазах, и принялся убирать бумаги обратно в папку.

– Спасибо, Мёрф. Твои слова очень много для меня значат.

Она не ответила. Я поднял взгляд и увидел, что она лежит щекой на спинке дивана, чуть приоткрыв рот.

– Мёрф? – спросил я.

Она не шелохнулась. Я встал, положил папку на стул, потом нашел одеяло и укрыл ее, подоткнув края. Она негромко вздохнула и потерлась щекой о шелковую обивку.

– Спокойной ночи, Мёрф, – сказал я, взял папку и пошел к двери.

Я запер все, что мог, вернулся к «жучку» и поехал домой.

Все тело мое болело – не столько от нагрузок, сколько просто от усталости. И раненая рука, конечно, вела себя так, словно ее хорошенько вымочили в бензине и подожгли.

Однако душа моя болела еще сильнее. Бедняга Мёрфи жестоко страдала. Она боялась того, с чем могла встретиться, хотя решимости ее от этого не становилось меньше. Вот она смелость – мне до нее в этом смысле далеко. Я, по крайней мере, знал, что смогу хоть как-

то обороняться, если какой-нибудь потусторонний монстр нападет на меня. У Мёрфи не было и этого.

Мёрфи была настоящим другом. Она не раз спасала мне жизнь. Мы бились бок о бок. Теперь она снова нуждалась в моей помощи. Ей приходилось сражаться с собственным страхом – это я прекрасно понимал. Нравилось мне это или нет, но я не мог не помочь ей в этом. В ее нынешнем состоянии она становилась особенно уязвимой к нападениям вроде того, что имело место в прошлом году. И если такое случится прежде, чем она хоть немного оправится от этой истории с Кравосом, это ее не просто ранит – это может сломать ее раз и навсегда.

Сомневаюсь, чтобы я смог жить в мире с собой, если позволю такому случиться.

– Черт, – буркнул я себе под нос – тоже мне помощи попросил! Ох, ладно, постараюсь, чтобы ты, Мёрф, выбралась из этого целая и невредимая.

Я постарался задвинуть свои тревоги насчет Мёрфи в дальний уголок мозга. Лучшим способом защитить ее было бы сосредоточиться на деле, добиться какого-то прорыва. Беда только, мой мозг чувствовал себя так, словно какая-то тварь залезла в него да там и издохла. Так что самый вероятный прорыв, что мне светил пока, вел напрямик в комнату с мягкой обивкой стен и смиренной рубашкой.

Мне нужно было поесть. Поспать. Умыться. Если я не приведу себя хоть в какое-то подобие порядка, запросто могу вляпаться во что-нибудь, что наверняка угробит меня, и я не замечу этого, пока не будет поздно.

Я остановил «жучок» у своего дома. Я живу в подвале старого жилого здания, построенного больше ста лет назад. Покинув машину, я не забыл захватить с собой свои жезл и посох. Идти от машины к моей двери всего ничего, но и на этом пути на меня уже нападали. Вампиры не отличаются в таких делах избыточной разборчивостью.

Я спустился по ступенькам, отпер дверь и пробормотал фразу, отключающую охранительные заклятия ровно настолько, чтобы войти и запереть за собой дверь. Я шагнул внутрь, и инстинкты мои взвыли, предупреждая о том, что я не один.

Я поднял жезл и послал в него заряд воли, от которого конец его ярко засиял, осветив помещение.

Так оно и оказалось: стройная, длинноногая женщина в джинсах и красной футболке стояла у моего потухшего камина. На ее груди весьма скромного размера красовалась на цепочке серебряная пентаграмма, которая в свете моего жезла засияла почти таким же ярким светом. Бледная кожа женщины напоминала оттенком подкорку дуба, пышные волосы – зрелую пшеницу, глаза – набухшие дождем гроззовые облака. Красиво очерченные губы шевельнулись – сначала в улыбке, потом чуть удивленно надулись. Она подняла руки и растопырила длинные, изящные пальцы, показывая мне, что безоружна.

– Я позволила себе войти, – негромко сказала она. – Надеюсь, ты не против. Тебе стоило бы почаще менять заговоры.

Я опустил жезл, не в силах даже рта раскрыть от ошеломления. Сердце прыгало в груди какими-то дикими скачками. Она опустила руки и подошла ко мне. Она привстала на цыпочки, но с ее ростом она и без того могла дотянуться губами до моей щеки. От нее пахло полевыми цветами и жарким летним полуднем. Потом она отодвинулась, чтобы взглянуть на меня. Лицо ее приобрело чуть озабоченное выражение.

– Привет, Гарри.

И я отозвался едва слышным шепотом, с трудом ворочая онемевшим от потрясения языком:

– Привет, Элейн.

Глава 8

Элейн обогнула меня и двинулась в обход по моей квартире. Это не заняло у нее много времени. Моя берлога состоит из гостиной и спальни. Кухня представляет собой небольшую нишу с мойкой и холодильником. Пол у меня каменный, но я застелил его коврами – десятка два, не меньше. Вся мебель куплена на распродажах, зато уютная и удобная. Выдержать какой-либо стиль я даже не пытался. Большая часть стен занята книжными полками, а оставшуюся я тоже завесил коврами и постером «Звездных войн», который подарил мне Билли на Рождество. Это старый постер, на нем принцесса Лея жметя к ногам Люка Скайуокера.

Ну, скажем честно, таково убранство моей квартиры в нормальном состоянии. В последнее время я ее несколько подзапустил. Пахнет в ней если не как в хлеву, то не намного лучше, а коробки из-под пиццы и банки из-под колы давно уже переполнили мусорное ведро и усеяли значительную часть кухни. По комнате трудно пройти, не наступив на какой-нибудь предмет одежды, изрядно нуждающийся в стирке. Меблировки почти не видно под слоем бумаг, покрытых моими каракулями, и исписанных шариковых ручек.

Элейн прошла по всему этому с видом сотрудника Красного Креста в зоне военных действий и покачала головой:

– Я знала, что ты меня не ждал, Гарри, но не думала, что одета слишком парадно. И ты живешь в этом?

– Элейн, – выдавил я из себя, – ты жива?

– Я ожидала комплиментов получше... впрочем, могло быть и хуже. – Она остановилась у входа на кухню и посмотрела на меня. – Да, Гарри, я жива. – На лице ее промелькнуло какое-то подобие любопытства. – Как ты себя чувствуешь?

Я опустил на диван, хрустнув наваленными на него бумагами. Потом убрал изготовленную к испепеляющему броску энергию в жезле, и его сияние померкло, оставив комнату в темноте. Какая разница – я все равно видел гостью перед глазами.

– Я потрясен, – сказал я наконец. – Этого не может быть. Адские погремушки, это, должно быть, какой-то трюк.

– Нет. Это я. Если бы я оказалась кем-нибудь из Небывальщины, как бы я переступила твой порог без приглашения? И потом, знаешь ли ты кого-нибудь другого, кто знал бы, как ты расставляешь охранительные заговоры?

– Ну, кто угодно может рано или поздно вычислить их.

– Ладно. Как думаешь, известно ли кому-нибудь еще, как ты пять раз за одну неделю завалил экзамен на водительские права? Или как ты вывихнул плечо, пытаясь произвести на меня впечатление своим футбольным мастерством? Или что мы заглянули друг другу в душу в первую же нашу с тобой ночь? Если хочешь, пожалуй, я смогу вспомнить код нашего замка.

– Боже мой, Элейн. – Я тряхнул головой. Элейн... жива? Мой мозг отказывался перевернуть такую возможность. – Но почему ты со мной не связалась?

Я видел ее – темный силуэт на фоне стены. Она помолчала, словно тщательно подбирая слова.

– Сначала... Я даже не знала, спасся ли ты. А потом... – Она покачала головой. – Я не была уверена, что хочу этого. И что ты этого хочешь. Столько всякого произошло...

Мое потрясение, мое недоверие разом сменились зудящей болью и старой, давно уже, казалось, забытой злостью.

– Ты смягчаешь выражения, – возразил я. – Ты пыталась уничтожить меня.

– Нет, – сказала она. – Боже мой, Гарри, нет. Ты не понимаешь. Я никогда не хотела этого.

– Ну да, – буркнул я с горечью. – Потому ты и сковала меня тем заклятием. Потому и удерживала меня, пока Джастин пытался меня уничтожить.

– Он никогда не желал твоей смерти...

– Конечно нет. Всего-то хотел залезть ко мне в голову. Хотел управлять мной. Превратить меня в... в... – От досады я даже не мог подобрать нужного слова.

– В раба-зомби, – тихо произнесла Элейн. – Он оплел бы тебя сетью заклятий, гарантирующих твою преданность. Чтобы превратить тебя в раба-зомби.

– А ведь это хуже смерти. И ты ему помогала.

Ее голос тоже дрогнул от злости.

– Да, Гарри. Я помогала ему. Рабы-зомби по-другому не могут.

Весь мой гнев разом куда-то улетучился.

– Что?.. Что ты сказала?

Даже в этой темноте я увидел, как низко опустила она голову.

– Джастин поймал меня примерно за две недели до того, как напустил на тебя демона. Помнишь, мне нездоровилось и я осталась дома? Когда ты вернулся из школы, все было уже сделано. Я пыталась сопротивляться, но я ведь была еще сопливой девчонкой. У меня не хватало ни сил, ни опыта. А после того, как он поработил меня, я не видела повода сопротивляться.

Долгую минуту я молча смотрел на нее.

– Значит, ты хочешь сказать, у тебя не было выбора? – выдохнул я наконец. – Он силой заставил тебя делать это. Помогать ему.

– Да.

– Какого черта я должен тебе верить?

– А я и не жду от тебя этого.

Я встал и принялся расхаживать взад-вперед по комнате.

– Не верю. Не верю, что ты можешь пытаться убедить меня в том, что дьявол заставил тебя сделать все это. Ты хоть сама-то понимаешь, насколько невероятным представляется это оправдание?

Судя по бледному пятну лица, Элейн тоже смотрела на меня.

– Это не оправдание, Гарри. Той боли, которую я тебе причинила, не может быть оправдания.

Я остановился и посмотрел на нее:

– Тогда зачем ты мне все это говоришь?

– Потому что я не могла не сказать тебе этого, – прошептала она. – Потому что так все и было. Ты имеешь право это знать.

Довольно долго мы оба молчали.

– Он правда поработил тебя? – спросил я наконец.

Элейн поежилась и кивнула.

– На что это было похоже?

Она нервно прикусила нижнюю губу:

– Я не заметила, как это произошло. Во всяком случае, тогда не заметила. Я вообще не способна была тогда рассуждать здраво. Джастин сказал мне, что тебе просто надо показать, что делать, и что если я удержу тебя достаточно долго, чтобы он смог все тебе объяснить, то все будет в порядке. Я ему верила. – Она тряхнула головой. – Я никогда не хотела причинять тебе боль, Гарри. Никогда. Мне очень жаль.

Я сел и потер виски руками. Мои эмоции снова грозили вырваться из-под контроля. Лишившись поддерживавшего меня гнева, я остался наедине с болью. Мне-то казалось, я давно пережил и потерю Элейн, и ее предательство. Думал, все это давным-давно забылось. Я ошибался. Раны снова отворились и болели так же сильно, как прежде. Может, даже сильнее. Мне приходилось следить за голосом, за дыханием.

Я любил ее. Мне ужасно хотелось верить ей.

– Я... я искал тебя, – сказал я тихо. – В огне и в воде. Я заставил духов прочесать всю землю в поисках тебя. В надежде на то, что ты осталась жива.

Она оттолкнулась от стены и подошла к камину. Я услышал, как она кладет в него несколько поленьев, потом она прошептала несколько слов. Пламя легко охватило поленья – сначала невысокими голубыми языками, потом ровными золотыми. Я смотрел на ее склонившийся над огнем профиль.

– Я выбралась из дома прежде, чем ты разобрался с Джастином, – сказала она наконец. – Его заклятья начали терять силу, и я смогла высвободиться. Мне было страшно. Наверное, я бежала. Не помню. Я вообще плохо помню, что делала тогда.

– Но где ты была? – спросил я. – Элейн, я ведь тебя много лет искал. Много лет.

– Там, где ты не нашел бы меня, Гарри. Ни ты, ни кто угодно другой. Я нашла себе убежище. Место, где я смогла укрыться. Но я должна платить за него – вот почему я здесь. – Она подняла на меня взгляд, и, хотя лицо ее оставалось спокойным, я увидел в ее глазах страх, услышал его в звуках ее голоса. – Я попала в беду.

Я отозвался не задумываясь. Видите ли, рыцарство для меня не пустой звук, но безусловный рефлекс. Собственно, скажи эти слова любая другая женщина, и я ответил бы точно так же. Возможно, на это потребовалось бы на секунду-другую больше, но результат был бы таким же. В случае с Элейн мне не потребовалось даже этого времени на размышление.

– Я помогу.

Она как-то разом ссутулилась и сжала губы, но кивнула:

– Спасибо. Спасибо, Гарри. Мне не хотелось делать этого. Мне не хочется впутывать тебя во все это – через столько-то лет. Но я просто не знаю никого другого, к кому могла бы с этим обратиться.

– Да нет, – буркнул я. – Все в порядке. Правда. Так что все-таки происходит? Что ты имела в виду, говоря про плату?

– Все это довольно сложно, – вздохнула она. – Но если попробовать вкратце, мне дали убежище при дворе Летней Королевы сидхе.

Душа моя не просто ушла в пятки – она пробила пол и углубилась в землю футов на двадцать.

– Получилось так, что я в долгу перед Титанией, Летней Королевой, – это она дала мне защиту и кров. А теперь пришло время расплачиваться. – Элейн тяжело вздохнула. – Во владениях сидхе произошло убийство.

Я устало потер глаза:

– И Титания хочет, чтобы ты стала ее эмиссаром. Она хочет, чтобы ты нашла убийцу и доказала, что во всем виноват двор Зимней Королевы. Она сказала тебе, что с тобой свяжется эмиссар Мэб, но не сказала тебе, кто это будет.

Глаза Элейн потрясенно расширились, она открыла рот, но не издала ни звука. Долгое мгновение мы молча смотрели друг на друга.

– Звезды и камни! – выдохнула она наконец.

Рукой она откинула волосы с лица – я-то знал, что этот жест выдает ее волнение, хотя внешне он так не выглядел.

– Гарри, если мне не удастся этого сделать, если я не отработаю своего долга, я... это очень плохо для меня кончится.

– Ха, – буркнул я. – Можешь не рассказывать. Мэб держит меня более-менее на такой же мушке.

Элейн тихо чертыхнулась:

– И что нам делать?

– Гм, – сказал я.

Она вопросительно посмотрела на меня. Я нахмурился:

– Я думаю. Думаю. Гм.

Она встала и несколько раз возбужденно прошлась по комнате.

– Должно же найтись что-то... какой-нибудь выход из этого положения. Боже, порой меня просто тошнит от их чувства юмора. То-то Мэб с Титанией смеются над нами сейчас.

Останься у меня еще хоть немного сил, я тоже наверняка забегал бы по комнате. Вместо этого я зажмурился и попытался думать. Если мне не удастся сделать того, что от меня хочет Мэб, она не разрешит Белому Совету проход сквозь свои владения. Совет решит, что я не справился с Испытанием, перевяжет меня ленточкой и, упакованного, с поклоном вручит вампирам. Я не знал особенностей ситуации, в которой оказалась Элейн, но не сомневался в том, что условия ее сделки не менее фатальны. Голова гудела как котел.

– Ну же, Гарри, – не унималась она. – О чем ты думаешь?

– Я думаю, что если эта проблема отрастит еще хоть пару рогов, то я пристрелю ее и повешу их на стену.

– Я понимаю, тебе этого в голову не вдолбить, но сейчас не время для шуток. Нам нужно придумать хоть что-то.

– Уже придумал, – сказал я. – Собирай свои манатки и идем со мной.

Элейн потянулась в тень за камином и достала оттуда изящный посох из светлого дерева, украшенный замысловатыми абстрактными фигурами.

– Куда мы идем?

Я с усилием оторвался от стула:

– Поговорить с Советом насчет их помощи.

Брови Элейн удивленно поползли еще выше.

– Не обижайся, Гарри, но ты, случайно, не спятил?

– Выслушай меня.

Она сжала губы, но все же кивнула.

– Все очень просто. У нас проблем выше головы. Нам нужна помощь. И потом, к Совету тебе придется обратиться в любом случае.

– С чего это?

– Ох, да пойми же: ты смертная, Элейн, и чародей. К такому они относятся в высшей степени серьезно. Они встанут на нашу сторону против фей, помогут нам найти выход из этой передраги.

Элейн поморщилась и непроизвольно огляделась по сторонам:

– Я слыхала про этот ваш Совет совсем другое.

– Возможно, ты слышала только предвзятую точку зрения, – предположил я.

Элейн кивнула:

– Возможно. Тот Совет, о котором я слышала, едва не казнил тебя за то, что ты посмел защищаться от Джастина.

– Ну да. Но...

– Они назначили тебе испытательный срок, и ты едва не убился, доказывая свою невиновность.

– Ну да, но я и без того мог бы угробиться. Я хочу сказать, что я и без Совета...

Она покачала головой:

– Боже мой, Гарри. Ты что, сам не видишь? Совету на тебя наплевать. Они не собираются тебя защищать. Они только терпят тебя – да и то пока ты более-менее следуешь их правилам и не становишься помехой.

– Я уже стал помехой.

– Тем более, – заметила Элейн.

– Послушай, у некоторых членов Совета вместо головы и правда задница. Но и нормальных людей там тоже хватает.

Элейн скрестила руки на груди и трянула головой:

– И сколько, скажи на милость, этих нормальных людей готовы поддержать тебя в Совете?

– Элейн...

– Нет, Гарри, я серьезно. Я не хочу иметь с ними ничего общего. Я столько прожила без их, с позволения сказать, защиты, что смогу, мне кажется, продержаться без нее и еще немного.

– Элейн, они в любом случае узнают о тебе, и это должно исходить от тебя. Это хотя бы отчасти снимет их подозрения насчет тебя.

– Подозрения? – возмутилась Элейн. – Гарри, я что, преступница?

– Ты нарываешься на неприятности, Элейн.

– И как, интересно, они обо мне узнают? А? Или ты сам собираешься настучать им на меня?

– Конечно нет, – буркнул я.

Если честно, в голове моей мелькнула мысль, сколько неприятностей свалится на меня, если кто-нибудь из Стражей пронюхает о том, что я связан с возможной нарушительницей Первого закона и к тому же помощницей Джастина Дю Морне в таком нарушении. В моем нынешнем, на редкость неустойчивом положении даже подозрений подобного рода хватило бы, чтобы пустить меня на дно, в какую сторону ни повернулось бы расследование. Чудесно – только этого мне еще не хватало...

– Ладно, – сказал я наконец. – Я ничего не стану тебе говорить. Выбирай сама, Элейн. И все-таки, прошу тебя, поверь мне. Доверься мне. В Совете у меня есть и друзья. Они могут помочь.

Лицо Элейн немного смягчилось.

– Ты уверен?

– Ага, – подтвердил я. – Сердцем клянусь.

Она облокотилась на свой причудливо украшенный посох и нахмурилась. Потом открыла рот, чтобы сказать что-то, – и тут моя стальная дверь содрогнулась от тяжелого удара.

– Дрезден! – рявкнул с улицы Морган. – Открывай, подлый предатель! Я хочу, чтобы ты ответил мне на пару вопросов.

Глава 9

Элейн бросила на меня испуганный взгляд.

– Совет? – шепнула она едва слышно.

Я кивнул и ткнул пальцем в сторону моего посоха, стоявшего в углу. Элейн схватила его и перебросила мне. Потом бесшумно прошла сквозь дверь моей спальни и исчезла.

В дверь снова ударили кулаком.

– Дрезден! – рычал Морган. – Я знаю, что ты здесь. А ну открывай!

Я распахнул дверь, не дожидаясь новых криков:

– А то что? Как дунешь, как двинешь?

Морган свирепо уставился на меня – высокий, массивный и, по обыкновению, с кислым выражением физиономии. Он успел сменить балахон и плащ на темные брюки, серую шелковую рубаху и спортивную куртку. На плече его висела сумка для гольфа, и мало кто из случайных зрителей заметил бы торчавшую среди клюшек рукоять меча. Он сунул голову в дверь и обшарил помещение холодным взглядом:

– Я тебе помешал, Дрезден?

– Ну, я как раз собирался оттянуться – припас порнуху на видео и бутылочку детского масла. Но, боюсь, на двоих не хватит.

Морган брезгливо скривился, и я испытал прилив мелкого, абсурдного мстительного удовлетворения.

– Ты мне противен, Дрезден.

– Да, я гадкий. Гадкий, гадкий, нехороший. Рад, что в этом вопросе мы сходимся. До свидания, Морган.

Я сделал попытку закрыть дверь, но Морган уперся в нее ладонью. Он был куда сильнее меня. Дверь осталась открытой.

– Я еще не закончил, Дрезден.

– А я – да. У меня был не день, а ад крошечный. Так что говори, что имеешь сказать, и выметайся.

Рот Моргана сложился в жесткую улыбку.

– Обычно я приветствую такую прямолинейность. Но не с твоей стороны.

– Тю, ты меня вообще не приветствуешь. Сейчас заплачу от досады.

Морган провел большим пальцем по ремешку сумки для гольфа.

– Я хочу знать, Дрезден, как вышло, что Мэб явилась со своей проблемой именно к тебе. Единственное, что может сохранить твой статус в Совете, – и это сваливается прямо к тебе в руки.

– Целомудренный образ жизни, – сказал я. – Плюс умерщвление плоти и узкая холостяцкая койка.

Морган посмотрел на меня лишенным эмоций взглядом:

– Думаешь, смешно?

– О, в том, что это смешно, я не сомневаюсь. Тебе это не нравится, но смешно.

Морган покачал головой:

– Знаешь, что я думаю, Дрезден?

– Ты? Думаешь???

Морган не улыбнулся. Сказал же я, ему это не нравилось.

– Я думаю, ты все это подстроил. Думаю, ты заодно с вампирами и Зимней Королевой. Думаю, это часть какого-то коварного замысла.

Я уставился на него. Я приложил все усилия, чтобы не засмеяться. Правда, я старался.

Ладно, может, недостаточно старался.

Должно быть, мой смех пронял-таки Моргана. Он сжал кулак и с размаху двинул меня в живот. Я разом задохнулся и едва не упал.

– Нет, – сказал он. – Смехом ты не отделаешься, приятель.

Он шагнул в комнату. Порог не заставил его даже поморщиться. Расставленные мной заговоры сработали через шесть дюймов, но предназначались они в основном для противостояния потусторонним существам, не людям. Морган крикнул, произнес несколько слов на каком-то гортанном языке – древненемецком, возможно, – и сделал рубящее движение рукой. Воздух зашипел и затрещал электрическими разрядами; с кончиков пальцев его разлетелись искры. Брезгливым движением он отряхнул руки и вошел.

Оглядевшись по сторонам, он снова покачал головой:

– Может, ты, Дрезден, и не такой плохой человек, в конце концов. Но мне кажется, ты скомпрометирован. Если ты и не работаешь на Красную Коллегию, я уверен, они тебя используют. В обоих случаях это представляет угрозу Совету. Которую проще всего устранить, устранив тебя.

Я сделал попытку вздохнуть, и в конце концов мне удалось выдавить из себя несколько звуков.

– Что, черт подери, ты хочешь этим сказать?

– Сюзен Родригес, – сказал Морган. – Твоя любовница, вампирша.

От ярости в моих глазах поплыли багровые круги.

– Она не вампир! – прорычал я.

– Они ее обратили, Дрезден. Оттуда не возвращаются. Это раз и навсегда.

– Они не успели. Она не обратилась.

Морган пожал плечами:

– Именно это ты и сказал бы, пристрасти она тебя к вампирской слюне. Ты бы говорил и делал все, как им удобно.

Я посмотрел на него, оскалившись:

– А ну угребывай из моего дома!

Он подошел к камину и взял в руки покрытую пылью открытку. Прочитал, фыркнул. Потом взял в руки фотографию Сюзен.

– Красивая, – сказал он. – Впрочем, сейчас это ничего не значит. Все говорит в пользу того, что она была их пешкой с момента вашего с ней знакомства.

Я стиснул кулаки.

– Заткнись, слышишь? – прорычал я. – Заткнись и не смей отзываться о ней так. Все не так, как ты говоришь!

– Ты болван, Дрезден. Молодой болван. Неужели ты вправду веришь, что нормальная смертная женщина может хотеть такого, как ты? Ты просто не хочешь признаться себе в том, что она была всего лишь орудием. Одной из их шлюх.

Я метнулся в угол, на ходу отшвырнув посох, и схватил трость-шпагу. Лезвие с лязгом выскользнуло из деревянных ножен, и я повернулся к Моргану. Он уже успел выхватить из сумки серебряный меч Стража.

Все мое усталое, измученное тело жаждало броситься на него. Я не то чтобы слишком мускулист, но и неуклюжим меня не назовешь, а руки и ноги мои с милую длиной. Морган превосходил меня опытом, но в столь стесненном пространстве это преимущество сошло бы на нет. В общем, я побоялся бы однозначно ставить на парня с мечом.

В то мгновение я не сомневался, что смог бы убить его. Возможно, он прихватил бы и меня с собой, но сам бы погиб – это точно. И я отчаянно желал этого – не разумом, а той частью мозга, которая думает постфактум. От выдержки моей не осталось и следа.

И тут в самый разгар адреналинового шторма одна-единственная мысль остудила меня. Дрожа, сжимая рукоять шпаги побелевшими пальцами, я заставил себя выпрямиться.

– Значит, вот он – номер третий, – произнес я чуть слышно.

Морган наморщил брови и, не опуская меча, посмотрел на меня:

– О чем это ты, Дрезден?

– О третьем плане. О козырном тузе, который Мерлин приберегал в рукаве. Он послал тебя сюда затеять со мною драку. При открытой, заметь, двери. Там ведь, на улице, еще один Страж, верно? Свидетель, чтобы снять с тебя все подозрения в умышленном убийстве. Тело передадут вампирам, и проблеме конец – так?

Глаза Моргана изумленно расширились.

– Я н-не понимаю, – от неожиданности он даже начал заикаться, – о ч-чем это ты.

Я подобрал с пола ножны и спрятал шпагу.

– Конечно не понимаешь. Убирайся, Морган. Уходи, если только не хочешь заколоть безоружного человека, не пытающегося напасть на тебя.

С минуту Морган молча смотрел на меня. Потом убрал меч в сумку для гольфа, нацепил ее обратно на плечо и повернулся к двери.

Он уже ступил за порог, когда из спальни послышался стук.

Морган застыл. Он посмотрел на меня, потом на закрытую дверь спальни. Глаза его нехорошо блеснули.

– Кто у тебя в спальне, Дрезден? Уж не твоя ли девица-вампирша?

– Нет там никого, – буркнул я. – Уходи.

– А вот посмотрим, – сказал Морган. Он повернулся и шагнул к двери в спальню, положив руку на эфес меча. – Скоро, скоро тебя и твою подружку выведут на чистую воду. Уж я-то прослежу за этим.

Мне снова сделалось не по себе. Стоит Моргану обнаружить Элейн, и это может привести к миллиону последствий – разных, но одинаково неприятных. Впрочем, поделаться я тоже ничего не мог. Я не мог предупредить ее, и придумать способ выставить Моргана из квартиры прежде, чем это случится, у меня тоже не получалось.

Морган открыл дверь, сунул голову в темный проем и повертел ею из стороны в сторону. Потом вдруг вскрикнул осипшим от неожиданности голосом и отпрыгнул назад. Одновременно с этим послышалось чуть гнусавое мяуканье, и из двери пулей вылетел Мистер, мой серый бесхвостый кот. Он проскочил у Моргана между ногами и исчез на улице.

– Ба, Морган, имей в виду: мой кот может быть опасен для общества. Ты бы допросил его.

Морган выпрямился. Лицо его заметно побагровело. Он кашлянул и снова направился к выходу:

– Совет Старейшин велел мне передать тебе, что они будут присматривать за тем, как ты проходишь Испытание, но вмешиваться в него не станут, тем более помогать. – Он достал из кармана рубахи визитную карточку и бросил ее на пол. – По этому телефону ты сможешь связаться со Старейшинами. Дашь им знать, когда провалишь Испытание.

– Поосторожнее на выходе, – посоветовал я. – Не ровен час, дверь мозги вышибет.

Морган испепелил меня взглядом и вышел, хлопнув за собой дверью. Я услышал, как он, грохоча башмаками, поднимается по ступенькам.

Отходняк начался только через полминуты после его ухода. Меня начало трясти – реакция на стресс. Хорошо еще, это случилось не у него на глазах. Я прислонился к двери, зажмурился и зябко охватил себя руками. Так, по крайней мере, дрожь ощущалась слабее.

Еще через минуту, а может, через две я услышал негромкие шаги Элейн. Огонь в камине разгорелся сильнее.

– Они ушли? – спросила Элейн. Голос ее звучал осторожно и ровно.

– Угу. Хотя наверняка наблюдают за входом.

Я ощутил ее пальцы у себя на плече.

– Гарри, ты весь дрожишь.

– Сейчас пройдет.

– Ты ведь мог убить его, – заметила Элейн. – Ты первый выхватил шпагу.

– Угу.

– Он что, правда хотел подставить тебя так, как ты сказал?

Я посмотрел на нее. Лицо ее было встревоженным.

– Угу, – вздохнул я.

– Боже мой, Гарри. – Она тряхнула головой. – Это хуже паранойи. И ты хочешь, чтобы я сдалась на милость этих людей?

Я накрыл ее руку своей.

– Не этих, – попытался успокоить ее я. – Не все в Совете похожи на Моргана.

На мгновение она заглянула мне в глаза. Потом осторожно отняла у меня руку:

– Нет. Я не собираюсь зависеть от таких людей, как эти. Ни за что.

– Элейн!

Она покачала головой:

– Я ухажу, Гарри. – Она откинула волосы с лица. – Ты расскажешь им обо мне?

Я вздохнул. Если Стражам станет известно о том, что Элейн все еще жива и избегает встречи с ними, они развяжут натуральную охоту на ведьм. Стражи никогда не отличались терпимостью и попытками понять противоположную сторону, и Морган служил наглядной иллюстрацией этого. Любой, кто попробовал бы укрыть ее, автоматически становился их мишенью. Можно подумать, у меня мало проблем без этого...

– Нет, – сказал я. – Конечно нет.

Элейн одарила меня чуть натянутой улыбкой:

– Спасибо, Гарри. – Она перехватила свой посох обеими руками. – Выпустишь меня?

– Они наверняка оставили кого-то следить.

– Я прикроюсь завесой. Они меня не увидят.

– Они неплохие наблюдатели.

Она пожала плечами:

– Я круче. У меня богатый опыт.

Я покачал головой:

– Что будем делать с феями?

– Не знаю, – призналась она. – Я с тобой свяжусь.

– Как мне найти тебя?

Она кивнула в сторону двери. Я отворил ее. Она шагнула ко мне и снова коснулась моей щеки теплыми губами.

– Это у тебя есть офис с телефоном, – сказала она. – Я позвоню.

Она шагнула к двери и чуть слышно шепнула что-то. Вокруг нее возникло серебристое сияние, и я на секунду зажмурился. Когда я открыл глаза, ее уже не было.

Я не сразу закрыл дверь – и, как выяснилось, не зря. Мгновением спустя огромным пушистым шаром по ступенькам скатился Мистер. Он сипло и печально мяукнул и царственной походкой проследовал в комнату. Там он дождался меня, свернулся клубком вокруг моих ног и замурлыкал – звук напоминал рокот судового дизеля на холостом ходу. Веса в Мистере фунтов тридцать, так что размерами он больше напоминает пуму. Я сильно подозреваю, что одним из его родителей был саблезубый тигр.

– Отличный расчет, как раз вовремя, – похвалил я его, запирая дверь.

Я постоял немного в полутемной, освещенной одним камином комнате. Щеку еще показывало в том месте, где ее коснулись губы Элейн. В воздухе висел запах ее духов, пробудивший в памяти уйму всего такого, что я считал давным-давно забытым. От этого я вдруг почувствовал себя совсем старым, усталым и одиноким.

Я подошел к камину и поправил на полке открытку, которую Сьюзен прислала мне на последнее Рождество. Потом посмотрел на стоявшую рядом фотографию. В то воскресенье мы с ней гуляли в парке – она была одета в узкий голубой топик и коротко обрезанные шорты. Зубы казались неправдоподобно белыми на фоне дочерна загорелой кожи и черных как смоль волос. Я снял ее в тот момент, когда она смеялась и глаза ее счастливо сияли.

Я потрянул головой.

– Устал я, Мистер, – сказал я. – Устал черт знает как.

Мистер сочувственно мяукнул.

– Ну, отдохнуть было бы разумнее всего... хотя кто я такой, чтобы говорить о разумном, а? Если я и разговариваю-то больше со своим котом. – Я вздохнул, поскреб бороду и кивнул сам себе. – Ладно, минуточку на диване. А потом за работу.

Я помню еще, как опустился на диван, а потом все заволочло благословенной чернотой.

Что ж, очень даже кстати. На следующий день все запуталось еще сильнее.

Глава 10

Как выяснилось, я недостаточно устал, чтобы уснуть мертвым сном. В какой-то момент мое подсознание – я с ним знаком, и такого извращенца надо еще поискать – свернуло на проторенную дорожку, поскольку мой сон сделался очередной вариацией на тему, что снилась мне почти каждую ночь с тех пор, как я в последний раз видел Сьюзен.

Сон начался с поцелуя.

У Сьюзен восхитительные губы. Не слишком тонкие, не слишком полные. Всегда мягкие, всегда теплые. Когда она целовала меня, весь мир словно переставал существовать. Не было ничего, кроме прикосновения ее губ к моим. Я целовал эту приснившуюся Сьюзен, и она словно таяла, обволакивая меня своим телом. Пальцы ее скользнули по моей груди, чуть царапнув кожу ногтями.

Наконец я оторвался от ее губ, чтобы вздохнуть, но веки мои казались слишком тяжелыми, чтобы открыть глаза. Губы дрожали в ожидании новых поцелуев. Она посмотрела на меня затуманенным взглядом. Волосы ее были подхвачены в хвост, спускавшийся ей до лопаток. Странное дело, во сне ее волосы казались длиннее. Лицо ее приблизилось к моему.

– Ты в порядке? – спросил я ее.

Я всегда спрашивал это. И, как всегда, она улыбнулась мне горькой улыбкой и не ответила. Я прикусил губу.

– Я все еще ищу. Я не сдался.

Она покачала головой и отстранилась от меня. Мне хватило ума оглядеться по сторонам. На этот раз действие происходило в темном переулке. Ближняя к нам стена содрогалась от музыки из диско-клуба. Сьюзен была одета в темные слаксы в обтяжку и блузку с короткими рукавами; на плечи она накинула мой черный кожаный плащ. Она пристально посмотрела на меня и повернулась ко входу в клуб.

– Подожди, – сказал я.

Она подошла к двери и оглянулась на меня. Дверь открылась, и багровый отсвет упал на ее лицо, странно преобразив его. Ее темные глаза сделались больше.

Нет, не так. Сами глаза не увеличились, это случилось только со зрачками – они расширились до тех пор, пока белки не исчезли и на месте глаз не осталось ничего, кроме черноты. Это были глаза вампира – огромные, нечеловеческие.

– Я не могу, – сказал я. – Нам туда нельзя, Сьюзен.

Лицо ее исказилось от злости. Она требовательно протянула ко мне руку.

Из темноты проема вынырнули руки – бледные, тонкие, бесполое. Они скользили по телу Сьюзен. Тянули ее за волосы, за платье. На мгновение она закрыла глаза, тело ее напряглось и медленно подалось к двери.

На мгновение меня охватило желание – бездумное, острое, как хирургический скальпель. Голод, примитивная, почти разрушительная жажда коснуться ее лишили меня способности думать.

– Не надо, – произнес я и шагнул к ней.

Я ощутил, как она берет меня за руку. Я ощутил, как она со стоном прижимается ко мне, как ее губы жадно целуют меня, и я отвечал ей такими же жадными поцелуями, забыв все свои сомнения. Я заметил перемену, когда поцелуи ее сделались отравленными, когда рот мой вдруг онемел от наркотической слюны, которая тут же разбежалась по телу. Впрочем, мне уже было все равно. Я целовал ее, рвал с нее одежду, а она – с меня. Впрочем, я уже и этого почти не замечал. Во всем мире существовали только губы Сьюзен, ее руки, ее бархатная кожа, тепло ее тела...

В этом не было никакого чувства – одна животная страсть. Я прижал ее к залитой багровым светом стене, и она охватила меня руками и ногами. Я запрокинул голову...

Она вздрогнула – и, как всегда, укусила меня. Ее зубы сомкнулись на моем горле, и острая боль от ее укуса опьянила меня не слабее наркотического поцелуя. Я утратил остаток контроля над собой; мои мышцы словно превратились в желатин. Я медленно сполз на землю. Сьюзен навалилась на меня сверху, жадно припав губами к моей шее, продолжая прижиматься ко мне всем телом.

Странное действие оказывала на меня ядовитая слюна: разум мой высвободился из тела и повис в нескольких футах над землей, глядя на меня сверху вниз. Я лежал под Сьюзен, бледный, с пустым взглядом. Я увидел, как тело ее начало меняться. Я увидел, как оно бьется, выгибается, как трескается и начинает расходиться кожа и из-под нее рвется наружу что-то жуткое, черное, с выпученными черными глазами и скользкой черной шкурой. А пасть была перепачкана кровью – моей кровью.

Тварь потрясенно застыла, глядя на мой труп. И когда разум мой уже почти уплыл в сторону, тварь с тонким и гибким, как у змеи, телом запрокинула голову и испустила нечеловеческий визгливый вопль, полный ярости, боли и жажды.

Я вскрикнул и проснулся в холодном поту. Мышцы свело от напряжения.

Мгновение я, задышавшись, оглядывался по сторонам. Губы еще пощипывало приснившимся поцелуями, кожа хранила тепло прикосновений ее рук.

Я застонал, но заставил себя встать и потащился в душ. Черт, иногда я даже рад, что не пользуюсь газовой колонкой – во избежание несчастного случая. Конечно, зимой это превращается в подобие пытки, но порой ничего не оказывает восстанавливающего действия так, как холодный душ.

Я разделся и некоторое время постоял, лязгая зубами, под ледяной водой. Скажем честно, дрожал я не только от холода. Меня трясло по разным причинам. Во-первых, от абсолютно нерациональной похоти. Душ унял ее, но только на время. Поймите меня правильно – я вовсе никакой не сексуальный маньяк. И отсутствие Сьюзен в моей жизни я переживаю так остро вовсе не из-за нехватки секса. Однако в редкие моменты этих проклятых снов проклятые гормоны ведут себя так, как этого хочется им, а не мне, словно пытаюсь отыграться за все упущенное.

Во-вторых, я дрожал от страха. Мои ночные кошмары, конечно, всего лишь сны, но эти сны служат и предостережением. Проклятье Сьюзен может убить меня и погубить ее. Я не могу этого забыть.

И наконец, я дрожал от чувства вины. Если бы мне удалось отговорить ее от этой авантюры, то, возможно, ничего этого не случилось бы. А теперь она исчезла, и я не имел ни малейшего представления о том, где она.

Я сунул голову под струю ледяной воды, смывая эти мысли, потом как следует проскреб себя намыленной мочалкой и вымыл голову остатками шампуня из флакона. Я почесал бороду, поколебался немного, но все же взялся за бритву. Несколько минут я орудовал своим опасным лезвием, сражаясь с бородой. Темные спутанные волосы клочьями летели на пол, и подбородок приятно щипало – как-никак это был для него первый за пару месяцев глоток свежего воздуха. Что ж, это бодрило, так что мысли мои наконец прояснились немного.

Я откопал в шкафу что-то из чистых шмоток, вылез из ванной и отодвинул ковер, закрывавший люк в подвал, где у меня размещается лаборатория. Потом откинул крышку, зажег свечу и полез по лестнице вниз.

В противоположность царившему наверху хаосу лаборатория выглядела так, словно ее содержал какой-то особенно тугозадый военный писарь. В центре помещения у меня стоит длинный стол, а вдоль стен – еще два, оставляя между собой только узкие проходы. По стенам висят дешевые белые полки на проволочном каркасе – тут я храню материалы, используемые

мною при работе. Они содержатся в банках, пузырьках, коробочках и пластиковых контейнерах всех размеров, и почти на каждой емкости красуется ярлык – что это, сколько его осталось и когда я его приобрел. Столы, можно сказать, чистые, если не считать стопок бумаги с записями, жестянок с ручками и карандашами, а также множества свечей. Я зажег несколько штук и прошел в дальний угол лаборатории, проверив по дороге магический круг из заделанной в цементный пол медной полосы: не лежит ли на нем никаких посторонних предметов. Никогда не знаешь, когда может понадобиться такая вещь, как магический круг.

Только одно место в лаборатории сохранилось в том же беспорядке, какой царил в ней до того, как я в прошлом году практически переселился сюда. Одна полка – старая, деревянная – осталась без изменений. По краям ее стояли, утопая в потеках застывшего воска, два подсвечника. Между ними разместились несколько разных предметов: с полдюжины бульварных романов в мягкой обложке, несколько журналов для мужчин, алая шелковая ленточка, некогда служившая единственным одеянием юной дамы по имени Жюстина, непарный браслет от наручников на оборванной цепочке, а также побелевший от времени человеческий череп.

– Боб, просыпайся, – буркнул я, зажигая свечи. – Мне нужно напрячь твои мозги.

Глубоко в пустых глазницах черепа вспыхнули оранжевые огоньки. Череп поерзал немного по полке и разинул костлявые челюсти в подобие зевка.

– Ну что, малыш сказал правду? Там и впрямь имела место потусторонняя активность?

– Дождь из жаб, – ответил я.

– Настоящих?

– Еще каких настоящих.

– Ух ты, – сказал Боб-Череп.

Вообще-то, Боб был вовсе не черепом. Череп служил всего лишь сосудом,местилищем разумного духа – тот проживал в нем и помогал мне держаться более-менее в курсе постоянно совершенствующейся магической науки. Впрочем, «Боб-Череп» произносится гораздо проще, чем, скажем, «Боб – Разумный Дух и Лабораторный Ассистент».

Я кивнул, сдвигая в сторону горелки Бунзена и штативы с пробирками.

– Совершенно согласен. Слушай, Боб, я тут попал в одну сложную ситуацию и...

– Ничего у тебя не выйдет, Гарри. От вампиризма нет лекарства. Мне тоже очень нравится Сьюзен, но с этим ничего не поделаешь. Думаешь, до тебя никто не пытался отыскать это средство?

– Я знаю, что я не пытался найти его прежде, – буркнул я. – И у меня тут пара свежих идей, которые мне хотелось бы проверить.

– Есть, капитан Ахав, бузделано! Мы добудем для вас этого белого дьявола, сэр!

– Еще как, черт подери, добудем. Но прежде нам нужно заняться кое-чем другим.

Глазницы черепа вспыхнули ярче.

– Ты хочешь сказать, что-то новое, а не эти безнадежные, лишённые смысла изыскания насчет вампиров? Черт, уже интересно. Это связано как-нибудь с дождем из жаб?

Я нахмурился, нашел чистый лист бумаги, карандаш и принялся записывать события прошедшего дня. Это и мне самому помогало разложить их по полочкам.

– Не исключено. Вообще-то, это расследование убийства.

– Ясно. И кто у нас труп?

– Художник. Рональд Ройель.

Глаза Боба превратились в две маленькие светящиеся точки.

– Ого. Кто просил тебя найти убийцу?

– Я еще не знаю точно, убит ли он. Копы считают это несчастным случаем.

– Но ты считаешь иначе.

Я покачал головой:

– Сам я ничего пока не считаю, но Мэб говорит, его убили. Она хочет, чтобы я нашел убийцу и доказал, что это не она.

Боб погрузился в потрясенное молчание почти на целую минуту. Я скрипел ручкой по бумаге и ждал.

– Мэб? – выпалил наконец Боб. – Я не ослышался, Гарри? Мэб?

– Угу.

– Королева Воздуха и Тьмы? Та самая Мэб?

– Ага, – чуть более раздраженно повторил я.

– И она твоя клиентка?

– Ну да, да, Боб.

– И ты удивляешься, когда я спрашиваю тебя, почему ты не посвящаешь свое время чему-нибудь безопаснее, пусть даже немного скучнее. Ну, скажем, почему ты не вставляешь противозачаточные свечи бешеным гориллам?

– Моя жизнь – вызов, – сказал я.

– Вот и зря – по крайней мере, в этом случае, – доброжелательно заметил Боб. – Гарри, я тебе не раз и не два говорил: не путайся ты с сидхе. С ними все обязательно выйдет запутаннее, чем ты себе представлял поначалу.

– Спасибо за совет, костяшка. Можно подумать, у меня был выбор. Леа продала ей мой долг.

– Раз так, тебе стоило предложить ей что-нибудь в обмен на свободу, – не сдавался Боб. – Например, украсть для нее какого-нибудь младенца или еще чего...

– Украсть? Младенца? Можно подумать, у меня без этого мало неприятностей.

– Ну, если бы ты не разыгрывал из себя все время пай-мальчика...

Я потер большим пальцем переносицу. Наш разговор явно приобретал характер, неизменно вызывавший у меня головную боль.

– Послушай, Боб, будь добр, давай не будем уклоняться от темы. Время – деньги, так что займемся делом, ладно? Мне нужно знать, за что Ройеля могли столкнуть с лестницы.

– Нет ничего проще, Гарри, – ухмыльнулся Боб. – Уж не за то ли, что он был Летним Рыцарем?

Ручка выпала у меня из пальцев и покатилась по столу.

– Ого, – пробормотал я. – Ты уверен?

– Спрашиваешь, – с усмешкой в голосе отозвался Боб.

– Гм, – сказал я. – Это означает неприятности. Это означает...

– Это означает, что эти штучки сидхе куда более запутанны, чем тебе кажется. Тю, можно подумать, тебе не советовали не валять дурака и серьезнее относиться к заключаемым сделкам.

Я хмуро покосился на череп и подобрал ручку.

– Как думаешь, я здорово вляпался?

– Изрядно, – ободрил меня Боб. – Владыки сидхе наделяют Рыцарей немалой властью. Крутые ребята.

– Я мало что о них знаю, – признался я. – Они что-то вроде полномочных представителей фей, так?

– Только не вздумай брякнуть это при них, Гарри. Им это понравится не больше, чем тебе понравилось бы, если бы тебя обозвали обезьяной.

– Ладно. Скажи хоть, с чем я имею дело.

Светящиеся глаза Боба сузились, почти погасли, потом снова посветлели.

– Рыцарь-сидхе смертен, – сказал Боб. – Это вроде как чемпион одной из династий сидхе. Он обладает властью высшего придворного, и он единственный, кому позволено действовать в тех случаях, когда дело касается не только сидхе.

– Не понял.

– Чего тут понимать? Если одна из Королев хочет устранить кого-то, она делает это руками своего Рыцаря.

Я нахмурился:

– Погоди-ка. Ты хочешь сказать, что Королевы не могут собственноручно прихлопнуть никого, не относящегося к их подданным?

– Ну конечно, не в случае, если мишень сдуру заключает фатальную сделку, даже не попытавшись выменять краденого младенца на...

– Не уклоняйся от темы, Боб. Скажи просто: надо мне на этот раз опасаться, что меня укокошат, или нет?

– Конечно надо, – ободряюще заверил меня Боб. – Это значит всего лишь, что Королеве не позволено лично, своими руками укоротить тебе жизнь. Не царское это дело. Впрочем, никто не мешает ей, скажем, заманить тебя в зыбучие пески и смотреть, как ты барахтаешься. Или превратить тебя в оленя и напустить на тебя гончих. Или усыпить на пару-тройку столетий. В таком роде.

– Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но знаешь, что мне кажется? Если Ройель и правда Летний Рыцарь, Мэб не смогла бы убить его. Верно? Тогда почему подозревают ее?

– Потому что она могла совершить это не лично. И еще, Гарри, есть шансы, и немалые, что само по себе убийство Ройеля сидхе не слишком беспокоит. Они меняют Рыцарей как перчатки. Сдается мне, их огорчает кое-что другое. Единственное, о чем они пекутся по-настоящему.

– Власть, – предположил я. – Сила.

– Вот видишь, и ты иногда способен при желании шевелить мозгами.

Я покачал головой:

– Мэб сказала, что-то похитили, и я узнаю это «что-то». И у меня есть предположения на этот счет. Насчет какой власти мы говорим?

– Рыцарь-сидхе – это тебе не фиг собачий, – напомнил Боб.

– Значит, мы имеем дело с уймой магии, исчезнувшей в неизвестном направлении. Ограбление века. – Я постучал ручкой по столу. – Откуда, кстати, берется вся эта магическая энергия?

– От Королев.

Я нахмурился:

– Ладно. Скажешь мне, когда я сойбьюсь со следа. Если она исходит из Королев, значит это часть их, так? Если Рыцарь погибает, энергия возвращается к Королеве, словно притянутая резинкой.

– Совершенно верно.

– Но на этот раз ничего такого не произошло. Значит, Летняя Королева лишилась уймы сил. В общем, ослабла.

– Если все так, как ты говоришь, то да, – согласился Боб.

– Равновесие между Летом и Зимой нарушено, к чертовой матери... Черт, да ведь это объясняет дождь из жаб. Это серьезный поединок сил, так ведь?

Боб закатил свои глаза-огоньки:

– Ты про смену времен года? Разумеется, Гарри. Сидхе ближе к миру смертных, чем кто-либо другой из Небывальщины. До сих пор Лето обладало незначительным преимуществом, но, похоже, оно его лишилось.

– А я-то думал, глобальное потепление имеет место из-за того, что коровы пукают, – тряхнул головой я. – Значит, Титания утратила уйму жизненных соков, и подозрение, разумеется, падает на ее извечного врага Мэб.

– Ага. И ведь ничего не скажешь, от извечного врага вполне естественно ожидать такого.

– Наверняка, – согласился я и хмуро покосился на свои записи. – Боб, а что случится, если баланс между дворами не восстановится?

– Ничего хорошего, – ответил Боб. – Это скажется на климате, вызовет изменения в составе растительного покрова и животного мира и рано или поздно приведет к войне династий сидхе.

– Это почему?

– Да потому, Гарри. Когда равновесие уничтожено, единственное, что остается Королевам, – это разнести все в пух и прах, а потом дать улежаться и образоваться заново естественным путем.

– А чем это аукнется мне? – поинтересовался я.

– Это зависит от того, кто будет иметь преимущество, когда все уляжется, – вздохнул Боб. – Война может породить новый ледниковый период, а может спровоцировать буйное размножение.

– Ну, последнее звучит не так уж и плохо, – заметил я.

– Если только это не относится, скажем, к вирусу лихорадки Эбола. У тебя ведь много друзей.

– А... Что ж, значит, и это не лучше.

– Вот именно, – с энтузиазмом согласился Боб. – Впрочем, ты не забывай: это всего лишь теория. На моей памяти такого не случалось. Впрочем, по их меркам я еще малолетка. Так или иначе, это нечто, чего Королевы по возможности постараются избежать.

– Чем и объясняется интерес Мэб к этому делу, если она здесь ни при чем.

– Да даже если при чем, – поправил меня Боб. – Она разве сказала тебе прямо, что невиновна?

Я помолчал, припоминая разговор.

– Нет, – сказал я наконец. – Только намекала, а так ходила вокруг да около.

– Значит, не исключено, что это дело ее рук. Или следствие каких-то ее шагов.

– Логично, – согласился я. – Получается, чтобы выяснить, что это дело рук одной из Королев, нам придется найти ее оружие. Кстати, это очень трудно – укокошить одного из этих Рыцарей?

– Одного лестничного пролета для этого маловато. И двух тоже. Возможно, если бы он ехал на лифте, причем в твоём обществе...

– Очень смешно, – буркнул я, насупившись, и снова постучал ручкой по столу. – Итак, чтобы убрать Ройеля, требовалось нечто из ряда вон. Кто способен на такое?

– Да кто угодно. Правда, этого бы не удалось без побочных факторов – горящих зданий, огнедышащих кратеров или чего-нибудь другого в этом роде. Но убить его так, чтобы это выглядело несчастным случаем? Возможно, другой Рыцарь и смог бы. В общем, если ограничивать круг подозреваемых исключительно дворами сидхе, это или Зимний Рыцарь, или одна из Королев.

– А чародею такое под силу?

– Не подлежит сомнению. Но это должен быть очень крутой чародей, потративший уйму времени на подготовку и имеющий хорошие выходы на жертву. И даже в этом случае огнедышащий кратер куда проще фатальной бытовой травмы.

– Чародеи в последнее время держатся тише воды ниже травы. И потом, их слишком много, чтобы очертить мало-мальски приемлемый круг подозреваемых. Давай пока исходить из того, что это внутренние разборки фей. Это ограничивает круг тремя подозреваемыми.

– Тремя?

– Ну, ты же сам говорил, что на такое способны трое: Летняя Королева, Зимняя Королева, Зимний Рыцарь. Раз, два и три.

– Гарри, я ведь сказал, что это могла быть одна из Королев.

Я удивленно уставился на череп:

– А их что, больше двух?

– Ну, фактически их три.

– Три?

– У каждой династии.

– По три Королевы у каждой династии? Шесть? Бред какой-то.

– Не такой уж и бред, если пошевелить извилинами. У каждого двора имеются фактически три властительницы: Королева, Которая Оставила Престол; Королева, Которая Правит; Королева, Которая Унаследует Престол.

– Блестяще. И на которую из них работает Рыцарь?

– На всех. Это своего рода групповуха. Да нет, не бойся, у него разные обязанности по отношению к каждой.

Я ощутил, как зародившаяся в загривке боль медленно, но верно расплзается по всей голове.

– Ладно, Боб. Я хочу больше знать об этих Королевах.

– О которых именно? О тех, Которые Правят, о тех, Которые Оставили Престол, или о тех, Которые Унаследуют Престол?

С минуту я молча смотрел на череп. Боль устраивалась в моей голове поудобнее.

– Всему этому наверняка есть объяснение проще, чем это.

– Вот это совершенно в твоём духе. Ты не можешь даже младенца украсть, но слишком ленив для сопряжения.

– Эй, – возмутился я. – В моей личной жизни нет места... Как его?

– Сопряжения, Гарри. Сопря... черт, не стоит и стараться. Королева – она и есть просто Королева. Королева Титания, Королева Мэб. Королеву, Которая Оставила Престол, принято звать Матерью. Королева, Которая Унаследует Престол, известна как Леди. В настоящий момент, например, Зимней Леди является Мэйв. Летнюю Леди зовут Аврора.

– Леди, Королева, Мать – ясно. – Я взял ручку и записал все это вместе с именами – просто так, для лучшего усвоения. – Значит, у нас есть шесть подозреваемых, способных на это?

– Плюс Зимний Рыцарь, – напомнил мне Боб. – В теории.

– Точно, – согласился я. – Семь. – Я сделал пометку на бумаге и задумчиво постучал ручкой. – Вообще-то, восемь.

– Восемь? – переспросил Боб.

Я сделал глубокий вдох.

– Элейн жива, – пояснил я. – Она расследует это дело для Летних.

– Ого, – сказал Боб. – Вот это да. Говорил же я тебе.

– Знаю, знаю.

– Ты думаешь, она могла пришить Ройеля?

– Нет, – покачал головой я. – Но если вспомнить, когда они с Джастином взяли меня тепленьким, я тоже ничего не заметил. Мне нужно только обдумать, имелись ли у нее возможности для этого. Я хочу сказать, если ты считаешь, что это было бы не по зубам мне, то ей – тем более. Я всегда был на порядок сильнее ее.

– Ну да, – хмыкнул Боб. – Зато она была лучше тебя. У нее уйма такого, чего у тебя не было и не будет. Изящество. Стиль. Элегантность. Бюст.

Я закатил глаза:

– Короче, она остается в списке до тех пор, пока я не найду оснований ее вычеркнуть.

– Надо же, Гарри, что за логика. Я почти горд.

Я подтянул к себе папку, полученную от Мэб, и еще раз перебрал газетные вырезки.

– Да, кстати, а тебе известно, кто сейчас Зимний Рыцарь?

– Нет. Мне очень жаль, – признался Боб. – Видишь ли, мои контакты с Зимними носят, скажем так, ограниченный характер.

– Раз так, ладно. – Я вздохнул и собрал свои записи. – По крайней мере, я знаю, что делать дальше.

– Приятно слышать, – подозрительно сухо заметил Боб.

– Можешь не сомневаться. Я хочу больше знать об этом Ройеле. Кто был с ним близок? Может, кто-нибудь что-нибудь видел. Если полиция расценила это как несчастный случай, сомневаюсь, что велось хоть какое-то расследование.

Боб кивнул и каким-то образом ухитрился придать себе задумчивый вид:

– И что? Дашь объявление в газету или как?

Я медленно двинулся в обход стола, задувая свечи.

– Пожалуй, начну с незаконных проникновений. Потом схожу на его похороны: посмотрю, кто там покажется.

– Надо же! Скажи, мне тоже разрешат заниматься такими же интересными вещами, когда я вырасту?

Я фыркнул и повернулся к лестнице, забрав с собой последнюю горящую свечу.

– Гарри? – окликнул меня Боб, когда я уже поставил ногу на нижнюю ступеньку.

Я помедлил и оглянулся.

– Ты только это... осторожнее.

Если бы я не знал Боба лучше, я решил бы, что этот чертов череп дрожит.

– Ты же с женщинами идиот идиотом, – продолжал он. – И ты даже представить себе не можешь, на что способна Мэб.

Секунду-другую я молча смотрел на него. Его оранжевые глаза оставались единственным пятном света в моей темной лаборатории. Почему-то меня пробрала дрожь.

Я тряхнул головой и забрался по стремянке наверх, готовясь к новым неприятностям.

Глава 11

Я сделал пару телефонных звонков, кинул в нейлоновый рюкзак пару-другую предметов и отправился вламываться в квартиру Ройеля.

Ройель проживал в южной части Петли, в доме, напоминающем бывший театр. Высоченный потолок входного холла заставил меня оглядываться по сторонам в поисках бархатных шнуров и прислушиваться в ожидании нестройной какофонии настраиваемых инструментов в оркестре.

Я вошел в вестибюль решительным шагом. На голове моей красовалась форменная кепка с эмблемой службы доставки на дом; под мышкой я держал длинную белую коробку из-под цветов. Я небрежно кивнул пожилому охраннику в вестибюле и тем же решительным шагом направился мимо него к лестнице. Нет, право же, вы и сами удивились бы тому, как далеко вас могут завести кепка, коробка и решительный шаг.

По лестнице я поднялся на третий этаж, в квартиру Ройеля. Я поднимался медленно, наострив все свое чародейское чутье: в первую очередь меня интересовало, не осталось ли на месте гибели старикана хоть каких-то следов магической энергии. Для верности я даже постоял с минуту на том месте, где нашли тело, но не ощутил ничего такого. Если для убийства Ройеля и использовали уйму магии, кто-то сумел здорово замести следы. Чертовски здорово.

В общем, я поднялся на третий этаж, но, только когда отворил дверь с лестничной клетки в коридор, мои инстинкты предупредили меня, что я не один. Я застыл в двери и прислушался.

Слушать не особенно сложно. Я даже не уверен, что это настолько магическое свойство. Вряд ли я смогу объяснить это; суть в том, что я способен отключить все, кроме того, что я слушаю, и это позволяет улавливать то, что в обычном состоянии я упустил бы. Это умение, которым в наши дни мало кто обладает, и оно здорово пригодилося мне не раз и не два.

На этот раз я услышал негромкое басовитое проклятие и шорох перебираемых бумаг.

Я открыл коробку из-под цветов, достал оттуда свой жезл и на всякий случай проверил браслет-оберег на руке. Вообще-то, в замкнутом пространстве вроде этого я предпочел бы жезлу свой револьвер, но не уверен, что смог бы быстро и убедительно объяснить это охране или полиции, если бы они застали меня рыскающим по квартире покойника. Я покрепче стиснул жезл и бесшумно скользнул вперед по коридору, надеясь, что мне не придется воспользоваться им. Хотите верьте, хотите нет, но моей первой инстинктивной реакцией не обязательно является желание пожечь все, к чертовой матери.

Дверь в квартиру Ройеля оказалась приоткрыта, и, подойдя ближе, я разглядел, что ее вскрывали, и довольно бесцеремонно – на полу валялись щепки. Мое сердце забилося чаще. Похоже, кто-то успел опередить меня. Из этого следовало, что я нащупал верный след.

Еще из этого следовало, что тот, кто меня опередил, – кем бы он ни был – вряд ли обрадуется, увидев меня.

Я подкрался к двери и заглянул внутрь.

Ту часть квартиры, которую я мог разглядеть, словно импортировали с Бейкер-стрит, 429-Б. Темное дерево, вычурная резьба и обилие драпировок сообщали помещению этакое викторианское великолепие. Вернее, сообщали совсем недавно. Теперь же по комнате прощились погромом. Все ящики стола выдернули с их мест и пошвыряли на пол. Старый дорожный сундук валялся на боку с сорванной крышкой, а его содержимое разлетелось по ковру. Сквозь открытую дверь спальни видно было, что с тем помещением обошлись не деликатнее, только там пол был завален не бумагами, а одеждой и безделушками.

Мужчина, орудовавший в квартире Ройеля, производил впечатление эталонного громилы. Ростом он превосходил меня на ладонь, и я не смог на взгляд определить, где кончаются его плечи и начинается шея. На нем были старые, потертые бриджи, свитер с рваными локтями

и шляпа, в какой щеголяли в годы Великой депрессии: круглый котелок с темно-серой лентой. Одной ручищей он держал потертый кожаный саквояж, а другой совал в него небольшие листочки бумаги – возможно, учетные карточки, вынимая их из стоявшей на столе сапожной коробки. Судя по округлившимся бокам, саквояж был уже набит битком, но тип все пихал в него бумагу резкими, нервными движениями. Он буркнул себе под нос что-то еще, потом схватил со стола папку и тоже сунул в саквояж.

Я отошел от двери и прислонился спиной к стене. Позволить себе терять время я не мог, но и дальнейший ход тоже следовало обдумать. Если кто-то залез в квартиру Ройеля за бумагами, значит Ройель скрывал какое-то важное доказательство. Так или иначе, мне необходимо было увидеть, что складывает этот Кинг-Конг в свой мешок.

Правда, у меня почему-то сложилось впечатление, что он не обязательно покажет мне свою добычу, даже если я очень попрошу. Но и альтернатива меня не слишком ободряла. В столь стесненном пространстве, в окружении других жильцов я боялся рисковать, высвобождая свою боевую магию. Тем более я в ней не слишком силен. Даже пользуясь жезлом в качестве регулятора, я ухитрился в прошлом причинить серьезный ущерб не одному зданию в нашем городе. Хорошо еще, до сих пор мне удавалось выбраться из этого более-менее живым. В общем, рисковать лишний раз мне не очень хотелось.

Ну конечно, я мог бы просто наброситься на громилу и попытаться отобрать у него саквояж. У меня сложилось впечатление, что при этом меня могут ожидать новые, не самые приятные ощущения, но попробовать мне никто не мешал.

Я вытянул шею и посмотрел на громилу еще раз. Одной рукой он небрежно приподнял диван, весивший никак не меньше двух сотен фунтов, и заглянул под него. Я снова отодвинулся от двери. Нет, последняя идея мне явно не нравилась. Решительно не нравилась.

Секунду-другую я задумчиво пожевывал губу. Потом сунул жезл обратно в коробку, поправил на голове форменную кепку и, отойдя от стены, постучал в полуоткрытую дверь.

Голова громилы повернулась в мою сторону; при этом ему пришлось повернуть всю верхнюю половину корпуса. Он злобно оскалился.

– Доставка на дом, – как можно более непринужденно произнес я. – Заказ на имя мистера Ройеля. Распишитесь в получении.

Громила свирепо воззрился на меня из-под сильно выступающих надбровных дуг.

– Цветы? – прорычал он, подумав с полминуты.

– Ага, приятель, – подтвердил я. – Цветы.

Я вошел в комнату и сунул ему под нос накладную. Эх, черт, как я не догадался сунуть в зубы жвачку!

– Подпишитесь здесь, внизу.

Он еще раз испепелил меня взглядом, но накладную взял:

– Ройеля тут нет.

– А мне какое дело? – Свободной рукой я сунул ему ручку. – Вы только черкните закорючку, и я пошел.

На этот раз он свирепо покосился сначала на ручку, а только потом уже на меня. Подумав немного, он опустил свой саквояж на журнальный столик:

– Ну ладно...

– Вот и хорошо. – Я шагнул мимо него и поставил коробку на стол.

Он стиснул ручку в лапище и склонился над бумажкой. Пока он был занят этой непосильной задачей, я быстро сунул руку в саквояж, схватил первую попавшуюся бумажку размером чуть больше игровой карты и зажал ее в кулаке. Я успел вынуть руку из саквояжа прежде, чем он разделался с подписью и, ворча, сунул накладную обратно мне.

– А теперь, – буркнул он, – вон отсюда!

– А то, – заверил я его. – Спасибоочки.

Я повернулся было уходить, но рука его вдруг метнулась ко мне и стальной хваткой стиснула мое запястье. Я оглянулся. Он сощурился и раздул ноздри.

– Цветы? – прорычал он. – А чего тогда не пахнут?

Душа моя стремительно ушла в пятки, но я сделал последнюю попытку сблефовать:

– О чем это вы, мистер... э... – я покосился на накладную, – Грум?

Мистер Грум?

Он придвинулся ко мне еще ближе и снова раздул ноздри, на этот раз с шумом втягивая в себя воздух:

– Магией пахнет. Чародеем пахнет.

Должно быть, улыбка на моем лице сделалась несколько кисловатой.

Грум взял меня лапищей за горло и без видимого усилия оторвал от земли. Поле моего зрения резко сузилось, да и то, что я еще видел, заволокло дымкой. Накладная выпала у меня из рук. Я сделал попытку дернуться или хотя бы стряхнуть его руку. Безрезультатно. Он недобро сощурился и оскалился в ухмылке.

– Зря ты ввязался не в свое дело... не знаю, как тебя звать! – прорычал он, сдавливая мое горло все сильнее.

Мне послышался треск. Я надеялся только, что это трещали его пальцы, а не моя трахея.

– Как тебя звали при жизни, – поправился он.

Пользоваться моим браслетом было уже поздно, а жезл лежал в коробке, вне моей досягаемости. В глазах уже начинало темнеть, и я поспешно полез в карман в поисках единственного оставшегося у меня оружия. Я искренне молился о том, чтобы догадка моя оказалась верна.

Я нащупал в кармане ржавый железный гвоздь и, стиснув его как можно крепче, ткнул им в руку Грума чуть ниже локтя. Гвоздь впился в его плоть.

Он взревел басом, от которого стены содрогнулись, дернулся, крутанулся на месте и отшвырнул меня от себя. Я врезался в дверь спальни Ройеля, распахнул ее и спиной вперед полетел дальше. Мне повезло: я приземлился на кровати, не зацепив деревянных столбов по углам. Попади я на один из них – наверняка сломал бы себе позвоночник. Я подпрыгнул на пружинах матраса, больно ударился о стену и рухнул обратно на кровать.

Я поднял взгляд и увидел, что с Грумом произошли разительные изменения.

В отличие от киношных громил, на нем красовалась теперь кожаная набедренная повязка – и ничего больше. Кожа его приобрела темно-красный оттенок и сплошь поросла волосами. Уши торчали по сторонам головы таким подобием тарелок спутникового ТВ, а лицо сплюснулось, приобретя сходство с горильей мордой. Роста в нем тоже заметно прибавилось. Ему приходилось пригибаться, но даже так плечи его шваркали по расположенному на высоте добрых десяти футов потолку.

Взревев еще раз, Грум выдернул гвоздь из руки и отшвырнул его в сторону. Тот пробил стену, оставив за собой отверстие размером с мой большой палец. Потом он повернулся и, оскалив жуткую зубастую пасть, шагнул ко мне. Паркет скрипнул под его весом.

– Огр! – выдохнул я. – Вот дрянь! – Я вытянул руки в сторону моего жезла и напряг волю. – *Ventas servitas!*

Внезапный вихрь сорвал коробку из-под цветов со столика и швырнул ко мне. Она больно стукнула меня в грудь, но я, крикнув, перехватил ее, быстро вытащил из нее жезл и нацелил в приближавшегося Грума. Я закачал в жезл изрядную порцию воли, и конец его засиял багровым светом.

– Fuego! – рявкнул я, высвобождая энергию.

Огненная струя толщиной с мой кулак устремилась к Груму и ударила его прямо в грудь.

Огонь не замедлил его ни на секунду. Кожа его вообще не горела – даже волосы не задымились. Огонь разбился о его тело, не причинив ему ни малейшего вреда.

Грум с трудом протиснулся в дверь спальни, снеся при этом косяк, и занес кулак размером с небольшую бочку. Он с размаху опустил его на кровать, но я не стал этого дожидаться. Перекатившись, я юркнул в щель между кроватью и стеной. Огр потянулся ко мне, но я оттолкнулся ногами от стены, врезался лбом в его ноги и, обогнув их, на четвереньках устремился к двери.

Я почти успел. В последний момент что-то тяжелое и твердое с размаху ударило мне по мягкому месту и ткнуло носом в ковер. Я успел еще сообразить, что Грум запустил в меня антикварным стулом Викторианской эпохи, напоминавшим скорее трон.

Секундой позже меня пронзила боль от удара, но я продолжал упрямо ползти к двери. Пол содрогался под шагами догонявшего меня огра...

– Что это за бардак у вас там? – послышался из коридора возмущенный женский голос. – Я уже вызвала полицию, так и знайте! А ну выметайтесь отсюда, если не хотите за решетку!

Грум застыл. На его обезьяньей физиономии явственно обозначилась досада. Он зарычал и, перешагнув через меня, забрал со столика саквояж. Я откатился к стене. Наступи он на меня – и мокрого места бы не осталось, и у меня не имелось ни малейшего желания облегчать ему эту задачу.

– Считай, тебе повезло, – буркнул огр. – Погоди, еще встретимся!

Очертания его тела расплылись, он уменьшился в размерах и превратился в обычного громилу, каким я видел его пару минут назад. Он поправил котелок на голове и пошел к двери, не забыв по дороге лягнуть меня ногой. Я успел увернуться, а он не стал задерживаться. Хлопнула дверь, и он ушел.

– Ну? – продолжал все тот же женский голос. – Что там у вас, хулиганье? А ну, вон!

Где-то на улице взывала полицейская сирена. Я встал и, пошатнувшись, привалился к стене, чтобы не упасть. Другой рукой я выудил из кармана клочок бумаги, украденный из Грумова саквояжа.

Это оказалась не просто бумажка. Это была фотография. Ничего особенного – обыкновенный поляроидный снимок. Седовласый Ройель стоял на фоне Волшебного замка в одном из Диснейлендов.

Его окружало несколько молодых людей – улыбающихся, загорелых и, судя по выражению лиц, счастливых. Одна из них была высокая, с крепкой шеей женщина в линялых джинсах, с волосами, выкрашенными в болотно-зеленый цвет. На ее широком, некрасивом лице играла улыбка. Рядом с ней стояла девушка из тех, которых снимают в каталогах нижнего белья, – длинноногая, с изящно очерченным телом. Одета она была в короткие шорты и лифчик от бикини. Ее волосы тоже имели зеленый оттенок, но яркий, травяной, а не болотный. С другой стороны от Ройеля стояло двое молодых мужчин. Один – невысокий, коренастый тип в бейсболке и солнцезащитных очках – исподтишка показывал рожки из-за головы своего спутника – миниатюрного мужчины хрупкого сложения с бронзовым загаром и выгоревшими почти добела волосами.

Что это за компания? Что делал с ними Ройель? И почему Грум так спешил убрать эту фотографию из квартиры Ройеля?

Сирена взывала ближе, и, если я только не хотел быть арестованным по звонку какой-то благонамеренной чикагской богачки, мне стоило убираться отсюда. Я потер продолжавшее болеть горло, поморщился от боли ниже пояса, куда саданул чертов стул, и, спотыкаясь, поспешил из дома.

Глава 12

Я выбрался из старого дома и вернулся к «Голубому жучку» не потревоженный никем – ни смертными, ни нежитью. Когда я выруливал на проезжую часть, навстречу мне пронеслась патрульная машина с включенными синими мигалками. Я повел «жучок» прочь на умеренной скорости, стараясь, чтобы дрожь в руках не сказывалась на направлении движения. Впрочем, никто за мной не погнался, так что, должно быть, мне это удалось. Один-ноль в пользу хороших парней.

Теперь у меня появилось время подумать, хотя я не был уверен в том, что мне этого хочется. Я залез в квартиру Ройеля на всякий случай, не рассчитывая найти многого. Но мне повезло. Я оказался не только в нужном месте, но и в нужное время. Кто-то явно желал припрятать что-то оттуда – либо фотографии вроде той, которую я свистнул из саквояжа, либо какие-то другие бумаги. Что ж, теперь мне предстояло выяснить, что собирал там Грум или – что не менее важно – зачем ему нужно было ликвидировать какие-то хранившиеся у Ройеля улики. Не узнав этого, вряд ли можно было рассчитывать на то, чтобы узнать, для кого он это делал: огры не отличаются самостоятельностью действий. И с учетом обстоятельств наивно было бы предполагать, что один из потусторонних громил-тяжеловесов орудовал в доме убитого сам по себе.

Огры считаются диким племенем – они могут работать и на Зиму, и на Лето, а характером бывают от веселых мордоворотов до патологических садистов.

По первому знакомству Грум, похоже, не принадлежал к первым, но решительности ему было явно не занимать. И дисциплины тоже. Обычная гора мускулов из Небывальщины вряд ли удержалась бы от соблазна размолоть меня в труху, что бы там ни кричали соседи. Это означало, что Грум – не какой-то там заурядный потусторонний медведь. Что ж, это делало его еще опаснее, даже если не брать в расчет ту легкость, с которой он игнорировал наложенные мною на него заклятья.

Вообще-то, все огры способны в той или иной степени нейтрализовывать действие магических сил. Мои заклятья оказали на Грума не больше эффекта, чем если бы я пытался поразить его электрическим разрядом, в попытках добыть который долго-долго вытирал бы подошвы о коврик. Это означало, что он силен и опытен. Мой вывод подтверждался и скоростью, с которой он менял внешность. Заурядный мордоворот с палицей вряд ли принял бы человеческий облик – с одеждой, заметьте! – с такой легкостью.

Силен, опытен, скор – и вреден до невозможности. Скорее всего, он служил доверенным телохранителем какого-нибудь высокопоставленного чернокнижника.

Интересно какого?

Остановившись у светофора, я еще раз взгляделся в украденную у Грума фотографию.

– Черт, – пробормотал я. – Кто эти люди?

Список вопросов рос, как плесень в сырой кладовке.

Я приехал, когда церемония похорон Ройеля уже началась. Похоронное бюро Фленнери в Ривер-Норт всего несколько лет назад было семейным предприятием. Это старое заведение, но его всегда поддерживали в идеальном порядке. Теперь аккуратно подстриженные кусты и газоны заменили композициями из камней – еще бы, ведь за ними проще ухаживать. Асфальт на стоянке растрескался, и горело не больше половины уличных фонарей. Над главным входом светилась аляповатая сине-зеленая вывеска, гласившая:

АКРЫ ВЕЧНОГО ПОКОЯ

РИТУАЛЬНЫЕ УСЛУГИ

Я припарковал «жучок» на стоянке, сунул фотографию в карман и вылез из машины. Увы, жезл с посохом пришлось оставить. Люди, которые не верят в магию, имеют привычку

подозрительно коситься на тебя, когда тыходишь в помещение со здоровенной, украшенной странными знаками палкой. Люди же, которым известно, кто я такой, реагируют на меня примерно так, как если бы я был увешан гранатами, а в каждой руке на манер Джона Уэйна держал по крупнокалиберному пулемету. В зале могло находиться немало и тех и других, так что я постарался не слишком выделяться, ограничившись кольцом – почти разряженным, хоть этого никто и не знал, – браслетом-оберегом и материнским амулетом-пентаграммой на цепочке. Взгляд на отражение в стеклянной двери подтвердил, что с точки зрения общественного мероприятия наряд мой так себе, впрочем на упоминание в светской хронике я и не претендовал. Войдя в здание, я направился к залу, в котором прощались с Рональдом Ройелем.

Старика облачили в серый, с металлическим отблеском, шелковый костюм – явно рассчитанный на человека помоложе и к тому же больше на пару размеров. В твидовом костюме тот смотрелся бы лучше. В морге над Ройелем поработали тоже тят-ляп. Щеки его казались слишком румяными, а губы так и остались синими. На губах виднелись ямочки в местах, где их сшили, чтобы рот не открывался. При всем желании Ройеля не приняли бы за вздремнувшего старика – это был труп, и ничего больше. Народу в зале собралось немного; те, что пришли, сбились в кучки беседующих или расхаживали взад-вперед перед гробом.

Никто не курил, сгораясь в тени, никто не шарил по собравшимся подозрительным взглядом. Я не видел никого, поспешно прячущего за спиной окровавленный нож или хотя бы поправляющего отклеившийся ус. Что ж, значит, азбучный метод поисков убийцы исключается. Возможно, его – или ее – здесь не было.

Разумеется, никто не мешал фэйри, входя, спрятаться за завесой или чужой внешностью, однако известно, что даже самые опытные из них сталкиваются со сложностями в этом деле в мире смертных. Верно, Мэб выглядела очень даже неплохо, но и ее внешность я не назвал бы нормальной. То же самое относилось к Груму. Я хочу сказать, он казался человеком, но при этом производил впечатление статиста из «Отверженных». Короче, фэйри замечательно умеют много всякого, но к умению теряться в толпе это никак не относится.

Так или иначе, толпа показалась мне состоящей преимущественно из родственников и деловых партнеров покойного. Никто не походил на персонажей с фотографии, никто не производил впечатления фэйри в плохо сидящем костюмчике смертного. И если только мои инстинкты не устроили себе отгул, никто в зале не использовал никакой завесы или магической маскировки. Один-ноль в пользу плохих парней.

Я выскользнул из зала в вестибюль – и сразу же услышал чей-то шепот. Стараясь ступать как можно тише, я подобрался ближе к его источнику, на полную мощность наострив Слух.

– Да не знаю я, – шипел мужской голос. – Я весь день ее искал. Она еще ни разу не пропадала так долго.

– Именно это я и говорю, – отвечал приглушенный женский голос. – Она ни разу не пропадала так долго. Ты же знаешь, она одна совершенно беспомощна.

– Господи, – вмешался третий голос, совсем еще молодой тенорок. – Ему это все-таки удалось. На этот раз удалось.

– Это нам пока неизвестно, – возразил первый голос. – Может, она наконец-то напрягла извилины и смогла вырваться из города.

– Нет, Туз. – Женский голос звучал совсем устало. – Она не могла просто так взять и уехать. Во всяком случае, по собственной воле. Нам надо что-то делать.

– Что уж тут поделаешь... – усомнился второй мужчина.

– Что-нибудь, – вздохнула женщина. – Что угодно.

– Вау, это уже интереснее. – Первый голос, предположительно принадлежавший Тузу, сделался вдруг напряженным. – Что бы ты там ни собиралась делать, тебе стоит поторопиться. В доме чародей.

Я ощутил, как напряжение невидимой рукой сжимает мне затылок. На мгновение за дверью воцарилась тишина.

– Здесь? – панически пискнул второй мужской голос. – Сейчас? Почему ты сразу не сказал?

– Я и сказал, тупица, – буркнул Туз.

– Что нам делать? – спросил второй мужчина. – Что делать, что, что?

– Заткнись! – рявкнул женский голос. – Да заткнись же, Хват!

– Он в кармане у Мэб, – сообщил Туз. – Ты же сама знаешь. Она приехала сюда сегодня из Феерии.

– Ну и что, – возразил второй голос, предположительно принадлежащий Хвату. – Он ведь не из титанов, правда?

– Это смотря от кого ты о нем слышал, – хмыкнул Туз. – Те, кто становился у него на пути, отличаются одной странной привычкой: почти все они мертвы.

– Господи, – произнес Хват перехваченным голосом. – Господи, господи!

– Послушайте, – вмешалась в их разговор женщина. – Если он здесь, нам здесь нечего делать. Во всяком случае, пока не узнаем, что все это значит. – Скрипнула мебель. Возможно, стул. – Пошли отсюда.

Я скользнул за угол и подождал, пока они не выйдут из двери в холл. Они направились не в мою сторону. Вместо этого шаги их удалялись прочь от входа. Должно быть, к запасному выходу. Я пожевал губу и прикинул шансы. Трое весьма встревоженных типов – возможно, смертных, а возможно, и нет – направлялись по полутемному вестибюлю к запасному выходу, открывающемуся, несомненно, в еще более темный переулок. Звучало как рецепт новых неприятностей.

Впрочем, и других вариантов мне в голову тоже не приходило. Я сосчитал до пяти и пошел следом.

Я успел увидеть в дальнем углу вестибюля только неясную тень. Проходя мимо комнаты, откуда они вышли, я заглянул внутрь. Ничего особенного: небольшая комната ожидания с несколькими обитыми тканью креслами. Я помедлил секунду у двери и услышал негромкий щелчок отворяемой стальной двери. Потом она закрылась. Подойдя ближе, я увидел над дверью полустершуюся наклейку: **ВЫХОД**.

Подойдя к двери, я как мог бесшумнее отворил ее. Потом сунул голову в щель и, вытянув шею, повертел ею во все стороны.

Они стояли меньше чем в пяти футах от меня – трое молодых людей с фотографии Ройеля. Невысокий костлявый тип с очень светлыми волосами и темным загаром стоял лицом ко мне. Он был одет в коричневый, с чужого плеча костюм с желтым синтетическим галстуком-клипсой. Глаза его до забавного расширились, а рот потрясенно открылся. Он пискнул, и этого хватило, чтобы я опознал его как Хвата.

Рядом с ним стоял другой молодой мужчина, Туз, с темными курчавыми волосами, в серой спортивной куртке, белой рубашке и темных брюках. Когда он повернулся посмотреть на меня, я увидел на его носу все те же темные очки. При виде меня рука его сразу же потянулась к карману куртки.

Третьей оказалась та самая крепко сложенная молодая дама с волосами болотного цвета. Джинсы в обтяжку, пожалуй, только подчеркивали развитую мускулатуру ног. Наряд ее состоял из блузки цвета хаки. Она не колебалась ни секунды. Даже не посмотрев на меня, она резко развернулась, взмахнула рукой и вмазала мне по щеке тыльной стороной ладони размером с хорошую совковую лопату. В последнее мгновение мне удалось чуть ослабить удар, но даже так он выбросил меня из двери на улицу. Перед глазами моими заплясали звезды и мультяшные птички, и я покатился по земле, пытаюсь только оказаться как можно дальше от нее, чтобы не схлопотать нового удара.

Туз уже достал из кармана куртки маленький полуавтоматический пистолет, но его остановила женщина:

– Не валяй дурака. Нас всех убьют.

– Добрый дефь, – попытался поздороваться я, хотя мой рот слегка онемел, а язык, казалось, сделался тяжелее свинца. – Я хофел тофько поговодить ффами.

Женщина лягнула меня по ребрам с силой, достаточной, чтобы лишить меня дыхания. Потом подняла меня за ремень и, крикнув от натуги, швырнула в воздух. Я приземлился футах в десяти от нее в открытом мусорном контейнере. Пустые картонные коробки и гниющие отбросы смягчили падение.

– Бежим! – рывкнула женщина. – Бежим, быстро!

С минуту я лежал в мусоре, пытаюсь отдышаться. Шум трех пар бегущих ног стих в дальнем конце переуллка.

Я уже почти смог сесть, когда из-за края контейнера высунулась чья-то неразличимая в темноте голова. Я встряхнулся и выбросил вперед левую руку, послав одновременно энергию в свой браслет-оберег. Щит получился у меня слишком большим, и там, где он коснулся стенок контейнера, от металла полетели искры, но в их свете я наконец увидел, кто это.

– Гарри? – окликнул меня Билли Оборотень. – Что ты здесь делаешь?

Я убрал щит и протянул ему руку:

– Ищу подозреваемых.

Он нахмурился и выдернул меня из мусора. Я постоял пару секунд, качаясь, пока голова не перестала идти кругом. Билли поддержал меня за локоть.

– И что, нашел?

– Угу. Пожалуй, да.

Билли кивнул и окинул меня взглядом:

– Ты это решил до или после того, как тебе съездили по физиономии и бросили в мусор?

Я стряхнул с джинсов кофейную гущу.

– Слушай, я лезу к тебе с советами насчет твоей работы?

– Ну... вообще-то, да. Все время.

– Ладно-ладно, – буркнул я. – Пиццу принес?

– Угу, – кивнул Билли. – Только в машине оставил. А зачем она?

Я взъерошил свою и без того растрепанную шевелюру, надеясь вытряхнуть из нее остатки кофейной гущи. Потом повернулся и пошел обратно к дому.

– Тут кое-кого подкупить надо, – пояснил я, оглянувшись через плечо на Билли. – Ты как, веришь в фэйри?

Глава 13

Билли держал пиццу в руках, пока я рисовал мелом круг на асфальте.

– Гарри, – не выдержал он наконец, – а как это все-таки должно действовать?

– Подожди немного, – сказал я.

Я не довел круг до конца, но забрал у него коробку с пиццей. Открыв ее, я достал одну дольку и положил ее в центр круга на салфетку. Потом помазал пиццу кровью из расквашенной губы, отступил назад и дочертил круг, не замыкая его пока заклинанием.

– Проще простого, – сказал я. – Я заманиваю фэйри поближе к этой пицце. Он унюхивает ее, бросается к ней и начинает есть. В процессе он невольно поедает и частицу моей крови, и этой энергии достаточно, чтобы круг замкнулся.

– Так-так, – скептически хмыкнул Билли. Он достал из коробки второй кусок пиццы и поднес его ко рту. – А потом ты выбиваешь из него информацию, так?

Я вынул кусок у него из рук, положил его обратно в коробку и закрыл крышку.

– А потом я выманиваю у него эту информацию подкупом. И не трожь пиццу.

Билли насупился, но пиццу в покое оставил.

– А мне что делать?

– Сидеть тише воды и смотреть, чтобы никто не пытался меня прихлопнуть, пока я буду говорить с Тук-Туком.

– С Тук-Туком? – недоверчиво переспросил Билли.

– Адские погремушки, Билли, не я же выбираю имена. Просто помалкивай, и все. Если он заподозрит, что поблизости находятся другие смертные, он может занервничать и удрать прежде, чем я его отловлю.

– Ну, если ты так говоришь... – вздохнул Билли. – Просто я надеялся, что смогу пригодиться не только для доставки пиццы.

Я взъерошил волосы руками.

– Я еще не нашел для тебя другой работы.

– Я мог бы попытаться отследить тех троих с фотографии, что ты мне показал.

Я покачал головой:

– Скорее всего, они просто сели в машину и уехали.

– Угу, – терпеливо произнес он. – Просто, если я найду сейчас их запах, это может помочь мне отыскать их позже.

– А... – кивнул я, ощущая себя болваном. Ладно, не посмотрел я на этот вопрос под таким углом. – Хорошо, если хочешь. Ты только осторожнее, ладно? Не знаю, что еще может ошиваться поблизости.

– Хорошо, мамочка, – ухмыльнулся Билли.

Он поставил коробку с пиццей на закрытый мусорный бак, повернулся и исчез в переулке.

Я подождал, пока Билли скроется из виду, нашел славное местечко в тени и спрятался там. Потом на мгновение зажмурился, концентрируясь, и нашептал имя нужного мне фэйри.

Любое разумное существо имеет свое имя – специфический набор звуков, связанных с его истинной сутью. Если практикующий чародей знает чье-то имя – знает его со всеми нюансами произношения и правильно расставленными ударениями, – он может использовать это имя для установления магической связи с его обладателем. Так, например, призывают в смертный мир демонов. Назовите чье-либо имя – и вы установите связь. И если вы, конечно, чародей, это означает, что вы будете обладать властью над его обладателем, где бы он ни находился.

Власть над потусторонним существом посредством его имени – рискованный раздел магии, и всего один шаг отделяет его от попыток овладеть волей другого смертного. Исходя

из Семи законов магии, установленных Белым Советом, последнее считается серьезнейшим преступлением, и Совет карает его со всей наглядностью и неотвратимостью.

Учитывая особую любовь, питаемую ко мне Советом, я прямо-таки параноик во всем, что касается возможных нарушений законов магии. Поэтому, произнося имя фэйри, я добавил в него самую капельку принуждения – ровно столько, чтобы ненавязчиво привлечь его внимание, заинтриговать тем, что может находиться в этом переулке. В общем, я прошептал имя фэйри и принялся ждать, хоронясь в тени.

Минут через десять с неба по спирали спустилось нечто, напоминающее гибрид колибри и метеора, этакий мерцающий шар бело-голубого света. Он приблизился к земле, и сияние померкло настолько, что стала видна миниатюрная фигурка фэйри, Тук-Тука.

Роста Тук имел примерно шесть дюймов. Шевелюра его напоминала воздушностью лиловый одуванчик, а за плечами трепетала пара прозрачных стрекозьих крыльев. Во всех остальных отношениях он напоминал человека, и в чертах его проскальзывала красота повелителей фэйри, сидхе. Однако сегодня на голове его красовался шлем, сооруженный, похоже, из пластмассовой пробки из-под кока-колы, а пробку удерживала на голове пропущенная под подбородком лямка из тонкой нитки. Выбывающиеся из-под шлема волосы почти закрывали ему глаза. В руке он держал копье, представлявшее собой старый желтый карандаш второго номера с примотанным к нему ниткой острием из булавки. На поясе висела голубая пластмассовая шпатель для коктейля.

Тук осторожно приземлился рядом с пиццей. Потом обошел ее кругом и, прикрыв глаза рукой от фонарного света, настороженно огляделся по сторонам. Потом поднял руку в воздух, сжал крошечный кулачок и несколько раз энергично взмахнул им.

Сразу же с неба спикировало еще с полдюжины разноцветных огненных шариков. Все до одного фэйри были вооружены предметами, судя по всему позаимствованными из пенала какого-то школьника.

– Р-равняйся! – пронзительно пискнул Тук-Тук. – Смир-рна! Пер-рекличка!

Залитая зеленым сиянием маленькая фея рядом с Туком вытянулась по стойке смирно, хлопнула себя по лбу и по-строевому четко повернулась налево.

– Недотрога Лу по приказу прибыла! – отчеканила она.

Стоявший рядом с ней фэйри багрового цвета тоже хлопнул себя по лбу.

– Звездный Скачок по приказу прибыл! – доложил он.

Переключка продолжалась до тех пор, пока последний, в чине рядового второго класса, не подошел, чеканя шаг, к Тук-Туку.

– Все на месте, генерал, – доложил он. – И все голодны как собаки.

– Отлично, – кивнул Тук-Тук. – Воль-на! Для принятия пищи р-разойтись!

Фэйри восторженно завопили, побросали оружие и набросились на кусок пиццы.

Стоило им приняться за еду, как магический круг с едва заметным хлопком замкнулся. Реакция последовала незамедлительно. Фэйри испустили резкий, пронзительный крик и взмыли в воздух. Разумеется, невидимый барьер не пропустил их, и по его периметру там, где в него врезались фэйри, вспыхнули фонтанчики сверкающих искр. Разноцветные светлячки металась внутри круга до тех пор, пока Тук-Тук не приземлился и не огляделся по сторонам.

– Отставить бардак! – рявкнул он. – Смир-рна!

Надо отдать ему должное: он неплохо вымуштровал свою маленькую армию. Все до одного застыли в воздухе в тех местах, где застала их команда. Похоже, стоять по стойке смирно и махать крыльями одновременно у них не получалось, поскольку все разом повалились на мостовую, взметнув еще полдюжины облачков светящейся пыли, и каждый, соприкоснувшись с поверхностью, издал негромкое «ой».

Тук-Тук подобрал свое копье-карандаш, подошел к самому краю круга и посмотрел в темноту:

– Гарри Дрезден? Это ты?

Я вышел из своего убежища и кивнул:

– Это я. Как дела, Тук?

Я ожидал лавины гневных, но пустых угроз. Так, во всяком случае, вел себя Тук-Тук обычно. Вместо этого он с шипением пригнулся, держа копьё на изготовку. Остальные фэйри похватили свое оружие и окружили своего командира.

– Тебе нас не взять, – заявил Тук. – Призыва еще не объявляли, а до тех пор мы принадлежим сами себе.

Я изумленно уставился на него:

– Призыва? О чем это ты, Тук?

– Нас не провести, эмиссар, – сказал Тук. – Я знаю, кто ты. Я на тебе запах Зимней Королевы за версту чую.

Интересно, подумал я, делают ли они от этого дезодоранты? Так или иначе, я поднял руку, успокаивая его:

– Тук, я работаю сейчас на Мэб, но она всего лишь клиент для меня, правда. Я здесь не для того, чтобы забирать тебя куда-то или принуждать к чему-то.

Тук упер копьё ластиком в асфальт и подозрительно насупил брови:

– Не врешь?

– Не вру.

– Клянешься?

– Клянусь.

– Правда клянешься?

– Век свободы не видать, – с серьезным видом поклялся я.

– Сплюнь, – потребовал Тук.

Я плюнул на асфальт.

– Ну, тогда ладно, – кивнул Тук.

Он отбросил копьё и, к замешательству своих подчиненных, метнулся обратно к пицце. Они возмущенно заголосили и поспешили за ним. Куска пиццы хватило ненадолго. Зрелище напоминало кадр из научно-популярного фильма, где пираньи расправляются с незадачливой тварью, попавшей в воду не вовремя и в неудачном месте, – с той только разницей, что вместо водяных брызг здесь мелькали слюдяные крылья и облачка разноцветной светящейся пыли.

Я, хмурясь, смотрел на это пиршество до тех пор, пока Тук-Тук с несколько округлившимся животиком не отвалился от пиццы. Он удовлетворенно вздохнул и подождал остальных.

– Ну, Гарри, – сказал он наконец, – как думаешь, кто выиграет войну?

– Белый Совет, – ответил я. – У Красной Коллегии физическая подготовка слабее и на скамье запасных никого стоящего.

Тук фыркнул и сорвал с головы свой пластмассовый шлем-пробку. Волосы сразу же разметались по ветру.

– То, что у них тылы слабоваты, еще не значит, что они автоматически проиграют. Но я имел в виду совсем другую войну.

Я нахмурился:

– Войну Зимы и Лета?

– Да, – кивнул Тук.

– Ясно. С чего это ты весь в броне и при оружии, Тук?

Фэйри расплылся в ухмылке:

– Круто, да?

– Просто ужас наводит, – с серьезным видом согласился я. – Но зачем тебе все это?

Тук скрестил руки на груди и принял самую мужественную позу, какую только можно принять, имея шесть футов роста и стрекозьи крылья за спиной.

– Надвигается беда.

– Так-так. Я слышал, династии в смятении.

– Не просто в смятении, Гарри Дрезден. Начался призыв Диких фэйри. Я видел нескольких дриад в обществе Летнего Рыцаря сидхе, а русалка из канала выбралась на берег в паре кварталов отсюда и вошла в дом Зимних.

– Значит, призыв, говоришь? Ребят вроде вас?

Тук кивнул и лягнул под зад развалившегося с сытой ухмылкой Звездного Скачка. Тот отозвался неожиданно басовитой отрыжкой.

– Не все же тусуются при дворе. Обыкновенно мы заняты своими делами и не обращаем на них особого внимания. Но в военное время Диких фэйри призывают – на ту или другую сторону.

– И кто выбирает, за кого вам воевать?

Тук пожал плечами:

– Ну, как правило, те, кто подороже, идут к Летней Королеве, а те, кто повреднее, – к Зимней. Наверное, все зависит от того, что ты делал в мирное время.

– Так-так, – повторил я. – А ты что делал? Холодные дела или теплые?

Тук звонко рассмеялся:

– Чтобы я помнил всякую такую ерунду! – Он похлопал себя по животику, а затем поднялся на ноги, оценивающе глядя на меня. – Эй, Гарри, это у тебя там не коробка ли с пищей?

Я взял коробку, снял крышку и продемонстрировал им остальные куски пиццы. Это вызвало у фэйри хоровое «У-у-у-у!», и все разом столпились на самой границе круга, приплюснув носики к невидимому барьеру.

– Ты ведь частенько угощал нас пиццей последние пару лет, а, Гарри? – заметил Тук, сглотнув слюну. Взгляд его не отрывался от коробки у меня в руках.

– Ну, ты же протянул мне руку, когда я нуждался в твоей помощи, – кивнул я. – Так что все по справедливости, так?

– По справедливости, говоришь? – буркнул Тук, внезапно насторожившись. В глазах его вспыхнуло подозрение, но нос против воли снова принюхался к запаху из коробки. – Это... это... Гарри, это ведь пицца!

– Мне нужно от тебя кое-что еще, – сообщил я. – Мне нужна информация.

– И ты платишь за нее пиццей? – с надеждой в голосе спросил Тук.

– Да, – кивнул я.

– Ур-ра! – завопил Тук и описал в воздухе восторженную спираль.

Остальные фэйри не уступали ему в бурности эмоций, так что воздух внутри круга превратился в разноцветный фейерверк, от которого зарябило в глазах.

– Даешь пиццу! – кричал Тук.

– Пиццу, пиццу, пиццу! – вторили ему остальные.

– Сначала я хочу, – напомнил я, – чтобы мне ответили на несколько вопросов.

– Идет, идет, идет! – закричал Тук. – Да спрашивай же!

– Мне нужно поговорить с Зимней Леди, – сказал я. – Где я могу ее найти, Тук?

Тук взъерошил свою фиолетовую шевелюру:

– И это все, что ты хотел узнать? Да под городом! Там, где все под землей: и магазины, и тротуары.

Я нахмурился:

– В Преисподней?

– Ну да, да, да! Там, куда смертные не заглядывают, можно найти вход в Подземный город. Зимняя Леди переехала в Подземный город. И весь ее двор тоже в Подземном городе.

– Что-о? – поперхнулся я. – С каких это пор?

Тук нетерпеливо закружился в воздухе:

– С прошлой осени!

Я почесал в затылке. Что ж, пожалуй, в этом имелась какая-то логика. Прошлой осенью одна мстительная вампирша и ее союзники посеяли потусторонние беспорядки, до предела расшатав границу между реальным миром и Небывальщиной, миром духов. Вскоре после этого началась война между чародеями и вампирами.

Подобные события не могли не привлечь внимания самых разных существ.

Я покачал головой:

– А Летняя Леди? Она тоже в городе?

Тук упер руки в боки:

– Ну разумеется, Гарри. Если Зима сюда явилась, как могло Лето не прийти?

– Разумеется, – устало согласился я. Черт, что-то я не в форме. – А ее где найти?

– Она на самом верху одного из высоких домов.

Я вздохнул:

– Тук, это же Чикаго. Здесь полным-полно высоких зданий.

Тук удивленно уставился на меня, на мгновение нахмурился, а потом просветлел:

– Ну, того, рядом с пиццерией.

Голова заболела немного сильнее.

– Послушай-ка. Как насчет проводить меня туда?

Тук обиженно выставил вперед подбородок:

– И пропустить пиццу? Ищи дурака.

Я стиснул зубы.

– Тогда найди мне кого-нибудь в провожатые. Ты ведь наверняка знаешь кого-то подходящего.

Тук наморщил лоб. Он подергал себя за мочку уха, но это явно не просветлило ему память, потому что он потер одну ногу о лодыжку другой, потом в задумчивости побродил немного по кругу, прежде чем вернуться ко мне. Нимб света вокруг него сделался чуть ярче.

– Ага! – пропел он. – Да! Будет тебе провожатый! – Он уставил в меня палец. – Но только если это последний вопрос, Гарри. Пиццу гони, пиццу!

– Сначала провожатый, – настаивал я. – Потом пицца.

Тук взмахнул руками и ногами так, словно хотел стряхнуть их прочь:

– Ну да, да, да!

– Заметано, – сказал я.

Открыв коробку с пиццей, я поставил ее на перевернутый пустой ящик. Потом шагнул к кругу, чуть наклонился и, взмахнув рукой, усилием воли отворил его.

Послышался восторженный крик и вопли «ура!», и фэйри, оставив за собой шлейф возмущенного воздуха, еще сильнее растрепавшего мне волосы и взметнувшего с асфальта бумажки и листья, метнулись мимо меня к коробке. Они впились в пиццу с тем же энтузиазмом, что и в первый кусок, только теперь трапеза заняла у них чуть больше времени.

Наконец Тук взмыл в воздух, завис у меня перед лицом и вытянул руку ладошкой вверх. Секундой спустя что-то, напоминающее яркую, выстрелившую из костра искру, слетело с неба и приземлилось у него на ладони. Тук произнес что-то на совершенно незнакомом мне языке, и крошечный огонек возбужденно замерцал в ответ.

– Все верно, – кивнул Тук.

Прищурившись, я разглядел, что это крошечная, размером с муравья, светящаяся фигурка. Еще один фэйри. Или одна. Огонек пульсировал и менял цвет, и Тук, еще раз кивнув, повернулся ко мне.

– Гарри Дрезден, – объявил Тук-Тук, подняв ладонь повыше, – это Элиди. Она готова оказать мне услугу и проводить тебя к Зимней Леди, а потом к Летней. Тебя это устраивает?

Я нахмурился:

– А она меня понимает?

Элиди возмущенно топнула крошечной ножкой, и окружавший ее алый огонек дважды мигнул.

– Да, – перевел Тук. – Две вспышки означают «да», а одна – «нет».

– Две – «да», одна – «нет», – повторил я.

Тук наморщил лоб:

– Или это одна означает «да»... Никак не запомню.

С этими словами он повернулся и метнулся обратно в кучу переливавшихся над остатками пиццы огоньков.

Элиди потребовалось несколько секунд, чтобы восстановить равновесие, нарушенное поднятым ее крыльями вихрем. Она покружилась немного в воздухе и уселась мне на переносицу. Мне пришлось скосить глаза, чтобы смотреть на нее.

– Эй, – сказал я. – Как, гоюсь я в качестве дивана?

Две вспышки.

Я вздохнул:

– Ладно, Элиди. Хочешь пиццы, прежде чем мы отправимся в путь?

Снова две вспышки, на этот раз ярче. Крошечная фея взметнулась в воздух и присоединилась к пиршеству.

В переулке слышались шаги, и из темноты показался Билли, в водолажке, туго обтягивавшей его мускулистый торс. Я испытал короткий приступ зависти. У меня нет мускулистого торса. Не то чтобы мой живот выпирал над поясом или что-то в этом роде, но и стальных мышц у меня тоже нет. Даже бронзовых. Да что там бронзовых, даже пластиковых и то нет.

Билли покосился на пиццу и на мгновение зажмурился:

– Вау. Ничего себе картинка. Ни дать ни взять «Челюсти».

– Угу, – буркнул я. – Не смотри на это слишком долго. Огоньки фэйри способны действовать на человеческую психику.

– Ясно, – сказал Билли и перевел взгляд на меня. – И как? Добился, чего хотел?

– Угу, – кивнул я. – А ты?

Он пожал плечами:

– Городской переулок – не лучшее место, чтобы идти по следу, но при встрече я их узнаю – если буду в другом обличье, конечно. Запах у них не совсем обычный.

– Что ж, этого можно было ожидать.

Билли блеснул в темноте зубами:

– Ха. И чего мы ждем?

Элиди оторвалась от остальных и снова водрузилась мне на переносицу. Билли изумленно выпучил на нее глаза:

– Какого черта?

– Это наша провожатая, – пояснил я. – Элиди, это Билли.

Элиди дважды мигнула. Билли снова на миг зажмурился:

– Э-э-э... очень приятно. – Он тряхнул головой. – Итак, каков план?

– Для начала навестим Зимнюю Леди в ее подземном логове. Говорить буду я. Ты будешь держать ухо востро и прикрывать мне спину.

– Хорошо, – кивнул он. – Задачу понял.

Я оглянулся – как раз вовремя, чтобы увидеть, как последний кусок пиццы в мельтешении разноцветных слюдяных крыл взмыл в воздух. Фэйри окружили его, разрывая на куски нетерпеливыми ручонками, и через пару секунд от него ничего не осталось. Покончив с ним, фэйри эскадрилей пузатых метеоров взмыли в воздух и исчезли из виду.

Элиди снялась с моего носа и полетела по переулку в противоположном направлении. Я двинулся следом.

– Гарри? – окликнул меня Билли, в его голосе еще теплилась надежда. – Как думаешь, неприятности будут?

Я вздохнул и потер переносицу.

Головная боль в эту ночь мне была гарантирована. Да и сама ночка обещала выдаться не самой легкой.

Глава 14

Элиди вела нас с Билли по темным переулкам. Потом мы лезли по пожарной лестнице на крышу какого-то здания, спускались с другой стороны и продирались сквозь мусор на заброшенной стоянке где-то в районе Педуэя. Через полчаса таких странствий я начал жалеть, что не попросил у Тук-Тука в провожатые кого-то, умеющего читать дорожные схемы. Добирались бы с комфортом, на машине...

Туннели чикагской подземки строились сравнительно недавно – во всяком случае, по сравнению с остальной частью города. Для человека, незнакомого с ними, это настоящий лабиринт – длинные полосы одинаковых светильников на потолке, стены с пятнами рекламных постеров и батареи указателей, не всегда точных, на перекрестках. Вход в подземку прекращается поздно вечером и открывается только в шесть утра, но Элиди уверенно довела нас до недостроенного здания на углу Рендольф и Уобэш. Она зависла перед дверью служебного входа; та и впрямь оказалась не заперта. За дверью обнаружилась вторая такая же, ведущая в темный переход подземки, – похоже, его бросили, недостроив.

Здесь царил совершенная темнота, так что я снял с шеи серебряную пентаграмму и усилием воли засветил ее. Пятиконечная звезда столетиями служила символом магии, олицетворяя собой четыре природные стихии и связанную человеческой волей стихию духовную. Я выставил пентаграмму перед собой, и она засветилась неярким голубоватым светом, достаточным, чтобы мы хоть немного различали стены туннелей. Крошечная фея летела все дальше, и мы молча следовали за ней. Она довела нас до пересечения двух переходов у Педуэя, свернула за угол, и через пару десятков ярдов мы уперлись в ржавую металлическую дверь с надписью «ОПАСНАЯ ЗОНА. НЕ ВХОДИТЬ». Дверь оказалась не заперта, и мы продолжили путь по туннелю. Здесь было сыро, и в воздухе стоял запах плесени – в обитаемой части подземки такого не встретишь.

Еще через пятьдесят или шестьдесят футов стены туннеля сделались неровными, и даже свет моей пентаграммы не мог разогнать сгустившиеся вокруг нас тени.

Элиди подлетела к особенно темному участку стены и описала в воздухе небольшой круг.

– Похоже, нам входить здесь, – сказал я.

– Как это – «входить»? – скептически хмыкнул Билли. – Куда входить?

– В Преисподнюю, – ответил я, шаря руками по стене. На первый взгляд она казалась сделанной из того же грубого бетона, но чуть подалась, стоило мне нажать сильнее. – Где-то здесь должен быть замок. Кнопка или что-нибудь в этом роде.

– Что это за Преисподняя в Чикаго? Ничего такого не слышал.

– Я проработал здесь, наверное, лет пять или шесть, прежде чем узнал об этом, – признался я. – Тут нужно знать историю Чикаго. Как он строился.

Билли сложил руки на груди:

– Я весь внимание.

– Город строился на болотах, – пояснил я, продолжая ощупывать стену. – Земля здесь практически на одном уровне с водами озера Мичиган. Когда начали возводить дома, они стали погружаться в болото. Не сразу, конечно, но с каждым годом проседали все глубже. Улицы мостились деревом, а потом поверх них настилали еще одну улицу – с расчетом на то, что первая медленно погрузится. Дома рассчитывались точно по такому же принципу. На втором этаже закладывали еще одну входную дверь и называли ее «чикагским парадным», так что, когда дом погружался, она оказывалась на уровне земли.

– А когда и эта улица погружалась?

– Строили над ней еще одну. В общем, под знакомыми нам улицами существует целый город. С ним была уйма проблем – пришлось справляться с крысами и бомжами.

– А теперь?

– И крыс, и бомжей практически вытеснили другие существа. Здесь теперь, можно сказать, еще одна цивилизация. И поскольку солнце сюда не попадает, это идеальное место для всяких ночных тварей.

– В общем, город-преисподняя, – кивнул Билли.

– Вот именно, Преисподняя. С большой буквы. Под Чикаго таких туннелей видимо-невидимо. Во время Второй мировой войны в них разместили проект «Манхэттен» – здесь создавали атомную бомбу.

– Звучит ободряюще. Ты здесь часто бывал?

Я покачал головой:

– Нет. Слишком много здесь всякой дряни.

Билли нахмурился:

– Какой еще дряни?

– Самой разной. Из того, чего ты почти никогда не встретишь на поверхности. Даже чародеи мало что знают об этих существах. Гоблины, духи земли, вурдалаки, разные безымянные твари. Плюс обычный сброд. Вампиры, например, иногда укрываются здесь на день. И тролли тоже. Всякая плесень, грибы, каких в естественной среде не найти. И так далее.

Билли задумчиво прикусил губу:

– Значит, ты ведешь нас в лишенный света лабиринт, полный злобных фэйри и прочих монстров.

Я кивнул:

– Возможно, еще и остаточной радиации.

– Господи, Гарри, с тобой точно не соскучишься.

– Не ты ли рвался в бой?

Пальцы мои нащупали на стене крошечный выступ, и, когда я нажал на него, часть стены со щелчком подалась, повернувшись на вертикальной оси и открыв проем в еще более непроглядную темень.

– Ха, – удовлетворенно хмыкнул я. – Вот так.

Билли шагнул вперед, к порогу, но я задержал его, положив руку ему на плечо:

– погоди. Есть еще кое-что, о чем тебе стоило бы знать.

Билли нахмурился, но прислушался.

– Мы имеем дело с фэйри. Возможно, мы встретимся с сидхе – это их аристократия – во главе с Зимней Леди. Учти, они опасны и, скорее всего, попытаются заманить тебя в ловушку.

– О чем это ты? Какую ловушку? – удивился Билли.

– Сделку. Торг. Они попытаются предложить тебе что-нибудь в обмен на что-то другое.

– Но зачем?

Я покачал головой:

– Не знаю. Такова их природа. Сам принцип долга и связанных с ним обязанностей очень сильно влияет на их поведение.

Билли удивленно приподнял брови:

– Поэтому тот крошечный парень и работал на тебя, да? Он слопал твою пиццу и теперь в долгу перед тобой?

– Совершенно верно, – сказал я. – Только это может иметь и обратный эффект. Если ты в долгу перед ними, они могут обратить это против тебя, используя при этом свою магию. Основное правило общения с ними – не принимать от них никаких подарков. И бога ради, сам тоже не предлагай им ничего. Любой, самый невинный на вид обмен может расцениваться ими как подкуп или оскорбление. В случаях с мелюзгой, вроде Тука, это не так страшно, но, ввязавшись в сделку с сидхе, недолго и голову потерять. В буквальном смысле.

Билли пожал плечами:

– Ладно. Никаких подарков. Феи опасны. Усек.

– Я еще не закончил. Они ведь не будут предлагать тебе коробок в красивой упаковке, парень. Это же сидхе. Одни из самых прекрасных существ. Они попытаются сбить тебя с толка, соблазнить тебя.

– Соблазнить? Меня? Ты имеешь в виду секс?

– Я имею в виду все, связанное с чувственными ощущениями. Секс, пищу, красоту, музыку, запахи. Что бы они ни предлагали тебе, не принимай этого, если не хочешь стать уязвимым.

– Хорошо, – кивнул Билли. – Усек. Теперь идем?

Я внимательно посмотрел на него. Он ответил взглядом, полным нетерпения. Я покачал головой. Боюсь, у меня просто не нашлось слов, достаточно подходящих для того, чтобы описать угрозу, которая, возможно, поджидала нас в темноте за этой потайной дверью. Я сделал глубокий вдох и кивнул Элиди:

– Ладно, Динь. Идем.

Маленький алый огонек раздраженно подпрыгнул и устремился в темноту. Билли сощурил глаза и шагнул за ней. Я еще раз вздохнул и пошел следом. Мы оказались в туннеле, одна стена которого была сложена из покрытого плесенью древнего кирпича, а вторая представляла собой мешанину из полусгнивших бревен, пластов земли и извивающихся древесных корней. Света моего амулета едва хватало для того, чтобы разглядеть стены; сам туннель уходил в непроглядную темень. Наша провожатая летела дальше, и нам ничего не оставалось, как следовать за ней, стараясь держаться ближе друг к другу.

Туннель вывел нас в подобие пещеры с низким сводом, который подпирался расставленными как попало колоннами, горами осыпавшейся земли и балками, – судя по виду последних, их устанавливали в меру своего умения уже обитатели Преисподней. Элиди сделала по пещере несколько неуверенных кругов, потом полетела направо.

Я, однако, последовал за ней не сразу: по спине моей вдруг пробежали мурашки, во рту как-то разом пересохло. Должно быть, я издал при этом какой-то звук, потому что Билли оглянулся на меня:

– Гарри? Что там?

Я поднял руку, останавливая его, и вгляделся в окружающую нас темноту.

– Смотри в оба, – сказал я. – Кажется, мы здесь не одни.

Откуда-то из окружавших нас теней послышалось негромкое шипение. Теперь мурашки ползали уже по всему моему телу, и я чуть поддернул рукав, открывая свой браслет-оберег.

– Я чародей Дрезден, – произнес я, возвысив голос, – эмиссар Зимнего двора, направляюсь поговорить с Зимней Леди. У меня нет ни времени, ни желания биться. Позволь мне пройти.

В ответ из тени послышался голос – таким голосом разговаривала бы кошка, которую дергают за хвост, обрети она дар речи.

– Нам известно, кто ты, чародей, – промяукал кто-то невидимый.

Какой-то неправильный, дикий был у него выговор; звук исходил откуда-то справа от меня, почти от самой земли. Элиди испуганно вскрикнула и, метнувшись ко мне, спряталась у меня в волосах. Жар ее сияния ощущался на коже подобием солнечного луча.

Я переглянулся с Билли и повернулся к источнику звука:

– Кто ты?

– Слуга Зимней Леди, – последовал ответ, на этот раз из-за моей спины. – Я послан проводить тебя через ее владения, к ее двору.

Я резко повернулся и пристальнее вгляделся в том направлении, откуда слышался голос. Неяркий свет моего амулета отразился в паре звериных глаз, расположенных футах в двадцати

от меня и в нескольких дюймах от земли. Я оглянулся на Билли. Тот тоже заметил глаза и встал спиной ко мне, настороженно вглядываясь в темноту. Я повернулся обратно к говорившему:

– Еще раз спрашиваю: кто ты?

Глаза чуть подвинулись, и невидимый собеседник испустил раздраженное рычание.

– Многими именами называют меня, и многими тропами я прошел. Охотником был я, и наблюдателем, и провожатым. Моя госпожа послала меня привести тебя к ней в целости и сохранности.

– Не беси меня, Чарли! – рявкнул я. – Тебе правила известны не хуже, чем мне. В третий и последний раз я спрашиваю: кто ты?

Голос сделался совсем уже сиплым и сдавленным, едва членораздельным:

– Грималкином зовет меня Холодная Леди, повелевшая мне проводить эмиссара ее матери к ее двору, к ее трону.

Я перевел дух.

– Ладно, – буркнул я. – Веди нас.

Глаза опустились и снова поднялись, словно в поклоне, а потом Грималкин еще раз мяукнул. В тени что-то шевельнулось, затем на земле вдруг засветилось тусклым зеленоватым сиянием небольшое пятно. Я шагнул к нему и обнаружил на земле светящийся отпечаток лапы – очень похожей на кошачью, но с непропорционально растопыренными длинными пальцами. Стоило мне оказаться рядом с ним, как в нескольких футах дальше засветился новый след.

– Поспеши, чародей, – промывал голос Грималкина. – Не медли. Госпожа ждет. Время года на исходе. Время не терпит.

Я подошел ко второму следу, и тут же перед нами возник третий, потом четвертый – и так далее.

– К чему все это было? – шепнул Билли. – В смысле, когда ты трижды спрашивал одно и то же?

– Это обязывает, – отвечал я таким же шепотом. – Фэйри не позволено говорить ложь, и если кто-то из них произносит что-то трижды, ему придется сделать так, чтобы это оказалось правдой. Ему придется исполнить обещание, произнесенное трижды.

– А... – кивнул Билли. – Выходит, даже если эту тварь и не посылали проводить нас, ты заставил его трижды сказать так, чтобы он поступил так наверняка. Что ж, ясно.

Я покачал головой:

– Просто я хотел убедиться в том, что Грималкин на самом деле тот, за кого себя выдает.

Где-то впереди вспыхнула на мгновение пара светящихся глаз, и новый мяукающий рык заставил меня похолодеть.

– О, – сказал Билли. Похоже, ему тоже стало не по себе. Лицо его слегка побледнело, а руки сжались в кулаки. – Послушай, а если Грималкин и правда имел лишь добрые намерения, не вывели ли его твои расспросы из себя?

Я передернул плечами:

– Я здесь не для того, чтобы дружбу заводить, Билли. Я тут затем, чтобы найти убийцу.

– Слушай, а про такую штуку, как дипломатия, ты когда-нибудь слышал, а?

Минут двадцать мы так и шли по сырым туннелям, придерживаясь светящегося следа. Все чаще встречались нам следы недавнего строительства – если только неровные слои камня, вдавленные в стену, как в мягкое мороженое, можно назвать «строительством». Несколько туннелей вообще казались проложенными совсем недавно. Кто бы здесь ни жил, он явно не ограничивал себя в пространстве.

– Далеко еще? – поинтересовался я.

Грималкин отозвался новым мяукающим звуком, раздавшимся совсем близко – и с направления, отличавшегося от того, куда вели следы.

– Очень близко, благородный эмиссар. Теперь уже близко.

Невидимый проводник-фэйри не солгал. Еще один светящийся след оказался последним. Вместо следующего нас ждала дверь – высокая, футов в восемь или девять, из незнакомого мне черного дерева, украшенная замысловатой резьбой. Орнамент показался мне поначалу исключительно растительным: листья, выющиеся побеги, цветы и плоды. Однако, подойдя к двери поближе, я разглядел в свете своего амулета и другие детали. Среди извивов лиан лежали люди. Одни жадно сжимали друг друга в сладострастном порыве, от других остались только скелеты, сквозь кости которых пробивались побеги роз, третьи смотрели незрячими глазами, лежа в маковом поле... Там и здесь на рельефе угадывалось присутствие сидхе: закутанная в вуаль фигура или просто пара глаз. И естественно, фэйри разрядом пониже: мелочь вроде Тук-Тука, одетые в наряд из листьев дриады, играющие на флейтах сатиры и множество других скрытых от взгляда смертных существ, сошедшихся в танце.

– Славные картинки, – заметил Билли. – Что, пришли?

Я огляделся по сторонам в поисках нашего провожатого, но не увидел ни следов, ни горящих кошачьих глаз.

– Похоже на то.

– Что-то они не отличаются особым изяществом, а?

– Ну, Лето в этом отношении лучше, чем Зима. Впрочем, все они при необходимости могут быть на уровне.

– Ну и ладно. А знаешь, Гарри, что мне не нравится?

– Что?

– Грималкин ведь не сказал, что выведет нас обратно.

Я покосился на Билли. Из темноты слышалось негромкое шипящее хихиканье. Я сделал глубокий вдох. Спокойно, Гарри. Не показывай детям, что нервничаешь. Повернувшись к двери, я трижды ударил по ней кулаком.

Удары разнеслись по пещере гулким эхом. После этого в подземелье на мгновение воцарилась тишина, а затем створки медленно растворились, выпустив на нас вал света, красок и звуков.

Трудно сказать, чего я ожидал от Зимнего двора, но никак не биг-бенда. Самый настоящий духовой оркестр наяривал где-то за дверями, а барабаны гроыхали и ухали с качеством звука, какого не достичь каким-нибудь драмсинтезатором, только настоящей кожей. Свет за дверью оказался приглушенный, окрашенный в разные цвета, словно помещение освещалось елочными гирляндами, и я разглядел за дверью кружащиеся в танце силуэты.

– Осторожно, – пробормотал я. – Не давай музыке захватить себя.

Сделав еще вдох, я шагнул через порог.

Помещение, в котором мы оказались, больше всего напоминало отель времен славных двадцатых годов. Черт возьми, да это, возможно, так и было, если отель просел в землю, чуть покосившись при этом набок, а затем его украсили в стиле, не имеющем ничего общего с человеческой культурой. Впрочем, чем бы раньше ни служило это место, оно явно предназначалось для танцев. Пол был вымощен розовым мрамором, понижавшимся в нескольких местах невысокими ступенями. И на этой мраморной поверхности танцевали Зимние сидхе.

Назвать это зрелище красивым было бы преуменьшением. Черт, это было бы все равно что не сказать ничего. Мужчины и женщины словно попали сюда из мюзикла сороковых годов: чулки, юбки до колен, армейская и флотская форма тех лет... Прически и стрижки тоже вполне укладывались бы в тот стиль, если только не обращать внимания на цвет волос. Первая девушка-сидхе, попавшаяся мне на глаза, щеголяла волосами купоросно-синего цвета, да и остальные не уступали ей в этом с их золотыми, серебряными и любыми другими локонами. Там и здесь вспыхивали бликами самоцветы украшений, продетых в уши, брови или губы, а вокруг танцоров переливался завораживающий нимб, имеющий у каждого свое неповторимое сочетание цветов, – корона энергии, магической силы сидхе.

Впрочем, даже без этой ауры завораживало то, как они двигались, и я с трудом заставил себя отвести взгляд от этой картины: мелькнувших на мгновение из-под разметающихся в повороте юбок безупречных ног, выгнувшегося в сильных мужских руках женского тела, перебивавшихся в свете разноцветных огней волос. Среди танцующих не нашлось бы ни одного, по сравнению с которым топ-модели с обложек журналов не показались бы посмешищем.

В отличие от меня, Билли не такой параноик: он восхищенно глазел на танцующих широко открытыми глазами. Я толкнул его бедром с силой, от которой у него клацнули зубы; он встrepенулся и виновато покосился на меня.

Я еще раз оторвал взгляд от танцующих – примерно двадцати пар – и принялся изучать остальную часть зала.

С одной стороны помещения возвышалась эстрада, на которой играл оркестр. Музыканты во фраках были смертными и казались нормальными людьми – то есть почти уродами по сравнению с танцорами, для которых они играли. Приглядевшись, я заметил, что вид у музыкантов, и мужчин, и женщин, изможденный, голодный. На их фраках виднелись пятна пота, волосы висели невымытыми, неопрятными прядями, а на лодыжке у каждого обнаружился серебряный браслет, и соединявшая браслеты цепь висела по эстраде у них под ногами. Впрочем, огорчения от этого они не выказывали – скорее наоборот. Музыка, похоже, захватила их, и они вкладывались в нее целиком, без остатка. И играли великолепно – на уровне лучших джаз-банд, какие мне только приходилось слышать.

Это не отменяло того факта, что они оказались в плену у фэйри. Однако их самих это, похоже, не беспокоило. Музыка заполняла огромный каменный зал, стряхивая пыль с высокого, скрывавшегося в темноте потолка.

С противоположной от эстрады стороны зала пол, понижаясь, превращался в бассейн, заполненный водой, – во всяком случае, на вид эта жидкость показалась мне водой, черной и неестественно неподвижной. На моих глазах поверхность воды всколыхнулась, словно в глубине ее кто-то двигался. На темной поверхности заиграли разноцветные блики, и мне начало казаться, что это все-таки не вода. Или не совсем вода. По моей спине снова пробежал холодок.

Напротив меня на полу возвышались ярусами помосты, на каждом из которых стояло по столику с неяркой лампой под зеленым абажуром. На самом высоком помосте стояло единственное кресло со спинкой в форме снежинки, изваянное из какого-то напоминавшего серебро материала. В кресле никто не сидел.

Ударник отбарабанил короткое соло, и оркестр разом стих, оставив только одного трубача. Музыканты облегченно откинулись на спинки стульев, пара из них просто сползла на пол, а трубач все играл, и Зимние сидхе танцевали. Это был мужчина среднего возраста, немного раздавшийся в поясе, и лицо его по мере того, как тянулось его соло, багровело все сильнее.

А потом и танец остановился. Один за другим поворачивали сидхе свои прекрасные лица к эстраде, с любопытством глядя на продолжавшего играть солиста. Глаза их блестели в неярком свете.

Трубач все играл, но мне показалось – что-то не так. Лицо его потемнело еще сильнее, вены на горле и висках набухли и пульсировали. Глаза полезли из глазниц, потом его начало трясти. Секунду спустя звуки трубы стали прерывистыми. Мужчина оторвался губами от мундштука, и я увидел, как он силится вздохнуть, но безуспешно. Он дернулся, застыл, и глаза его закатились. Труба выскользнула у него из пальцев, и он упал – сначала на колени, потом медленно завалился набок, на пол эстрады. Глаза его остались открытыми, но смотрели в пустоту. Он еще раз дернулся, всхрипнул и застыл.

Среди сидхе пробежал ропот, и я оглянулся. Толпа расступалась, пропуская кого-то из глубины; мужчины склонялись в поклоне, женщины приседали в реверансе. К упавшему музыканту медленно подошла высокая девушка – бледная, безукоризненно прекрасная, ужасно напоминающая Мэб, какой та была, наверное, лет в шестнадцать. На этом сходство кончалось.

Она казалась молодой. Достаточно молодой, чтобы заставлять мужчину краснеть, поймав себя на непристойных мыслях, но достаточно взрослой, чтобы заставить его думать об этом. Волосы ее были заплетены в несколько длинных косиц, каждая из которых имела свой цвет – от темно-синего до светло-зеленого и даже ярко-белого, так что в целом казалось, будто волосы ее изваяны из льда. На ней были кожаные штаны темно-синего цвета с разрезами от колена до бедра и такие же туфли. Белая футболка обтягивала ее достаточно туго, чтобы острые соски явственно различались сквозь тонкую ткань, обрамляя надпись: «ГОЛОВУ ДОЛОЙ!» Низ футболки она подвязала выше пупка, в котором блестела какая-то серебряная бранзулетка.

Она подошла к упавшему музыканту с текучей грацией, с бездумной, небрежной чувственностью, заставившей мои мужские гормоны вести себя так, как это заблагорассудится им, а не мне. Она перешагнула через него, опустилась на корточки и лениво провела длинными перламутровыми ногтями по его груди. Он не пошевелился. Не вздохнул.

Девушка облизнулась, скривила рот в ленивой улыбке, потом нагнулась и поцеловала труп в мертвые губы. Я увидел, как по телу ее пробежала судорога неподдельного наслаждения.

– Вот, – прошептала она. – Вот видишь? Никто не скажет, что Леди Мэйв не исполняет своих обещаний. Ты ведь сам говорил, бедняжка, что умер бы ради возможности сыграть это блестяще. Что ж, так оно и вышло.

По толпе смотревших на это сидхе пробежал вздох, и они зааплодировали. Все с той же ленивой улыбкой Мэйв оглянулась на них через плечо, потом встала и поклонилась в обе стороны в ответ на их аплодисменты. Хлопки смолкли только тогда, когда она отошла от тела и по ярусам помостов со столиками поднялась к своему серебряному трону. Она опустилась на него, повернулась чуть боком, перекинула обе ноги через подлокотник и откинулась назад, выгнув спину и потянувшись.

– Милорды, миледи, дадим же нашим бедным музыкантам отдохнуть и прийти немного в себя. У нас гость.

Сидхе потянулись к столам. Я не сходил с места, продолжая молчать, хотя чувствовал, что взгляды всех обращены на меня – нечеловеческие, бессмертные.

Дождавшись, пока все рассядутся по местам, я шагнул вперед, пересек площадку, на которой только что кружились пары, и остановился у подножия помостов.

– Леди Зима, насколько я понял, – с легким поклоном произнес я.

Мэйв улыбнулась мне – на щеках ее образовались при этом соблазнительные такие ямочки – и шаловливо дернула ножкой:

– Разумеется.

– Вам известно, в каком качестве я здесь, Леди?

– Конечно.

Я кивнул. Что ж, значит, берем быка за рога.

– Не вы ли организовали убийство Летнего Рыцаря?

В зале воцарилось молчание. Взгляды Зимних сидхе сделались пристальнее, неуютнее.

Рот Мэйв растянулся в медленной улыбке, за которой последовал негромкий залиvistый смех. Она откинула голову назад, и тут остальные сидхе присоединились к ней. Они хохотали так добрых полминуты, пока я не ощутил, как лицо мое начинает предательски краснеть от досады и раздражения. Только тогда Мэйв небрежно махнула рукой, и смех послушно стих.

– Звезды и камни, – вздохнула она. – Я просто обожаю этих смертных.

Я стиснул зубы.

– Приятно слышать, – сказал я. – Так вы организовали убийство Летнего Рыцаря?

– А если и я, неужели ты думаешь, что я признаюсь тебе в этом?

– Вы уходите от ответа, – буркнул я. – Отвечайте на вопрос.

Мэйв поднесла к губам палец, словно сиюсь сдержать рвущийся смех. Потом снова улыбнулась:

– Я не могу просто так дать тебе эту информацию, чародей Дрезден. Она слишком дорого стоит.

– Что это значит?

Она сняла ноги с подлокотника, села, откинувшись на спинку трона, и закинула ногу на ногу, скрипнув кожей штанин.

– Это значит, что, если ты хочешь, чтобы я ответила на этот вопрос, тебе придется заплатить за него. Сколько ты готов за него отдать?

Я сложил руки на груди:

– Полагаю, у вас уже есть на этот счет какие-то планы. Иначе с чего бы вам посылать за нами провожатого?

– Быстро схвачено, – пробормотала она. – Мне нравятся такие. Ну да, чародей, планы есть.

Она махнула рукой в сторону стола чуть ниже и правее ее трона.

– Прошу тебя, садись, – сказала она, блеснув ослепительно-белыми зубами. – Давай заключим сделку.

Глава 15

– Вы предлагаете мне заключить еще одну сделку с сидхе? – Я даже не пытался скрыть недоверия. – Скажите, вас очень оскорбит, если я расхожусь с вами в лицо?

– А что такого смешного ты находишь в моем предложении?

Я закатил глаза:

– Боже мой, Леди, для начала хотя бы то, что такие вот штуки и завели меня во всю эту ерунду.

Мэйв изогнула губы в легкой улыбке и снова жестом предложила мне сесть рядом с ней.

– Не забывай, чародей, это ты пришел ко мне за чем-то. Наверняка от тебя не убудет, если ты хотя бы выслушаешь мое предложение.

– Это я уже слышал. Как правило, перед тем, как меня вздрючивали.

Мэйв облизнула губы кончиком языка.

– Все по порядку, мистер Дрезден.

Я фыркнул:

– Допустим, я не хочу слушать.

Что-то в ее глазах внезапно сделало ее лицо холодным, неприятным.

– Мне кажется, с вашей стороны не самое разумное оскорблять меня. Меня выводит из себя, когда мне портят вечеринку.

– Гарри, – негромко пробормотал Билли, – мне от этих людей не по себе. Если она с тобой просто забавляется, может, нам лучше уйти?

Я поморщился:

– Угу, возможно, это было бы самым разумным. Но ответов на вопросы это не даст. Потерпи еще немного.

Я шагнул вперед и начал подниматься к столику, на который указывала Мэйв. Билли следовал за мной по пятам. Мэйв, не отрываясь, следила за мной; глаза ее сияли.

– Ну вот, – произнесла она, когда я сел. – Не такой уж неукротимый, как он говорил.

Я стиснул зубы чуть сильнее. Билли уселся рядом со мной. Откуда-то выплыли три разноцветных огонька и поставили перед нами на стол серебряный поднос с хрустальным графинем воды и двумя стаканами.

– Кто говорил?

– Не имеет значения, – небрежно махнула рукой Мэйв.

Я смерил ее сердитым взглядом, но она не обратила на это никакого внимания.

– Ладно, Леди, – сказал я. – Валяйте.

Мэйв лениво протянула руку куда-то в сторону. В пальцах ее возник и тут же покрылся изморосью бокал какой-то золотой жидкости. Она пригубила из него и снова повернулась ко мне:

– Для начала я назову свою цену.

– Устройте лучше сезон скидок. С учетом обстоятельств я мало что могу предложить взамен.

– Верно. Я не могу попросить тебя и твою жизнь – они и так уже принадлежат Королеве Мэб. Но дай подумать... – Она задумчиво побарабанила пальцем по губам. – Что ж, – сказала она наконец. – Твою плоть.

– А?... – тупо произнес я.

– Твою плоть, чародей, – повторила она, небрежно теребя фиолетовый локон. – Твоего отпрыска. Твоего первенца. А я в ответ дам тебе ту информацию, что ты ищешь.

– Ошибочка вышла, мисс Белоснежка. У меня нет детей.

– Конечно нет, – рассмеялась Мэйв. – Но все можно устроить.

Судя по всему, это была условная фраза. Темная гладь бассейна снова колыхнулась, и я повернулся в ту сторону. Круги разбегались по поверхности того, что могло оказаться водой, и плескали о края бассейна.

– Что это? – тихо прошептал Билли.

Вода расступилась, и из бассейна вышла девушка-сидхе. Вода стекала по бледной коже ее стройного обнаженного тела. Волосы ее имели изумрудно-зеленый цвет, и, пока она поднималась по невидимым глазу подводным ступеням, я так и не смог определить, крашенные они или нет. У нее было ангельское лицо – такая девушка мечты из дома напротив. Волосы ее липли к лицу, шее, плечам, и капли воды играли на мокрой коже разноцветными бликами. Она подняла руки, и тотчас же с полдюжины крошечных разноцветных огоньков слетели к ней из ниоткуда, неся платье из изумрудного шелка. Они накинули его на девушку через голову; странное дело, но одежда не скрывала ее наготу, а только подчеркивала. Она окинула столики взглядом своих кошачьих глаз и склонила голову перед Мэйв. Потом остановила взгляд на мне.

На меня внезапно накатило нечто, такое же несложное, но не дающее ни шанса на сопротивление, как гравитация. Я испытал внезапное стремление вскочить и броситься к ней, сорвать, к чертовой матери, это шелковое платье и утащить ее обратно в воду. Я хотел видеть, как веером колыхнутся ее волосы под водой, хотел ощущать на себе прикосновение ее обнаженного тела. Я хотел ласкать руками ее нежную грудь, хотел извиваться вместе с ней в теплой невесомости бассейна...

Рядом со мной с шумом сглотнул Билли:

– Это мне кажется или здесь и правда немного потеплело?

– Это она на тебя так давит, – тихо ответил я ему. Губы мои слегка онемели. – Это чары. Это не по-настоящему.

– Ладно, – отозвался Билли без особой уверенности. – Это не по-настоящему.

Он взял стакан и потянулся было к графину, но я перехватил его запястье:

– Нет. Ни есть, ни пить тут нельзя – это опасно.

Билли неловко кашлянул и отодвинулся от стола:

– Ох. Да. Извини.

Девушка тем временем плыла меж столиков, а светящиеся огоньки продолжали суетиться вокруг нее, расчесывая ей на ходу волосы, вдевая в уши серьги с самоцветами, застегивая на шее переливающееся ожерелье... Я невольно следил за их перемещениями, а следовательно, и за ее телом. Не могу сказать, чтобы от этого побуждение броситься к ней сделалось слабее; боюсь, что наоборот, – тем более что теперь до меня доносился аромат ее духов, свежий, как дымка над озером в лунную ночь.

Девушка с зелеными волосами улыбнулась, потом повернулась к Мэйв и присела в реверансе.

– Моя Леди, – произнесла она.

Мэйв по-приятельски взяла ее за руку.

– Джен, – мурлыкнула она, – ты еще незнакома с печально знаменитым Гарри Дрезденом?

Джен улыбнулась, блеснув зубами. Зубы тоже оказались зелеными – ярко-зелеными, как водоросли, шпинат или, скажем, брокколи на пару.

– Только понаслышке. – Она повернулась ко мне и протянула руку, изогнув тонкую бровь.

Я предостерегающе покосился на Билли и поднялся пожать ей руку. При этом мне пришлось лягнуть Билли под столом, чтобы и он не забыл встать, здороваясь с девушкой-сидхе.

Я галантно склонился над рукой Джен. Пальцы ее оказались на ощупь прохладными, влажными. Мне почему-то казалось, что кожа ее должна была чуть сморщиться от воды, но я ошибался. Мне пришлось бороться с желанием коснуться ее кожи губами, но я сумел даже голос сохранить подчеркнуто-нейтральным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.